

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – XI

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции*

Улан-Удэ, 17 апреля 2020 г.

Banzarov Buryat State University
Laboratory of Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Russian Federation of the republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Mongolia
Mongolian State University
Assotiation of comparative Law of China
The University of Comparative Law
at Politician-legal university of China

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION – XI

Proceedings of the annual International youth scientific and practical conference
(correspondence format)

(Ulan-Ude, 17 April, 2020)

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2020

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Лаборатория сравнительного правоведения в странах АТР
Верховный суд Республики Бурятия
Региональное отделение общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Ассоциация сравнительного правоведения Китая
Институт сравнительного правоведения
при Политико-юридическом университете Китая

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – XI

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(заочный формат)*

(Улан-Удэ, 17 апреля 2020 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2020

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (5:94)
С 751

Ответственный редактор
Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия
К. А. Будаев, канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктуев*, канд. юр. наук, проф. БГУ;
Е. А. Мурзина, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук;
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.;
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.;
А.М. Бянкина (отв. секр.)

Текст печатается в авторской редакции

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XI:** материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2020 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2020. — 164 с.

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и актуальными проблемами права стран АТР, а также международным сотрудничеством.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region—XI: Proceedings of the annual International youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, 17 April, 2020) / sci. ed. Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2020. — 164 p.

The collection traditionally presents the articles of young scientists, postgraduates, candidates for a master's degree, students of Russian, Chinese and Mongolian universities on topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors, practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the law of the Asia-Pacific countries, as well as international cooperation.

УДК 340 (5-01)
ББК 67.0 (5:94)

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2020 г. пандемия коронавируса внесла свою лепту и в проведение очередной, уже одиннадцатой по счету, ежегодной международной молодежной научно-практической конференции «**Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – XI**». Все эти годы организационный комитет конференции и юридический факультет Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова работает над усовершенствованием мероприятия, воплощая в жизнь новые идеи и технологические средства, направленные на максимально открытый формат научного форума и возможность приобщиться к нему любому желающему.

За долгие годы работы конференция прошла длительный и трудный, но достойный и славный путь становления и развития. Молодежный научный форум не первый год создает стимулы для дальнейшей работы по изучению проблемных вопросов стран АТР и способствует развитию сравнительного правоведения в нашей стране на данном направлении, объединяет молодых ученых и практических работников, вносит значительный вклад в развитие современного общества и в целом правовой культуры. Пусть конференция и в будущем станет связующим звеном в достижении взаимопонимания и взаимодействия между представителями разных государств, и по-прежнему будет способствовать укреплению интереса к проблемам стран АТР и их государственности.

В этом году мероприятие впервые проходило в заочном формате. Однако порядок работы остался прежним, и традиционно площадка конференции объединила всех неравнодушных, кому интересны проблемы права стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Конференция начала свою работу уже привычно с пленарного заседания и в дальнейшем научная работа была продолжена на секциях:

Секция I. Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект;

Секция II. Международное право и международные отношения;

Секция III. Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР;

Секция IV. Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР;

Секция V. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР.

Участие в работе конференции приняли не только молодые исследователи, но и состоявшиеся ученые из городов России, Китая, Монголии (Иркутск, Красноярск, Екатеринбург, Новосибирск, Пекин, Санкт-Петербург, Улан-Батор, Улан-Удэ, Хабаровск, Владивосток, Чита).

После успешной и плодотворной работы конференция была завершена заключительным пленарным заседанием. По итогам прошедшего форума было принято решение о формировании сборника научных публикаций. В него вошли, представляющие определенный научный интерес статьи молодых исследователей-компаративистов.

В целом настоящее издание может быть интересно и полезно преподавателям, аспирантам и магистрантам, студентам, всем тем, кто интересуется и кого беспокоит будущность Азиатско-Тихоокеанского региона, его проблемы, во всем их многообразии и проявлении.

Организаторы конференции выражают особую признательность Верховному суду Республики Бурятия, Региональному отделению общероссийской организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия,

Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Ассоциации Сравнительного правоведения Китая, институту сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая.

Традиционно, издание получило свет благодаря усилиям множества людей, чья неиссякаемая энергия, оптимизм и жизнелюбие, верность своему делу и немалые усилия были залогом очередного успешного мероприятия и подготовке сборника материалов по его итогам! Благодарю всех за поддержку и активное участие, уважаемые коллеги!

*Заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова,
заслуженный юрист Республики Бурятия, доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сравнительно-правовой анализ систем налогового регулирования России, Японии и Сингапура

© Е. М. Линхоева

студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
elinhoeva99@mail.ru

Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу налоговых систем России, Японии и Сингапура. Представлена общая характеристика налоговых режимов данных стран.

Ключевые слова: налоговая система, кризис, налоги, налоговые режимы.

This article is devoted to the comparative legal analysis of the tax systems of Russia, Japan and Singapore. The general characteristics of the tax regimes of these countries are presented.

Keywords: tax system, crisis, taxes, tax regimes.

У любого государства, безусловно, существуют определенные потребности и амбиции, которые оно стремится реализовать, и на их реализацию необходимы, достаточно объемные денежные средства, и те материальные средства, которые будут направлены на реализацию поставленных целей взимаются с резидентов данного государства в обмен на защиту и обеспечиваемую безопасность.

В настоящий момент экономика Российской Федерации находится под давлением различных внешних факторов, таких как международные экономические санкции и экономический кризис. Налоговая система, существующая в Российской Федерации в настоящий момент, постоянно находится в таком состоянии, когда она должна преодолевать возникающие кризисы. С другой стороны, данное время является наиболее подходящим для того, чтобы проанализировать существующие системы, выявить имеющиеся в них недостатки и преодолеть их.

В процессе преодоления может помочь опыт иностранных государств, прошедших свой путь в оптимизации системы налогового регулирования. Для сравнительно-правового анализа взяты такие страны как Япония и Сингапур.

Налоги сегодня выступают одним из важнейших звеньев финансовой политики государства. Структура российской системы налогов подразумевает взаимодействие всех ее компонентов, а именно налогов и сборов, их плательщиков, правовой основы и государственных налоговых органов. Главным органом в этой сфере является Министерство Финансов РФ.

Современная система налогов и сборов Российской Федерации является трехуровневой, поэтому налоговые доходы распределяются между федеральным, региональными и местными бюджетами. Федеральные налоги и сборы обязательны к уплате на всей территории России, вне зависимости от того в каком регионе проживают налогоплательщики. Они закреплены в НК РФ и их размер одинаков для всех лиц, которые обязаны их уплачивать.

Региональные налоги и сборы обязательны к уплате на территории тех или иных субъектов РФ, они устанавливаются НК РФ и законами субъектов. В разных субъектах могут действовать разные налоговые ставки, а также сроки и порядок уплаты налогов. Местные налоги и сборы установлены НК РФ и нормативно-правовыми актами отдельных муниципальных образований, они обязательны к уплате на их территории [2, с. 1].

В отдельную группу можно выделить специальные налоговые режимы: УСН, ЕНВД, система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции, ЕСХН и патент.

Современная налоговая система России является относительно молодой и развивающейся. Несмотря на видимый прирост налоговых поступлений, она отличается нестабильностью политики, чрезмерным налоговым бременем, отсутствием стимулов для развития реального сектора экономики и единой ставкой налога на доходы физических лиц. Свою роль вносит также нестабильность в экономике и политических процессах, происходящих в стране и в мире [4, с. 16].

В ближайшей перспективе необходимо провести работу по повышению эффективности налоговой политики, созданию стимулов к развитию многих секторов экономики, дифференциации налоговых ставок в зависимости от уровня доходов населения. Все эти действия могут способствовать улучшению благосостояния народа и обеспечению стабильного роста национальной экономики.

Среди развитых стран особый интерес представляет Япония, ведь она является одним из лидеров восточного региона по темпам роста экономики. Есть несколько причин для сравнения налоговой системы России именно с японской. Во-первых, в обеих странах управление налоговой системой находится в юрисдикции Министерства финансов. Во-вторых, в Японии существует Национальное налоговое управление (ННУ), аналогом которого в РФ является Федеральная налоговая служба (ФНС). Данные государственные органы имеют свои подразделения, у ФНС это 13 управлений, у ННУ – секретариат и 3 управления, которые состоят из отделов. Теперь же обратимся к опыту Японии в построении эффективной налоговой системы.

В Японии важное значение имеют следующие основополагающие законы: Закон «О местном самоуправлении» от 17 апреля 1947 г., Закон «О финансовом обеспечении местных властей» от 7 июля 1948 г., Закон «О местном налогообложении» от 31 июля 1950 г.

В соответствии с ними, местным властям предоставляется право на установление собственных налогов и сборов, однако это должно быть согласовано с Министром по внутренним делам и связям.

Система налогов и сборов Японии является двухуровневой в связи с унитарным устройством государства и включает налоговые поступления центрального правительства и местных органов власти.

В стране 47 префектур, объединяющих города, поселки, районы, каждый из которых имеет свой самостоятельный бюджет.

Структура системы налогов и сборов Японии характеризуется множественностью налогов [6, с. 93]. Каждый орган территориального управления имеет право взимать налоги, которые закреплены в законах. При этом Закон «О местных налогах» устанавливает их виды и предельные ставки, а все остальные элементы определяются местным парламентом.

Всего в стране 25 государственных и 30 местных налогов. Они классифицируются по 3 группам:

1. Прямые подоходные налоги на юридических и физических лиц.
2. Прямые налоги на имущество.

3. Прямые и косвенные, потребительские налоги. Наиболее существенный доход государству дает подоходный налог с физических и юридических лиц (56%). Физические лица уплачивают дифференцированный государственный подоходный налог, имеющий пять ставок: 10, 20, 30, 40 и 50%. Кроме данных налогов имеются местные подоходные налоги. Вне зависимости от величины дохода, все жители Японии должны уплачивать налог на проживание.

Подоходным налогом облагаются заработная плата, доходы крестьян, доходы от сдачи недвижимости в аренду, дивиденды, проценты, случайные заработки и пенсии [7, с. 62]. Юридические и физические лица уплачивают налоги на имущество согласно единой ставке, которая составляет 1,4% от стоимости имущества. Переоценка собственности осуществляется 1 раз в 3 года. В объем налогообложения входит все недвижимое имущество, земля, ценные бумаги, проценты по банковским депозитам.

Кроме того, налоги уплачиваются в момент перехода имущества от 1-го владельца к иному, т. е. при приобретении или продаже собственности. Налог на наследование увеличивается на 20% для наследников, которые не являются детьми, родителями, братьями и сестрами. Налог на прибыль корпораций в Японии составляет 33,48% (национальная ставка) и 4,12% от прибыли (муниципальная ставка). При этом предоставляются льготные ставки для малого бизнеса.

В Японии часто дискутируется вопрос о тяжести налогового бремени обычных граждан. Но подоходное налогообложение физических лиц учитывает значительные льготы. Так, несмотря на высокие ставки налогов, государство предоставляет существенный необлагаемый минимум, который предусматривает социальное положение человека.

К примеру, от уплаты налогов освобождаются средства, затраченные на лечение. Среди семейных пар Японии с одинаковым годовым доходом больше налогов уплачивает та пара, в которой работает только один супруг [9, с. 139].

Следующий опыт, который представляется интересным, это Сингапур. Налоговая система Сингапура является территориальной, и налог на прибыль уплачивается с доходов, возникающих или полученных на территории Сингапура. Налоговая ставка составляет 17%. Действующая ставка налога обычно ниже благодаря различным освобождениям от налогов, налоговым льготам.

Сингапур привлекателен для инвесторов, открывающих здесь свой бизнес, в силу ряда причин, главная из которых — упрощенный порядок регистрации и осуществления деятельности юридических лиц. Еще один немаловажный фактор — система налогообложения в Сингапуре, известная свои-

ми, привлекательными, ставками, по, налогу, на, прибыль, юридических, лиц, и, доходы, физических, лиц, налоговыми, льготами, отсутствием, налога, на, прирост, капитала, одноуровневой, структурой, и, наличием, многочисленных, соглашений, об, избежании, двойного, налогообложения.

Субъекты, экономической, деятельности, включая, корпорации, партнерства, доверительных, управляющих, и, объединения, лиц, которые, осуществляют, на, территории, Сингапура, торговую, профессиональную или хозяйственную, деятельность, уплачивают, налог, на, любую, прибыль, (за, исключением, средств, полученных, в, результате, продажи, капитальных, активов), полученную, или, извлеченную, ими, на, территории, Сингапура, а также, определенные, виды, прибыли, от, такой, торговой, профессиональной, или, хозяйственной, деятельности, за, пределами, Сингапура.

Сингапур, называют, «восточноазиатским, тигром»: за, очень, короткий, промежуток, времени, эта, страна, сделала, огромный, скачок, в, экономическом, развитии. Сегодня, Сингапур, - высокоразвитый, город-государство, с, низким, налогообложением.

Это, одна, из, немногих, стран, которая, смогла, сохранить, AAA-рейтинг. Сингапур, находится, в, так, называемых, «белых, списках», что, помогает, избежать, подозрений, со, стороны, налоговых, органов, России, Украины, и, Казахстана.

Сингапур, имеет, более, 60, соглашений, об, избежание, двойного, налогообложения. Среди, стран, с, которыми, Сингапур, подписал, соглашения, есть, и, страны, бывшего, СССР, - Узбекистан, Эстония, Латвия, и, Литва. Относительно, невысокая, стоимость, регистрации, и, содержания, сингапурской, компании, делает, ее, отличным, решением, для, бизнеса.

В связи с вышеперечисленными фактами, Сингапур активно и эффективно используется в международном налоговом планировании. На примере рассмотренных выше налоговых систем видно, что для современных стран становится характерным расширяющееся и усиливающееся вмешательство государства в различные сферы экономической жизни. Разница лишь в степени этого вмешательства.

Основным инструментом государственного регулирования является финансовое воздействие на частное предпринимательство через налоговую политику. Осуществляя это воздействие, государство, как правило, ставит следующие главные цели:

- 1) достижение постоянного устойчивого экономического роста;
- 2) обеспечение стабильности цен на основные товары и услуги;
- 3) обеспечение полной занятости трудоспособного населения;
- 4) обеспечение определенного минимального уровня доходов населения;
- 5) создание системы социальной защищенности граждан, в первую очередь пенсионеров, инвалидов, многодетных;
- 6) равновесие во внешнеэкономической деятельности.

Достичь этих целей одновременно практически невозможно. Так, если начинают расти цены, то необходимо проводить меры по их ограничению и регулированию. Однако ограничение цен почти наверняка приведет к замедлению экономического роста и снижению занятости. Достижение полной занятости с той же неизбежностью приведет к повышению цен, ибо надо выплачивать заработную плату большему количеству людей, и снизится конкуренция на рынке труда.

Таким образом, налоговые системы России, Японии во многом схожи, в отличие от Сингапура, в которой действует одноуровневая система налогообложения. В Японии и РФ очевидно преобладание федеральных налогов и сборов, однако региональным властям предоставляются права в части уточнения налоговой базы и ставок, сроков уплаты. При этом, Федеральная налоговая служба (ФНС) администрирует федеральные, региональные и местные налоги в Российской Федерации, а Национальное налоговое управление (ННУ) государственные и местные налоги в Японии.

В Сингапуре же налоговая политика и механизм в руках государства, способствующий развитию Налоговой службы Сингапура. Секрет развития экономики Сингапура заключается в том, что правительство грамотно регулирует и распоряжается существующей налоговой системой для формирования привлекательного климата для внешних инвесторов. В Российской Федерации государство активно использует свои права на корректировку налоговых ставок.

Литература

1. Егорова Е. Н. Актуальные вопросы налогового регулирования в современных условиях // Сервис plus. 2011. № 4. С. 14-20.
2. Галяутдинов Р. Р. Налоговая система России: понятие, структура и уровни налогов [Электронный ресурс]. URL: <http://galyautdinov.ru/post/nalogovaya-sistema-rossii> (дата обращения: 16.10.2018).

3. Нестеренко Т. Г., Артюхин Р. Е., Белякова З. Г. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2017 г. 2018. 160 с.
4. Соглашение между Японией и Республикой Сингапур об экономическом партнерстве «нового века» (30 Ноябрь 2002 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/other_treaties/details.jsp?group_id=23&treaty_id=3419; Налоговое право: учебник / коллектив авторов; под ред. Е. М. Ашмариной. М.: КНОРУС, 2016. 294 с.
5. Пансков В. Г. Налоги и налоговая система РФ: учебник. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 16–23.
6. Попова Л. В. Налоговые системы зарубежных стран: учеб.-метод. пособие. М.: Дело и Сервис, 2011. 432 с.
7. Маркарьянц С. Социальное обеспечение населения: опыт Японии // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 4. С. 93–102.
8. Динкевич А. И. Экономическое развитие современной Японии // Деньги и кредит. 2008. № 10. С. 62–74.
9. Черник Д. Г. Налоги Японии // Финансы. 2008. № 12. С. 56–60.
10. Тихоцкая И. С. Налоговая система Японии / отв. ред. Г. К. Широков. М., 2012. 240 с.

Проблемы правового регулирования ведения интернет-блога: в России и США

© Д. С. Рахманова
студент 4-го курса кафедры
уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса»
Россия, г. Владивосток
deleexca@inbox.ru

В данной статье рассматривается, какие нормативные и ненормативные акты принимались для урегулирования ведения интернет-блога в РФ и США. Отмечены трудности, с которыми сталкивается законодатель при разрешении проблемы. Автор приходит к выводу, что регулирование ведения интернет-блога невозможно без установления механизма, который упорядочит сеть «Интернет» в общем.

Ключевые слова: блог, Интернет, правовое регулирование, информация, блогер.

This article examines what normative and non-normative acts were adopted to regulate Internet blogging in the Russian Federation and the United States. The difficulties faced by the legislator in solving the problem are noted. The author comes to the conclusion that the regulation of Internet blogging is impossible without establishing a mechanism that will regulate the Internet network in general.

Keywords: blog, Internet, legal regulation, information, blogger.

Социальные сети в XXI в. — неотъемлемая часть жизни человека. Через них мы получаем большой поток информации за короткое время, что значительно упрощает жизнь. Но насколько публикуемые сведения в сети «Интернет» точны и можно ли им доверять? Со СМИ все достаточно просто, потому как журналист обязан проверить достоверность сообщаемой им информации, что прямо предусмотрено Законом РФ «О средствах массовой информации». С подлинностью данных в интернет-пространстве значительно труднее. Особенно с высокой популярностью ведения интернет-блогов.

Интернет-блог представляет собой онлайн-дневник, сайт, где люди в виртуальном пространстве, при помощи добавления записей на страницу, делятся информацией. Соответственно люди, которые публикуют материалы, новости на своей виртуальной странице, именуется блогерами. Безусловно, вести блог можно абсолютно на разные темы. В зависимости от того какую тему выберет автор, спектр классификаций блога достаточно широк. Это и личные, и профессиональные, и новостные, а может и вовсе по размещению развлекательного контента - видеоматериалов. Блогерами признаются как обычные граждане, так и компании, которые используют интернет-блог, например, как способ продвижения и привлечения клиентов. Несмотря на простоту ведения интернет-блога пользователями сети, с законодательной точки зрения, это является существенной проблемой. Потому как блогеры имеют рычаги воздействия на общество, в лице своих подписчиков, которые читают блог, но сфера блогинга на практике не урегулирована.

В настоящее время ни в одной из стран мира нет кодифицированного законодательства, регулирующего правоотношения в сети Интернет. Существующие нормативно-правовые акты регулируют частные аспекты функционирования Сети, к ним относятся, прежде всего, вопросы подключения к ней через поставщиков, предоставления соответствующих линий связи и отдельных услуг и т. д. Нормы, которые можно было бы применить к отношениям по поводу Интернета, «разбросаны» по законодательным актам иных отраслей права [6, с. 17].

В Российской Федерации, начиная с 2015 г., была предпринята попытка регламентировать деятельность блогеров. В Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» вносилась поправка, согласно которой обозначено понятие «блогер», а также определено, что за ними будет осуществляться надзор, и это полномочие передавалось Роскомнадзору.

Итак, исходя из внесенной поправки, именуемой в Рунете как «Закон о блогерах», блогер - это владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет» [5]. На Роскомнадзор возлагалась обязанность вести реестр блогеров (реестр организаторов распространения информации в сети «Интернет»). Если интернет-блог посещают в сутки более трех тысяч пользователей сети «Интернет», то блогер был обязан зарегистрироваться в реестре и соблюдать предписания, содержащиеся в поправке к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Но в 2017 г. реестр прекратил свое существование ввиду неэффективности.

На нынешнем этапе в Российской Федерации нет нормативного акта, который бы упорядочил сферу блогинга. Но, тем не менее, на блогеров возлагается перечень законов, которые они должны соблюдать, будучи физическими или юридическими лицами. К ним относятся: ГК РФ в части ответственности за нарушение авторских прав и смежных с ним прав, КоАП РФ в части привлечения к ответственности, например, за оскорбление других лиц или за нарушение законодательства о рекламе [1; 2]. Также авторам блогов не следует публиковать материалы экстремистского характера, иначе на них будет действовать Федеральный закон от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Если создатель блога использует свой сайт или виртуальную страницу на какой-либо интернет-платформе, в целях извлечения прибыли, то у него возникает обязанность соблюдать и налоговое законодательство. Частой практикой среди блогеров является регистрация в качестве индивидуальных предпринимателей, тем самым они реализуют свою деятельность, не нарушая НК РФ.

Итак, мы видим, что в Российской Федерации были совершены попытки закрепить деятельность по ведению интернет-блога на законодательном уровне, которые не увенчались успехом. Но на блогеров в любом случае действуют отдельные нормативно-правовые акты, за несоблюдение которых последние могут быть привлечены к ответственности.

Сложность законодателя в упорядочении блогинга складывается, ввиду того, что сеть «Интернет» глобальна и развивается быстрыми темпами. Для создания единого механизма правового регулирования интернет-пространства, и входящего в него блогинга необходимо изучение большого массива информации из-за чего законодательные поправки или вносимые предложения о принятии тех или иных нормативных актов становятся попросту не актуальными.

Теперь перейдем к рассмотрению законодательства США по вопросу правового регулирования интернет-блога. Как и в России в США нет кодифицированного акта, который бы установил порядок ведения интернет-блога, указал бы: кто такой блогер, что входит в сферу его деятельности, какие ограничения на него будут распространяться.

Однако в США есть Этический кодекс американских блогеров, который действует с 2012 г. Этот проект создали на основе имеющегося Этического кодекса профессиональных журналистов, несколько переосмыслив его для применения к интернет-блогам и установив ряд принципов. Содержащиеся в Кодексе рекомендации необязательны для соблюдения блогерами. Но очевидно, что следование принципам этики блогера не только повысит уровень доверия читателей, но и поможет избежать конфликтных ситуаций и не допустит нарушения общественного порядка. Этический кодекс содержит следующие принципы:

1. Принцип ответственности заключается в том, что блогер прежде, чем начнет вести и публиковать сведения на различные темы обязуется помнить о некоторых правилах. Он должен рассказать, с какой целью создал блог; позволять своим подписчикам обсуждать опубликованные им темы; проверять доносимые сведения и источники.

2. Принцип честности и справедливости помогает предотвратить публикацию недостоверной информации. Т.е. автор всегда обязан указывать источник, из которого он хочет донести информацию до своих читателей, и приводить ссылку на него, если это возможно; убедиться в том, чтобы записи в блоге не искажали фактические события и не нарушали авторских прав.

3. Сведение вреда к минимуму означает, что блогеры, при выборе тем обсуждения на своей виртуальной странице, должны избегать того, чтобы такая информация наносила нравственные и моральные страдания людям, особенно детям. Им стоит избегать сенсаций или тем, например, связанных с катастрофами.

В 2007 г. был внесен на одобрение Палаты представителей США законопроект Free Flow of Information Act (Закон о свободном потоке информации). Он представляет собой аналог законов по защите репортеров, действующих в 32 американских штатах. В нижнюю палату Конгресса США вносились поправки в законопроект, включив в него положения о защите блогеров. Закон приравнивал авторов интернет-блогов к журналистам и освобождал их от обязанности предоставлять по требованию первоисточники, из которых они получили информацию, за исключением некоторых случаев. Тогда, когда существует угроза безопасности страны, есть вероятность смерти граждан. Сведения, которые касаются коммерческой тайны, а также, если информация противоречит общественным принципам. Но в 2008 г. этот законопроект был отложен.

В 2012 г. Конгресс США рассматривал проекты законов SOPA и PIPA, которые обязывали провайдеров и хостеров блокировать доступ к сайтам с нарушающими авторские права материалами по требованию правообладателей. В знак протеста тысячи сайтов, включая Википедию и Craigslist, на день перестали работать. Петиция против законов, размещенная на сайте Google, собрала более 4,5 миллионов подписей. В результате, Конгресс отложил их рассмотрение [4]. Далее эти законы распространялись бы и на блогеров.

Как отмечает Д. А. Медведев, «мы не должны зарегулировать все и вся, это абсолютно противоречит духу Интернета, но очевидно, что существует целый ряд проблем, и не только в нашей стране, которые должны быть решены. Речь идет не о простом вмешательстве в эту сферу, вопрос стоит в четком, планомерном регулировании интернет-отношений, более того есть прямая необходимость разработки международных правил на сей счет» [3].

Сущность проблемы правового регулирования интернет-блогов заключается в том, что на сегодняшний день имеется большой массив законодательных актов, которые регулируют интернет-отношения, как в Российской Федерации, США, так и в других странах, но эти акты не конкретизируют блогеров как субъектов информационного права. А также отсутствует четко выстроенная система регулирования в целом сети «Интернет». Да, предпринимались попытки упорядочить отдельное направление в виде блогосферы, которые, как вытекает из ранее сказанного, претерпели неудачу. Интернет-пространство – это постоянно меняющаяся среда, которую законодатель просто не успевает отслеживать и прежде, чем урегулировать сферу интернет-блогов, необходимо сначала выстроить структуру регулирования интернет-отношений, начиная с международного уровня и заканчивая национальным законодательством разных государств.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая): федер. закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/#dst0

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г., № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

3. Медведев Д. А. Принятые в России законы о регулировании в интернете не репрессивны [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. URL: <http://vz.ru/news/2012/11/27/609114.html>.

4. Регулирование Интернета в США [Электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/research/10>.

5. С 1 августа 2014 г. вводится ответственность блогеров за размещение информации в Интернете [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/33472.html/>.

6. Танимов О. В. Перспективы правового регулирования в сети Интернет // Информационное право. 2010. № 4. С. 16–20.

Историко-правовое сравнение конституций Якутии

© Н. С. Сергеева

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Россия, г. Якутск
namuynanadezhda@mail.ru

Статья посвящена комплексному сравнению конституций Якутии. Выделяются и описываются характерные особенности положительных и отрицательных черт конституционно-правового развития республики за период 1924–1992 гг. Автор дает обобщенную характеристику Конституции как основного закона, как источника основ государственного и общественного устройства республики.

Ключевые слова: Конституция ЯАССР, Конституция РС(Я), Якутия, историко-правовое сравнение, Ил Тумэн, анализ, Всеякутский съезд.

The article is devoted to a comprehensive comparison of the constitutions of Yakutia. The characteristic features of the positive and negative features of the constitutional and legal development of the republic for the period 1924–1992 are highlighted and described. The author gives a generalized description of the Constitution as a fundamental law, as a source of the foundations of the state and social structure of the republic.

Keywords: Constitution of the YASSR, Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutia, historical and legal comparison, Il Tumen, analysis, All-Yakutsk Congress.

Конституционно-правовое развитие Республики Саха (Якутия) свое начало берет с 1924 г. В Якутии было принято пять конституций: в 1924, 1926, 1937, 1978, 1992 гг. Все эти конституции имеют свои особенности, и каждая из них имеет особое правовое значение для республики. В связи с этим сравнительный анализ этих конституций, на наш взгляд, представляется весьма актуальным. Почему именно сравнение? Думается, в результате такого анализа становится возможным выявление положительных и отрицательных черт конституционно-правового развития республики за период 1924–1992 гг. Кроме того, именно сравнительный анализ может дать более четкое представление о динамике конституционно-правового развития Республики Саха (Якутия). Нелишне заметить, что конституция, являясь важнейшим, основополагающим документом любого государства, в том числе и субъекта Федерации, затрагивает все основные аспекты жизни общества.

Сравнительный анализ конституций республики основывается на последовательном рассмотрении большого числа сходных, но не тождественных правовых объектов. При этом можно обнаружить определенную общность конституций, а также отличия в силу политических, социально-экономических, исторических факторов, что создает необходимость и возможность их сравнения.

Итак, если перейти к сравнительной характеристике конституций республики 1924, 1926, 1937, 1978 и 1992 гг., то выстраивается такая картина.

1. Конституция 1924 г. Якутской Автономной Советской Социалистической Республики была принята на III Всеякутском съезде Советов. В I главе I-го раздела были провозглашены основные цели и задачи Советской власти: уничтожение всякого вида деления общества на классы, устранение деления общества на классы, установление социалистической организации общества, беспощадного подавления эксплуататоров и победы социализма во всех странах. Конституция ЯАССР 1924 г. включала «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа» и «Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических республик», исходящих из Конституции СССР 1924 г. [4].

Конституция 1926 г. ЯАССР, утвержденная на IV Всеякутском съезде Советов, начиналась сразу с раздела I «Общие положения» и раздела II «Об устройстве советской власти». Основные принципы конституции 1926 г. также исходили из положений Конституции СССР и имели «своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Следующая Конституция 1937 г., принятая 9 марта 1937 г. IV Чрезвычайным Всеякутским съездом Советов, в главе I, статьях I–III «Общественное устройство» устанавливала: в статье I: «ЯАССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян», статье II: «Политическую основу Якутской АССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов, завоевание диктатуры пролетариата, освобождения якутского народа от национального гнета...», статье III: «Вся власть в Якутской АССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». [3].

Конституция 1978 г. ЯАССР, принятая на внеочередной восьмой сессии Верховного Совета Якутской АССР девятого созыва, в главе I «Политическая система», в статье I провозглашала: «Якутская ССР есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей» [3].

Последняя, ныне действующая Конституция РС(Я), принятая Верховным Советом Республики Саха (Якутия) 4 апреля 1992 г., в разделе I «Основы конституционного строя РС(Я)» в статье I на момент ее принятия провозглашала: «Республика Саха (Якутия) является суверенным, демократическим и правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение». Впоследствии, под влиянием меняющегося федерального законодательства и в соответствии с решениями Конституционного Суда РФ указанная статья была скорректирована: «Республика Саха (Якутия) является демократическим правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение» [1].

Как мы видим, каждая конституция республики провозглашала различные принципы, исходящие из принципов Советской власти, потом и Российской Федерации. В основном в ходе сравнения видится такая закономерность: Конституции ЯАССР (1924, 1926, 1937, 1978 гг.) и Конституция РС (Я) 1992 г. имели существенно различающиеся принципы построения основ республики. Конституции ЯАССР провозглашали социалистическое общество, установление диктатуры рабочего класса, крестьянства и эксплуатируемого народа, в дальнейшем уже, начиная с Конституции 1926 г., целью провозгласили установление коммунизма в ЯАССР. В свою очередь, Конституция РС (Я) уже исходит из демократических принципов, провозглашает единственным источником власти ее народ. Современное законодательство в целом, и в частности конституции, резко отличается и по форме и по содержанию от советского. Демократические преобразования конца прошлого столетия выдвинули на первый план новые общезначимые ценности. Эти ценности выступают в качестве основы функционирования современного государства, определяя характер и направление его развития.

2. Далее рассмотрим экономические основы конституций. Согласно Конституции 1924 г. частная собственность на землю была отменена, и весь земельный фонд был объявлен общенародным достоянием [3]. А все леса, недра и воды были признаны общегосударственными. Также и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия были объявлены национальным достоянием (приложение II к главе VI «Положение о Государственной Плановой Комиссии Якутской ССР»). Что же касается конституций 1926, 1937 и 1978 гг., то согласно им, все недра, воды, земли, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, сельскохозяйственные предприятия и т.д. – все это государственная собственность, то есть всенародное достояние. Руководство экономической осуществлялось на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. Согласно Конституции 1992 г. «Земля, недра и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народа Республики Саха (Якутия)» (статья 5). Экономическую основу Республики Саха (Якутия) составляют государственная, муниципальная, частная и иные формы собственности в любой не запрещенной законом сфере (глава 9 «Экономические основы») [1].

Экономическая самостоятельность и роль государства в значимой мере определяются ее финансовой системой, в которой важное место занимают бюджеты, кредитные ресурсы, денежные обращения. Согласно конституциям 1924, 1926, 1937 и 1978 гг. государственный бюджет республики являлся составной частью единого государственного бюджета РСФСР и объединял республиканский и местные бюджеты. В Конституции Республики Саха (Якутия) разработан новый подход к бюджетной политике Якутии. Формирование и утверждение государственного бюджета теперь подлежит исключительному ведению Республики Саха (Якутия) в лице ее высших органов государственной власти.

3. Если говорить о сравнении систем государственной власти по конституциям ЯАССР и РС (Я), то можно выделить следующие существенные сходства и различия. По конституциям 1924 и 1926 гг. в ЯАССР высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом ЯАССР являлся Якутский Центральный Исполнительный Комитет. ЯЦИК был органом, проводящим политику высшей власти ЯАССР, РСФСР, СССР в вопросах культурного, национального, политического и экономического развития, а также автономно-административного строительства Республики. По конституции 1937 г. высшим органом государственной власти ЯАССР являлся Верховный Совет Якутской АССР (статья 18). Согласно статьям 13 и 17 Конституции ЯАССР высший орган осуществлял все права, присвоенные Якутской АССР, также Верховный Совет ЯАССР являлся единственным законодательным органом Якутской АССР (статья 20). Далее по Конституции 1978 г. ЯАССР Советы народных депутатов – Верховный Совет Якутской АССР, районные, городские, поселковые и сельские (наследные). Советы народных депутатов – составляли единую систему органов государствен-

ной власти (статья 73) [3]. По действующей Конституции РС (Я) согласно статье 53: «Высшими органами государственной власти в РС (Я) являются: Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Глава Республики Саха (Якутия), Конституционный суд Республики Саха (Якутия)». Исходя из сравнения, мы видим, что в конституциях разных годов были различные системы государственной власти, их полномочия и компетенции за историю конституционно-правового развития существенно изменялись. Исключение составляет лишь представительный и законодательный орган, функции которого в целом остались неизменными.

В заключение отметим, что все Конституции ЯАССР и действующая конституция РС (Я) имеют свои отличительные черты. Надо признать, что Конституции ЯАССР, принятые в советский период, оставили свой довольно значимый след в конституционно-правовом развитии республики. Ныне действующей Конституции РС (Я) исполнилось 28 лет [1]. Возможно, она подлежит дальнейшему совершенствованию, если учитывать тот факт, что у Республики Саха (Якутия) все еще молодая государственность, и у нее все еще впереди.

Итак, Конституция – это основной Закон, источник основ государственного и общественного устройства республики. Согласно части 5 статьи 1 Конституции РС(Я): «Источником государственной власти в Республике Саха (Якутия) является народ, состоящий из граждан всех национальностей». Исходя из этого органы государственной власти РС(Я) должны быть выразителями интересов и воли всего народа республики. Конституция – значимый высший нормативно-правовой акт, основной закон государства, который идет не только для порядка в законодательстве и политике, а и для порядка жизни граждан нашей огромной страны [4].

Литература

1. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) (в ред. Конституционных законов Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2002 г. 54-3 № 445-II от 10 июля 2003 г. 40-3 № 81-III, от 25 апреля 2006 г. 332-3 № 675-III, от 14 февраля 2007 г. 423-3 № 859-III, от 22 июля 2008 г. 581-3 № 53-IV, от 18 февраля 2009 г. 647-3 № 183-IV, от 22 апреля 2009 г. 669-3 № 229-IV, от 17 июня 2009 г. 692-3 № 275-IV, от 08 июня 2012 г. 1077-3 № 1035-IV, от 15 июня 2016 г. 1651-3 № 859-V)

2. Всеякутские съезды Советов: Документы и материалы. 1922–1937 / под общ. ред. М. М. Федорова / Центр. гос. архив. Архивный отдел при СМ Якут. АССР. Якутск: Кн. изд-во, 1972.

3. Конституции и конституционные акты Республики Саха (Якутия) / [сост.: М. М. Федоров, О. Д. Максимова, М. М. Федоров - II] // Якутск: Бичик, 1994. 255 с.

4. Конституция (Основной закон) Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. 1925 г.

5. Сорокун П. В. Историко-правовое сравнение советской и российской конституций // Эпоха науки. 2016. № 8. декабрь. С. 4.

6. Титова А. А. Конституция в системе российского законодательства: теоретико-правовой анализ: автореф. ... дис. канд. юр. наук. Саратов, 2013. 31 с.

Конституционное регулирование экономической деятельности в России и зарубежных странах: Россия, Индия, Вьетнам

© М. С. Халтанов

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»

Россия, г. Улан-Удэ

khaltanov.maks@mail.ru

В статье рассмотрена свобода экономической деятельности в России и в зарубежных странах: Индии и Вьетнаме (на примере специальных экономических зон).

Ключевые слова: Конституция РФ, свобода предпринимательства, специальная экономическая зона, принципы, статья, законодательство, экономическая деятельность.

The article examines the freedom of economic activity in Russia and in foreign countries: India and Vietnam (using the example of special economic zones).

Keywords: Constitution of the Russian Federation, freedom of entrepreneurship, special economic zone, principles, article, legislation, economic activity.

В современном мире каждое экономически развивающееся государство заинтересовано в развитии предпринимательства. В Российской Федерации согласно части 1 статьи 8 Конституции Российской Федерации [1, с. 19], экономическая основа нашего государства основывается на принципах: единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности.

Данные конституционные положения позволяют предопределить принципы правового регулирования предпринимательских отношений. Для установления правильного толкования норм принципов применяются акты Конституционного суда Российской Федерации, в отношении субъектов, к которым будут применены данные нормы. Конституционный суд России разъясняет, что система норм Конституции помимо физических лиц распространяется и на юридических лиц.

Согласно части 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации [1, с. 58], каждый человек — гражданин может осуществлять своим имуществом и своими способностями свободно предпринимательскую и иную не запрещенную деятельность. Данные нормы, предусмотренные конституцией, законодатель определяет как развитие не только с помощью личного труда, но и путем идей, материальных ресурсов, применения физической силы или денежных средств для достижения установленной цели — результата. Каждый гражданин имеет право осуществлять любую не запрещенную законом деятельность. В случае если деятельность ограничена, она может быть дозволена, в строгом требовании закона.

Правовые гарантии обеспечения единства экономического пространства были введены Указом Президента РСФСР от 12 декабря 1991 г. «О едином экономическом пространстве РСФСР». Впоследствии приведенный в соответствие с Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2002 г., № 1209 «О приведении актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в соответствие с Федеральным законом от 8 августа 2001 г., № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц». Согласно Указу Президента РСФСР признавались ничтожными все акты органов власти и управления, и решения должностных лиц, ограничивающих движение товаров, работ и услуг на внутреннем рынке страны. В статье 74 Конституции России [1, с. 121], дается четкое понимание свободы перемещения товаров, услуг и финансовых средств, где под ним понимается беспрепятственное осуществление экономической деятельности, без пунктов таможенного пропуска, либо каким либо иным ограничением препятствующим перемещению товаров, услуг или финансовых средств. Принцип свободы конкуренции является одним из важных факторов рыночных отношений. Законодатель с целью не допущения монополии одного лица или одной организации на товары и услуги заранее предусмотрел введение принципа свободы конкуренции. Основного правила рыночных отношений. Помимо Конституции Российской Федерации статьи 34, запрет на монополию также регулирует Федеральный закон от 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ «О защите конкуренции» основной целью которой провозглашаются гарантии со стороны государства, относящиеся к части 1 статьи 8 Конституции России. Конкуренция среди предпринимателей, является инструментом в руках государства с целью регулирования количества, качества, себестоимости продаваемого товара, конечным потребителем которым являются граждане, от которого государство и зависит. Важно отметить, что конкуренция является важным фактором для формирования рыночной экономики. Так статья 4 Закона Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» содержит понятие термина конкуренция. Конкуренция — это состязательность хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. В Российской Федерации данные нормы закрепляют часть 1 статьи 8 [1, с. 19], часть 2 статьи 34 Конституции Российской Федерации. Государство дает юридические гарантии недопущения монополизации одной, или нескольких организаций на рынке, путем создания антимонопольных органов и противодействуя им путем создания законодательных актов: например, Федерального закона от 17 августа 1995 г., №147-ФЗ «О естественных монополиях», и другими, принимаемыми к дальнейшему исполнению.

Свобода экономической деятельности в России юридически, законодательно закреплена в Конституции России в статье 34. Конституция как главный закон страны провозглашает, что каждое лицо-индивид имеет право на осуществление своих предпринимательских способностей, также и посредством использования имущества для осуществления предпринимательской деятельности. Важно отметить, что в Конституции России также упоминается тот факт, что это должна быть не запрещенная законом деятельность.

Далее хотелось бы рассмотреть республику Индию. Конституция Индии [2, с. 42], закрепляет свободу экономической деятельности. Как указывает Е. В. Киргизова в своей статье «Конституцион-

ный принцип экономической свободы: трактовка в конституциях зарубежных государств» [5, с. 3], свобода экономической деятельности в Конституции Индии трактуется как «свобода производства, торговли, и оборота в пределах территории Индии», которая как указывает Е. В. Киргизова, содержится в статье 301 Конституции Индии от 1950 г. Важно отметить, что государство предоставляет своим гражданам право на конституционные гарантии, описываемые в Конституции Индии со статьи 32 по статью 50 Конституции Индии. Так статья 48 Конституции Индии предусматривает обязанность государства в организации земледелия и животноводства — «Государство стремится организовать земледелие и животноводство на современной и научной основе и, в частности, принимать меры к сохранению и улучшению пород скота, запрещению убоя коров и телят, а также другого молочного и тяглового скота». Индия в силу своих сложившихся исторических особенностей сформировала высокую сферу услуг, что губительно сказалось на промышленности Индии. С целью увеличения промышленного потенциала Индийской экономики на территории Индии с 1965 г. создаются специальные экономические зоны (СЭЗ). Свободные экономические зоны действуют на основании закона Индии «О специальных экономических зонах» от 2005 г. Всего на территории Индии действуют 203 СЭЗ, из них можно выделить пять основных СЭЗ:

1. Андхра-Прадеш (юго-восточная часть Индии).
2. Чандигарх (город и союзная территория Индии).
3. Чхаттисгарха (восток Индии).
4. Гудражат (запад Индии).
5. Харьяны (север Индии).

В настоящее время роль специальных экономических зон на территории Индии возросла. Как указывает Е. А. Брагина [4, с. 2], это связано «с быстрым формированием в мировом хозяйстве глобальных производственных и торговых сетей». Думается, что в настоящее время, Индия является правовым государством с интенсивно развивающейся экономикой. Но с плохим уровнем правового и социального развития населения, развитие Индии можно выразить крылатым выражением: «Колосс на глиняных ногах». Однако, не исключаю тот факт, что в ближайшем будущем Индия станет тесным торговым и международным союзником Российской Федерации.

Конституция социалистической республики Вьетнам, к примеру, закрепляет в статье 57 [3, с. 51], свободу предпринимательской деятельности для граждан «граждане имеют право на свободное предпринимательство в соответствии с законом». В статье 16 Конституции социалистической республики Вьетнам сформирована цель экономической политики государства — благополучие ее населения. «Цель экономической политики государства — сделать государство могущественным, а его народ богатым, удовлетворять материально-духовные потребности народа на основе свободного развития производительных сил, развития потенциалов всех экономических укладов: государственного, коллективного, частного секторов экономики, частного капитала и капиталистического сектора экономики. Государство ускоряет в разных формах процесс построения материально-технической базы, расширяет отношения экономического, научно-технического сотрудничества с мировым рынком».

Следуя примеру КНР и Индии, Вьетнам с 1986 г. начал проводить политику «открытых дверей». Данная политика была направлена на привлечение иностранного капитала в страну, посредством открытия специальных экономических зон (СЭЗ). Законодательно специальные экономические зоны (СЭЗ) регулируются законом «О промышленных парках, экспортно-производственных зонах и экономических зонах» от 2008 г. Как указывает Г. М. Костюнина [6, с. 5], в социалистической республике Вьетнам созданы 4 специальных экономических зоны — Северная, Южная, Центральная и дельта реки Меконг. Экономическая деятельность Вьетнама за последние 20 лет, приносит свои результаты данные экономические зоны привлекли ряд крупных мировых экономических корпораций, к примеру из Южной Кореи — Samsung Electronics и LG. Вьетнам за последние двадцать лет стал одним из наиболее интенсивно развивающихся экономик Юго-Восточной Азии их экономическая деятельность, прежде всего обусловлена потенциалом экономического роста и благоприятными условиями развития зарубежных инвестиций.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г., № 6 – ФКЗ, от 30.12.2008 г., № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г., № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г., № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Конституция Республики Индия (принята 26.11.1949 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: [http:// www. consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 11.04.2020).
3. Конституция социалистической Республики Вьетнам (принята 15.04.1992 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: [http:// www. consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 11.04.2020).
4. Брагина Е. А. Индия: создание специальных экономических зон [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru> (дата обращения: 11.04.2020).
5. Киргизова Е. В. Конституционный принцип экономической свободы: трактовка в конституциях зарубежных государств [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru> (дата обращения: 11.04.2020).
6. Костюнина Г. М. Свободные экономические зоны в практике Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018 .

Особенности волеизъявления граждан посредством референдума: компаративный анализ российского законодательства и законодательства стран АТР

© **В. Е. Шевченко**

студент 4 курса

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса»

Россия, г. Партизанск

seryozniy.97@mail.ru

В различных странах понятия, виды, процедура проведения референдума, значение решения, принятого по его результатам, могут отличаться. В данной статье проводится сравнение института референдума в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона с референдумом в России. Конкретно в статье рассматриваются следующие страны: Соединённые Штаты Америки, Япония, Вьетнам.

Ключевые слова: референдум, волеизъявление, институт, сравнение, АТР, законодательство.

In different countries, the concepts, types, procedure for conducting a referendum, the significance of a decision taken based on its results, may differ. This article compares the referendum institution in some countries of the Asia-Pacific region with the referendum in Russia. Specifically, the following countries are considered in the article: United States of America, Japan, Vietnam.

Keywords: referendum, expression of will, institution, comparison, pacific rim, legislation.

Становление института референдума в США приходится на конец XIX — начало XX в. С 1898 г. штаты постепенно стали допускать на законодательном уровне, посредством проведения референдума, граждан к участию в принятии нормативных актов, а также в решении иных особо важных вопросов.

В отличие от России, в США общегосударственный референдум не закреплён законодательно и никогда не проводился, однако в то же время довольно большое распространение получил приведённый вид волеизъявления граждан на уровне штатов и муниципальных единиц. Так в промежутке с 1960-х по 1980-е гг. на уровне штатов проводилось порядка 15 тысяч референдумов в год. Это явилось следствием того, что референдумы по вопросам, касающимся основных законов, в 21 штате стали обязательными, в 23 штатах инициировались самими гражданами. Предусматривается данный институт законодательством отдельных штатов, правовыми актами местного самоуправления.

В конституциях штатов существуют различные определения понятия референдума. Так в Конституции Массачусетса под ним понимается право избирателей представлять народу законы, принятые Генеральным собранием с целью их последующей ратификации или отмены [1]. Конституция штата Калифорния определяет референдум как право выборщиков на одобрение или отклонение законов или их частей, за исключением чрезвычайных законов, законов о проведении выборов, законов, предусматривающих введение налогов или ассигнования на повседневные расходы Штата [2].

Можно выделить следующие его виды: референдум обязательный, факультативный и петиционный. Обязательное голосование проводится по тем вопросам, которые напрямую предусмотрены конституцией конкретного штата, либо же актом местного самоуправления.

Так, например, статьёй 8 Конституции Техаса закреплён запрет на введение подоходного налога законодательными органами. Ратифицироваться закон о введении такого налога может исключительно по результатам референдума [3].

В России также имеет место такой вид референдума. Так в Саратовской области «на областной референдум обязательно выносятся вопросы об изменении статуса, наименования области, ее разделения или объединения с другими субъектами Российской Федерации, изменения ее границ» [4].

Факультативный референдум проводится по требованию, выдвигаемому определённым количеством избирателей, по вопросам, касающимся законов, законопроектов, а также уже принятых законов. Факультативные референдумы, в отличие от обязательных, иницируются не самими избирателями, а органами публичной власти. Данный вид референдума имеет место в большинстве стран, включая также и Российскую Федерацию.

В соответствии со статьёй 17 Конституции Техаса — «единственным способом внесения поправок в конституцию является внесение через легислатуру, причем некоторые поправки подлежат утверждению избирателями» [3].

Референдумы петиционные по своей процедуре схожи с референдумами в РФ. Проводятся они только в том случае, если собрано необходимое число подписей избирателей конкретного штата, муниципальной единицы.

В статье 19 Конституции штата Невада закреплено, что для проведения референдума необходимо собрать не менее 10 процентов подписей зарегистрированных избирателей от числа проголосовавших на последних предшествующих всеобщих выборах не менее чем в 75 процентах округа штата [5].

Также, как и в Российской Федерации, в США имеется круг вопросов, по которым референдум проводиться не может. Однако, если в России эти вопросы определяются федеральным законодательством, в Соединённых Штатах такой перечень определяется конституциями конкретных штатов.

Так, например, Конституцией Массачусетса предусмотрено, что предметом петиции о проведении референдума не могут быть законы, касающиеся вопросов религии; требований, предъявляемым к кандидатам на должность судей; порядка создания и упразднения судов; предписывающие выделение денежных средств на текущие расходы Республики и т.д. [1].

В Японии институт референдума такого развития не получил. До недавнего времени единственное закрепление данный институт имел в статье 96 Конституции Японии, в соответствии с которой посредством общегосударственного референдума могут быть приняты поправки к ней. Инициативу проведения такого голосования выдвигает Парламент с согласия не менее двух третей депутатов [6].

В 2007 г. был принят, а в 2010 вступил в силу закон, регулирующий порядок проведения всенародного голосования. В нём указывается, что референдум проводится во всех территориальных образованиях Японии в срок, который устанавливается Парламентом (от 60 до 180 дней с момента вынесения предложения о поправках), участвовать в голосовании имеют право граждане, достигшие возраста 18 лет. Для принятия поправок необходимо собрать большинство голосов за их принятие от половины общего числа бюллетеней. Законом описывается также процедура регистрации избирателей, находящихся за пределами Японии [7, с. 12]. Подобная процедура имеет место и в России [8]. Отличием здесь является то, что японский гражданин перед отъездом должен сообщить мэру дату отъезда и свой новый адрес. В российском законодательстве такое требование отсутствует.

Хотя всенародное голосование и получило довольно подробное описание в рассматриваемом законе, до настоящего времени так ни одного референдума в Японии проведено и не было.

В статье 95 Конституции закреплено некое подобие местного референдума – предусмотрена обязанность провести голосование по проектам специальных законов, применяемых в отношении местного органа публичной власти. Подобная инициатива также выдвигается Парламентом [6]. Несмотря на существование такой формулировки в Конституции, в отдельных законах, как и в практике, распространения данная форма голосования не получила.

Так 24 февраля 2019 г. было проведено голосование по вопросу размещения военной базы США на территории Окинавы. Явка на голосовании составила 52%, 72% из голосующих проголосовали против строительства базы, однако премьер-министр Японии отказался учитывать результаты такого голосования, т.к. референдумом оно не является и решение, принятое на нём, не имеет обязательный характер [9].

Причиной такой низкой популярности референдума в Японии, несомненно, является слишком узкий круг вопросов, по которым он может проводиться, а также обязательная инициатива Парламента. Самостоятельно граждане инициировать голосование не могут, а власти не хотят.

В настоящее время во Вьетнаме под референдумом понимается «важнейшая форма непосредственного волеизъявления граждан, выражающаяся в голосовании по важным вопросам общегосу-

дарственного значения. Референдум также является важной формой осуществления прямой демократии населения и шагом вперёд в ее развитии» [10]. Такую формулировку данному термину дали депутаты Национального Собрания Вьетнама. С 1 июля 2016 г. такое определение нашло своё отображение в законе.

Конституцией Вьетнама, а также рассматриваемым законом определено, что инициатива по проведению общегосударственного референдума принадлежит Президенту, Национальному Собранию, а также постоянному Комитету Национального Собрания каждого созыва. Назначается референдум Национальным Собранием Вьетнама [11].

В законе о референдуме закреплено, что на национальный референдум могут выноситься вопросы, касающиеся внесения поправок в действующую конституцию, иных проблем, имеющих государственное значение, в том числе проблемы обороны страны, её безопасности, национальной, территориальной целостности, суверенитета, которые могут повлиять на благополучное развитие страны [10].

В рассматриваемом законе устанавливается, что референдум по внесению поправок в конституцию будет признаваться состоявшимся в том случае, если в нём приняло участие две/третьих зарегистрированных избирателей, если более 50% задействованных бюллетеней были признаны действительными, по иным вопросам необходимо участие не менее трёх четвертей избирателей. Решение, принятое на референдуме, не нуждается в каком-либо утверждении.

Как и в России, во Вьетнаме голосование не назначается, а его проведение откладывается на время действия военного либо чрезвычайного положения, а также в течение 6 месяцев после их отмены во Вьетнаме, 3-х месяцев в России. Так же не допускается повторное проведение референдума по схожим вопросам в течение двух лет.

Во Вьетнаме, в отличие от Российской Федерации, возможны только общегосударственные референдумы, местное, региональное голосование законом не предусмотрено.

Объявляется референдум после рассмотрения предложения на заседании Национального Собрания с участием представителя инициировавшего проведение голосования. В данном заседании решаются вопросы касательно целесообразности проведения голосования, способов реализации его возможных итогов. Постоянным Комитетом Национального Собрания производится правовая оценка инициативы, а также принимается решение о несении вопроса о референдуме в повестку дня для Национального Собрания. Для проведения референдума необходимо, чтобы с поддержкой данной инициативы выступило не менее 50% членов Собрания.

За организацию и проведение референдума во Вьетнаме отвечают Народные комитеты на уровне провинций, уездов и общин. В полномочия комитетов входит информационная работа с населением, обеспечение порядка при проведении референдума, контроль за работой комиссии, проводящей голосование, а также рассмотрение жалоб граждан.

За пределами территории Вьетнама, в отличие от России, Японии, голосование по референдуму невозможно, однако имеется возможность осуществить голосование гражданам на дому, гражданам, находящимся в следственных изоляторах, а также центрах принудительного перевоспитания. Для таких случаев организовывается выезд с переносной урной.

Постоянный Комитет Национального Собрания докладывает о результатах голосования на ближайшей сессии Собрания. Собрание в свою очередь отвечает за исполнение решения, принятого на референдуме.

Несмотря на такое подробное законодательное закрепление процедуры всенародного голосования, на практике распространения она так и не получила. До настоящего времени единственным референдумом, проведённым во Вьетнаме, является референдум 1955 г., целью которого было определение будущей формы правления.

Среди рассматриваемых стран наибольшую популярность на практике получил институт в США. Это обуславливается рядом причин. Во-первых, законодательное закрепление он получил ещё в конце XIX в., в России же, например, законодательно референдум был закреплён в Конституции РСФСР лишь в 1978 г., а проведён лишь в 1991. В то же время в США промежутке с 1960-х по 1980-е гг. на уровне штатов уже проводилось порядка 15 тысяч референдумов в год. Во-вторых, несомненно, в США институт получил большее законодательное урегулирование. Отнесение законодательного регулирования к предмету ведения штатов, определённо, повлияло на его популярность в положительном ключе. В-третьих, широкий круг вопросов, возможных для вынесения на референдум даёт гражданам большую свободу, желание, больше полномочий в разрешении важных для населения конкретной территории проблем. Одним из самых худших примеров в данном случае является Япония, где весь круг вопросов сводится к внесению поправок в Конституцию, проекты специальных законов, применяемых в отношении местного органа публичной власти.

Также, на примере Японии, Вьетнама, можно сделать вывод, что одной из причин низкой популярности института во многих странах является отсутствие возможности самого населения инициировать проведение голосования. В таких странах, возможно, люди и хотели бы самостоятельно решать важные как для них, так и для самой страны вопросы, однако власть в этом заинтересованности никакой не имеет.

Помимо этого, причиной низкой популярности референдума во многих странах является сложная процедура его организации. Так, например, в России для организации федерального референдума необходимо создать региональные группы не менее, чем в половине субъектов РФ, зарегистрировать их, зарегистрировать инициативную группу, собрать 2 миллиона подписей граждан, пройти проверку подписных листов в Центральной Избирательной Комиссии, проверку соответствия инициативы Конституционным собранием РФ, только после всего этого издаётся указ о проведении референдума.

Несомненно, для совершенствования института необходимо заимствовать опыт различных стран, где референдум применяется чаще, законодательно урегулирован лучше, но для этого недостаточно простой воли граждан, необходимо также и желание власти.

Литература

1 Конституция Массачусетса (штат США) от 06.02.1788 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира – Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=492>

2 Конституция Калифорнии (штат США) от 13.11.1849 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира – Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=173c>

3 Конституция Техаса от 15.02.1876 г. [Электронный ресурс] // Texas Constitution and Statutes. URL: <https://statutes.capitol.texas.gov>

4 О референдумах в Саратовской области: закон Саратовской области от 12.12.2005 г., № 121-ЗСО (ред. от 30.07.2019) // Саратовская областная газета. 2005. № 286(1509). 16 дек.

5 Конституция штата Невада от 31.10.1864 г. [Электронный ресурс] // Nevada Legislature. URL: <https://www.leg.state.nv.us/Const/NVConst.html>

6 Конституция Японии от 03.05.1947 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира – Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>

7 Савинцева М. И. Закон о референдуме: проблемы и перспективы конституционной реформы в Японии // Российский японоведческий журнал. 2011. № 2. С. 12–20.

8 О референдуме Российской Федерации: федер. конституц. закон от 28.06.2004 г., № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW48221/2ad31a0af778a7c49ea258cf980fc641fee9b0e8

9 Премьер Японии отказался учитывать результаты референдума о базе США на Окинаве [Электронный ресурс] // НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2159521>

10 О современных подходах к вопросам организации и проведения референдумов в Социалистической Республике Вьетнам [Электронный ресурс] // ЦИК РФ. URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/30606>

11 Конституция Вьетнама от 02.12.2013 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира – Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=26>

К вопросу о законности «домашнего обучения» в Китае

© Цуй Мань

доктор юридических наук,
доцент Института иностранных языков,
Политико-юридический университет Китая
КНР, Пекин

В статье представлена относительно новая для Китая практика домашнего обучения. Разработано право родителей на выбор формы образования. Обзор многочисленных исследований показывает, что необходимо законодательно закрепить «домашнее обучение» как один из способов реализации обязательного образования.

Ключевые слова: хоумскулинг, семейное образование, КНР, легализация.

In article is presented comparatively new for Kitaya practice of the home education. The Designed right of the parents on choice of the form of the formation. The Review of the multiple studies shows that necessary legislative to bolt "home education" as one of the ways to realization of the obligatory formation.

Keywords: homeschooling, household formation, KNR, legalization

«Домашнее обучение» (буквальный перевод английского слова «home schooling»), обозначающее форму получения начального и среднего образований в домашних условиях, сегодня в Китае набирает популярность. Число детей, которые обучаются вне школы, постепенно растет. Данные из ряда исследований, сделанных в Научно-исследовательском институте «Образование XXI века», показывают, что в 2013 году в КНР насчитывалось около 2000 настоящих практиков «домашнего обучения», а в 2017 г. их уже 6 тысяч. Ежегодный прирост составляет 30%. В 2017 г. число родителей, оказывающих пристальное внимание хоумскулингу и имеющих намерение обучать детей дома самостоятельно, достигает 50 тысяч, а в 2013 г. их 18 тысяч [1].

Родители выбирают семейное образование по следующим причинам: Во-первых, они недовольны концепцией и идеей образования традиционной школы; во-вторых, дети не приспособлены к среде школьного образования; в-третьих, родители делают выбор в пользу удаленного обучения при помощи современных интернет и информационной технологии.

Самый большой процент детей на домашнем обучении зафиксирован в провинции Гуандун, Пекине и провинции Хэнань. Китайские «домашние школы» можно условно разделить на три типа. Первый тип – наиболее типичная «домашняя школа», где родители учат своих детей дома. Второй – словно «школа взаимопомощи», где дети из нескольких семей вместе учатся. Третий тип – это «школа», где одна семья в основном воспитывает своих детей, туда отправляют детей учиться несколько других семей [2].

В китайском законодательстве нет конкретных и четких положений о семейном образовании, поэтому законность домашней школы и научность ее образовательной модели вызывают широкое обсуждение в обществе.

Так, например, Люй Юйган, представитель Департамента базового образования Министерства образования КНР, считает, что «домашние школы» затрудняют проведение адекватных учебных программ в соответствии со стандартами, требуемыми государством, и обеспечение того, чтобы дети-подростки школьного возраста получали обязательное образование, предписанным государством. Он заявляет, что «домашние школы» противоречат Закону об обязательном образовании. Отправление родителями своих детей в школу на обязательное образование является как их правом, так и обязанностью [3].

Однако право на выбор формы образования является составной частью права родителей в сфере образования ребенка [4]. В Декларации прав ребенка для тех, на ком лежит ответственность за образование и обучение ребенка (эта ответственность лежит прежде всего на его родителях), закреплена руководящий принцип наилучшего обеспечения его интересов (принцип 7). Согласно Всеобщей декларации прав человека, каждый человек имеет право на образование. Начальное образование должно быть обязательным. Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей (статья 26). С точки зрения юриспруденции, целью данного предписания, предусматривающего начальное образование как обязательное, является обеспечение права граждан на образование, а не лишение их права выбора образования. Граждане не могут быть ограничены только школьным образованием. Аналогичной точки зрения придерживается и Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод, где описывается, что государство при осуществлении

функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям (статья 2 Протокола 1).

А «школа» является местом целенаправленного, планового и организованного воспитания подрастающего поколения в соответствии с определенными социальными потребностями [5]. В «Большой советской энциклопедии» «школа» толкуется как «учебно-воспитательное заведение для организованного образования, обучения и воспитания подрастающего поколения, а также взрослых и работающей молодёжи» [6]. Отсюда следует, что семья может рассматриваться как тип школы («домашняя школа»), если она для детей проводит целенаправленное, плановое и организованное образование, т.е. обязательное образование может быть получено и в пределах семьи. Школьное образование не является единственным способом реализации обязательного образования.

К тому же китайское государство поощряет предприятия, учреждения, общественные организации, а также отдельных граждан организовывать школы или другие образовательные учреждения в соответствии с законом. Ни одна организация или частное лицо не может создавать или содержать школу или другое учебное заведение с целью получения прибыли (статья 25 Закона об образовании КНР). Обязательное образование должно быть обеспечено следующими основными условиями: (1) школьные помещения и другие основные учебные заведения, соответствующие количеству детей и подростков соответствующего возраста; (2) наличие педагогических кадров, оснащенных в соответствии со стандартами подготовки и отвечающих требованиям законодательства об обязательном образовании; (3) обладание некоторыми экономическими способностями и возможностями постепенной настройки учебных инструментов, книг и материалов, а также развлекательного, спортивного и медицинского оборудования в соответствии с установленными стандартами (часть 1 статьи 8 «Инструкции по применению Закона об обязательном образовании»). Эти положения показывают, что индивидуальные граждане вполне могут организовывать школы, где осуществляется обязательное образование. Тут нужно просто отметить, что если в подобных школах объектами обучения являются только один или несколько детей, то условия содержания школ могут отличаться от государственных школ, лишь бы эти условия «соответствовали количеству детей и подростков соответствующего возраста» [7].

На наш взгляд семейное образование в современном понимании является альтернативой государственным и частным школам, следовательно, «домашнее обучение» вполне может стать вспомогательной формой школьного образования и существовать как один из способов реализации обязательного образования. Важной причиной возникновения споров о ее законности являются неоднозначность и односторонность соответствующих законоположений [8, с. 16].

В соответствии с Законом об обязательном образовании КНР (2006) родители или другие законные опекуны детей, подростков должны обеспечить их своевременное зачисление в школу и окончание обязательного образования (статья 5). Родители или другие законные опекуны детей шести лет и старше должны отправить его в школу и завершить обязательное образование; дети в районах, где условия не предусмотрены, могут быть отложены до семи лет (статья 11). Если родители или другие законные опекуны не отправляют детей на обязательное образование без уважительных причин, местное правительство или администрация образования уездного народного правительства ведет критику и воспитательную работу, приказывает внести исправления в течение установленного срока (статья 58).

Стоит обратить внимание, что в вышеупомянутом Законе словосочетания «зачисление в школу» и «отправить в школу» выражаются одно и то же словом «жусюэ» (по-китайски: 入学), которое можно разъяснить по-разному, именно в этом слове сосредоточены в основном точки расхождения как сторонников легализации «домашнего обучения», так и противников.

Противники толкуют «жусюэ» как «поступление в школу», т.е. в государственную или частную школу, официальную, традиционную, которая имеет квалификацию работать.

А слово «жусюэ» сторонники легализации «домашнего обучения» толкуют как «участие в учебном процессе» или «вход в содержание обучения для этапа обязательного образования». Этому же требованию соответствует как раз домашнее обучение. Поэтому целесообразно разработать судебное разъяснение и дать расширительное толкование относительно слова «жусюэ».

Сегодня семейное образование является легальным во многих странах, в том числе и в России, где на начало 2015—2016 учебного года общее количество учащихся в общеобразовательных учреждениях составило 14491800 учащихся, из них 8452 человека учатся в форме семейного образования, то есть около 0,058% из 100% [9]. Семейное образование доступно каждой семье и каждому российскому ребенку. Родителям предоставляется право независимого выбора школы и способа получения

образования их детьми. Не требуется каких-либо специфических условий для перевода на внешкольное образование. Для учебы вне уроков в очном формате достаточно только согласия ученика и его родителей (или законных представителей) после осуществления определенных административных процедур [10]. Ребёнок на семейном образовании должен подтверждать успешное усвоение школьной программы по всем предметам на промежуточных аттестациях, которые проводятся один или несколько раз в год в школе, имеющей государственную аккредитацию.

Россия входит в число стран с толерантным к хоумскулингу законодательством [11]. Нашим китайским законодателям необходимо учесть российскую практику и разработать в законах конкретные и четкие правила в отношении условий для создания «домашних школ», процесса подачи заявок, мониторинга и оценки качества образования и деятельности по обучению учащихся, а также взаимной связи между семейным образованием и школьным.

И в конце концов, как было сказано Чэнь Цзяньсяном, замдиректора Института педагогических наук Пекинского педагогического университета и директором Центра по исследованию общинного и семейного образования, у «домашних школ» есть проблемы с правовой адаптацией. Нам нужен закон в том, чтобы он защищал, а не ограничивал и лишал интересы большинства. Законодательство должно идти в ногу со временем. Когда что-то новое возникает неизбежно и не поддается сдерживанию, и когда появление такой вещи является общей тенденцией, закон должен выдавать разрешение на рождение [12].

Литература

1. Исследовательский отчет о хоумскулинге в Китае (2017), разработанный Научно-исследовательским институтом «Образование XXI века» [Электронный ресурс]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/KQdd2dMeEHLcVE-uj6_Qlg (дата обращения: 15.01.2020).

2. Синология-классы, где изучают и возрождают древнекитайские цивилизации, классы по чтению священных писаний, школы вне системы, в том числе малые и микрошколы, которая выросла из «домашних школ» традиционно классифицированы как домашние школы. Но в отчётах, разработанных в НИИ «Образование XXI века», под термином «домашняя школа» понимается так, что, во-первых, обучение детей в ней организуется родителями, а во-вторых, «школа» небольшая, где главная образовательная площадка — семья.

3. Ши Юйцзэн. «Учиться дома» и выходить в частную домашнюю школу? Министерство образования: противоречит Закону об обязательном образовании [Электронный ресурс]. URL: http://education.news.cn/2017-09/05/c_129696719.htm (дата обращения: 18.01.2020).

4. Цзян Син. К вопросу о правах родителей в сфере образования в контексте хоумскулинга // Вестник Суйхуаского института. 2015. № 9. С. 129.

5. Гу Минюань. Большой педагогический словарь. Шанхай: Шанхайское образование, 1990.

6. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/173698/%D0%A8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 16.01.2020).

7. Чэнь Чжикэ. О законности «хоумскулинга» // Вестник Тяньтинской академии педагогической науки. 2007. № 5. С. 21.

8. Хэ Ин. Правовой анализ «обучение дома» на этапе обязательного образования // Китайский учитель. 2011. № 23. С. 16.

9. Поливанова К. Н., Любичкая К. А. Семейное образование в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/homeschooling-in-the-world#8> (дата обращения: 19.01.2020).

10. Семейное образование в России: история и современность [Электронный ресурс]. <https://infourok.ru/semeynoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-i-sovremennost-3200502.html> (дата обращения: 19.01.2020).

11. Семейное обучение в разных странах мира [Электронный ресурс]. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/homeschooling-in-the-world> (дата обращения: 19.01.2020).

12. Сунь Лян. Нужно законодательно закрепить домашние школы // Еженедельник образования. 2011.

Studying Mongolian Herders through Oral History

© Enkhjargal Damdinsuren

PhD student,
Mongolian National University
of Education (MNUE)
Mongolia, Ulanbator

Традиционное скотоводство является важным фактором в определении уникальной культуры и образа жизни Монголии. За годы демократических реформ пастухи приложили большие усилия, чтобы приспособиться к современному укладу жизни. Современное социальное развитие создает совершенно разные потребности и проблемы для скотоводов. Мы измеряли уровень жизни скотоводов только по количеству. В этой методологии расчета отсутствует всесторонняя картина менталитета, нарушений законных прав и причин изменения образа жизни скотоводов. Таким образом, мы должны изменить нашу методологию изучения. Среди многих передовых научных методов, мы считаем, что метод исследования устной историй больше подходит для изучения результатов и проблем изменений в животноводческом секторе и защиты прав скотоводов.

Ключевые слова: устная история, традиционное скотоводство, изменения, методология исследования.

The animal husbandry is our traditional economy and makes Mongolia as a unique country with the nomadic culture. In the past decades, the Mongolian herders have tried to find the suitable solutions for adjusting their livestock to modern socio-economic situation. There are many changes in Mongolian livestock tradition and those are crucial topics for us to see how they are engaging their livestock in this new situation that is totally different from the previous time. We tend to measure their life situation through the number of their animals. It cannot present qualitative changes of Mongolian herders' life style and thoughts. To study changes of herders' lifestyle, we need to choose proper methods that can reveal an ongoing process. In connection with the development of the scientific research, a variety of methodologies have been introduced into the socio-economic research field in our country. One of them is an oral history methodology based on the interviewing, recording and preservation of speaker's experience. The author emphasized that it is an important tool for us to study the herders' life situation, determine a policy on the nomadic livestock efficiently and to protect the rights of herders.

Keywords: oral history, traditional livestock, renovations, research methodology

It has been three decades since Mongolia has chosen the development path of democracy and market economy and now we are facing new challenges of the fourth decade. After the Democratic revolution in 1990, Mongolia has achieved quite bit success for its efforts towards the free-market economy, new liberal forms of property ownership and its various forms including livestock privatization. These dramatic reforms changed the traditional lifestyle and thoughts of Mongolian herders who look after a herd of livestock and makes a living from keeping the livestock. Meanwhile going ahead, we should look back our past experience and give a feedback on what we did on the area of the animal husbandry. It is important for us to define the future policy of the government for the traditional livestock. The nomadic lifestyle is the pillar of the Mongolian culture for thousands years and exists as an independent culture within the country. One third of our country's population are engaging the traditional animal husbandry and herding sheep, cows, goats, camels and horses called the five kinds of livestock.

When we look through information of the National Statistics Office, the number of livestock animals rises to over 70 million. This is a surprising number compared to the previous data since a livestock animals census began in the beginning of the XX century in Mongolia. Recent years the lifestyle of Mongolian herdsmen has been changed due to the economic development and technological innovation. Especially the development of communication technology and transportation has accelerated those changes. Compared to the transition period of Mongolia, herders have smartphone, internet, car and apartment in the center of the province and the capital city. Most herders send their children to the city to take advantage of access to school, work and business. Why?

Different reasons are being discussed by the officials including economic hardship, new emerging business and education for children. To reveal a real reason of herdsmen tendency, we conducted a survey using an oral history methodology. When we interviewed 54 herdsmen, most of them emphasized a different reason. Those herdsmen who took part in our survey talked about an impact of climate changes like dzud, a severe winter, and drought.

Actually it is no wonder that weather pattern is a significant factor for nomadic livestock. Mongolian nomadic livestock have been shaped by specifications of this area weather pattern, the nature, tasks of animal husbandry, spiritual traditions. But is climate change a main factor for a next generation of Mongolian herders to choose if they become herders or not?

A herdsman Natsagdorj said that «last year the dzud was difficult challenge with thick snow covering the whole grasslands. There was no grass when the animals dug through the snow. We lost most cattle, sheep and goats. In this case they did not have enough support from the government. We pray for comfortable winter and summer times. Besides the dzud, drought is another big concerning issue. We want to have more livestock» [2, p.5]. Because of hard situation of winter and summer, herders are losing their confidence for keeping their herding work. Another herdsman Sangia continued that «Actually, we know our traditional knowledge of our land and environment. Our parents taught us their experience recognizing the weather and climate changes. But it seems to me strange that weather has become unpredictable. Now our children are urging us to move to the urban area» [2, p.6). His neighbor added that his girl, together with her family, moved to the center of the province to find a job with permanent income. She is a housewife now and her husband is driving a taxi driver. But their life is better than our life. My girl does not want her children to be herders» [2, p.6). According to those herders, climate change is a big factor for their animal husbandry and even for their future life choice. Every year children of herders who are the next generation of Mongolian herders abandon their way of herdsman life and go to urban areas. Our traditional nomadic lifestyle which is friendly for environment is under threat as never before.

Now we need to pay attention to our traditional livestock development that is a main identity of Mongolia. We tend to measure life situation of herders' through the number of their animals. It cannot present qualitative changes of Mongolian herders' life style and thoughts. To study changes of herders' lifestyle, we need to choose proper methods that can reveal an ongoing process. We can say that one of the suitable methods is an oral history methodology based on the interviewing, recording and preservation of speaker's experience. The idea of creating 'history from below' meant thinking in part about who was 'hidden from history' [2, p.9]. Making 'history from below' has a number of significant meanings. While most history was written from elite points of view, the main aim of oral historians was to collect memories that would bring new perspectives to understandings of the past. Oral history has had a significant impact upon historical practice in the second half of the last century. It has democratized the study of the past by recording the experience of people who have been hidden from history [2, p.i].

Through interviews, herdsman offered their own interpretations of their life experience, difficulties and choices. Especially, this methodology can reveal certain parts of herders' experience that is often abandoned from the statistical sources. So, oral history has a great significance to reveal the specifications of development of the nomadic livestock which is the traditional and main economic sector of Mongolia.

Here, there are few reasons to use oral history in research on nomadic livestock. First, today there are strong interest and necessity for researchers to reveal significances and unique parts of the nomadic livestock. It means that we tend to know our identity. So far we have had superficial knowledge about our traditional economy like the Mongols have been able to produce the special local breeds of livestock most adjustable to the specific weather condition and nature. 'Mongol's pasture animal farming produced specific method and methodology, self-sufficient disjunctive culture in the world economic history' [1, p.15]. Beyond these descriptions, our traditional economy contains the Mongols' thought, philosophy and living art. We have to learn them. When we look into the study of the livestock, there are many interesting questions such as how the structure of the herds meets the need to sustain each other, what family manufacturing is, meaning of movement, how herdsman create unique dwelling, utensils and belongings, how they preserve ecological balance of natural environment, human and livestock reproduction.

Second, through this research, Mongolia needs to present its own specific characteristics of the development to the world. Because of globalization and widespread migration, Mongolia like other countries is becoming increasingly pluralistic, both culturally and economically. Hence, clarifying specifications of our background culture can make Mongolia a historical nation in the multicultural era. Particularly, we must keep the main character of the nomadic culture that has been kept for long time. We should examine how nomadic animal husbandry supports ecological balance, healthy living environment and independent existence. A valuable heritage of the Mongolian nomadic livestock is kept among the herders who are engaging livestock in the countryside. According to a researcher Sumiya, it is still adjustable field to the natural environment. Main relationship of human- livestock-nature was a keystone of nomadic civilization and culture. We need to clarify its firm tie and interdependence and propose future balanced living style to the modern society during the unbalanced ecological era.

Also, patterns of nomadic life are changing. Changes in technology of farming, urbanization and industrialization produce sedentary lifestyle in our country. In that case, many questions like how herdsman change, what policy supports them, what policy neglects them, how they adjust to the new environment etc, are seriously put on the table of the academic discourse. To answer these questions, we should study accu-

rately the sector of the traditional livestock by using oral history. There is no denying that other methods are not useful. But oral history methodology can make progress in the research work.

Generally, the statistical methods are mostly used in calculating numbers of the animal husbandry. Although according to the economics, statistics shows measurements and numbers of the sectors, it cannot fully tell the reasons of herders' feelings and their interest and needs. The economy of the traditional livestock is not similar to the sedentary economy. Historical descriptions and statistical tables cannot express how much each type of domesticated animal gives its owner in terms of milk, meat, wool and skins and in what ways this simulates the owner and arouses his confidence in life with regard to its peculiarity. We should apply a definite methodology, for instance, oral history, which are appropriate for clarifying advantages and disadvantages of the livestock situation. Oral history is a «creative, interactive methodology that forces us to get to grips with many layers of meaning and interpretation contained within people's memories» [4, p.18] and «simply put, oral history collects memories and personal commentaries of historical significance through recorded interviews» [5, p.17].

Hence, oral history methodology can be used to explore ordinary herdsmen opinion, attitude to the government's policy and their reaction to the economic changes. Since the traditional livestock is a keystone of Mongolian economy and national identity of the Mongols, we need to study carefully this field and conduct an efficient policy for the traditional livestock in this critical period.

Literature

1. Boldbaatar J. The Role of Mongolians in the History of the World and Region. Ulaanbaatar: Munkhiin useg, 2006
2. Enkhjargal D. Interviews with Herdsmen. 2020.
3. Sumiya B. Mongolyn Nuudelchdiin Orshikhuy, Yos orshikhuy. Ulaanbaatar, 1998.
4. Lynn Abrams. Oral History Theory. London and New York: Routledge, 2010.
5. Donald A. Ritchie. Doing Oral History. NY: Oxford University Press Oxford, 2003.
6. Robert Perks and Alistair Thomson. (Eds.). The Oral History Reader. London and New York: Routledge, 1998

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы института трансграничного банкротства по законодательству Китая и России

© Н. А. Богодухов

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
nikisbog@yandex.ru

В данной статье на основе законодательства КНР и России, а также специальной литературы был проведен анализ существующих проблем института трансграничного банкротства в вышеуказанных странах. В работе приведены подходы к определению понятия «трансграничного банкротства», приведенные в научной литературе и нормативно-правовых актах. Дан обзор китайского и российского правового регулирования и предложены рекомендации по внесению изменений в действующие законы, что, по мнению автора, повысит инвестиционную привлекательность, как России, так и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, международное частное право, банкротство, транснациональное банкротство, китайское право, иностранный элемент.

The article upon the practical and legal problems of transnational bankruptcy in Russia and China. The text gives a valuable information about the concept of transnational bankruptcy from scientific literature and legal acts. An overview of Chinese and Russian legal regulation is given, and recommendations are offered for making changes to existing laws, which, in the author's opinion, will increase the investment attractiveness of both Russia and the People's Republic of China.

Keywords: Transnational bankruptcy, international civil law, bankruptcy, foreign elements.

Внешнеэкономические отношения развиваются быстрыми темпами. На сегодняшний день неудивительно участие зарубежных компаний в деятельности отечественных (российских) юридических лиц. Однако право в отличие от экономики более консервативно и развивается не так интенсивно. Это подталкивает мировое сообщество к поиску новых решений и принятию норм и правил, способных эффективно защитить имущественные интересы сторон, находящихся в разных юрисдикциях.

Наиболее остро стоит вопрос в необходимости модернизации правового регулирования такого правового института, как трансграничное банкротство. Осознавая значимость решения обозначенной проблемы, мы рассмотрим в статье те дефекты правового регулирования отношений трансграничного банкротства, которые возникают в законодательстве России и Китая.

Термин «трансграничное банкротство» является предметом дискуссий между учеными. Обусловлено это отсутствием должного закрепления данного понятия в нормативно-правовых актах. В российском законодательстве термин «трансграничное банкротство» фигурирует в абз. 7 п. 3 ст. 29 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (далее по тексту – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [5]. Данная норма обязывает органы по контролю и надзору оказывать арбитражным управляющим в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве и связанных с вопросами трансграничной несостоятельности (несостоятельности (банкротства), осложненной иностранным элементом). Таким образом, законодатель раскрывает термин «трансграничное банкротство» как: банкротство, осложненное иностранным элементом.

В китайском законодательстве термин «трансграничное банкротство» отсутствует полностью. Закон Китайской Народной Республики от 01.06.2007 «О банкротстве предприятий» [3] (далее по тексту – Закон КНР «О банкротстве предприятий») в статье 5 содержит норму, регулиющую порядок исполнения на территории КНР решения о банкротстве, принятого иностранным судом, а также действия на территории другого государства решения о банкротстве, принятого судом КНР. Таким образом, мы сталкиваемся с отсутствием в законодательстве, как России, так и Китая четкого развернутого указания на то, что понимать под «трансграничным банкротством».

Значительную роль в определении понятия и правовой природы транснационального банкротства сыграла юридическая доктрина. Е. А. Файншмидт и Т. В. Юрьева указали на существование двух подходов к определению банкротства как трансграничного:

1) узкий подход. Заключается в определении трансграничного банкротства как банкротство должника, активы которого находятся в нескольких национальных юрисдикциях.

2) широкий подход. Суть его в том, что банкротство, является трансграничным при наличии хотя бы одного из критериев:

- активы должника распределены в пределах нескольких юрисдикций;
- кредиторы принадлежат к нескольким юрисдикциям;
- акционеры должника находятся в нескольких юрисдикциях [8, с.137].

Интересна позиция А. Ф. Ибрагимова, который исходя из анализа правовых взглядов, сложившихся в доктрине и результатов правоприменительной практики, обозначил один из наиболее сформированных подходов к определению понятия трансграничного банкротства. По мнению Алихана Фазильевича Ибрагимова, банкротство признается трансграничным при выделении хотя бы одного из следующих критериев:

- 1) наличие иностранных по отношению друг к другу кредиторов и должника;
- 2) наличие иностранных по отношению друг к другу участников должника – юридического лица;
- 3) нахождение имущества должника за рубежом [4, с. 141].

Более того, несмотря на существование различных взглядов, разрешение вопроса о правовой природе понятия «трансграничное банкротство» является скорее доктринальной задачей, нежели правоприменительной. В действующем российском и китайском законодательстве содержится достаточно норм, создающих проблемы на практике. Давайте рассмотрим их поподробнее.

Первая проблема, это отсутствие в российском законодательстве особой процедуры уведомления иностранных кредиторов о начале процедуры банкротства в отношении должника. Согласно ст. 28 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», обязательные сведения о процедуре банкротства публикуются в: Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (далее по тексту ЕФРСОБ) и в официальном издании, определенном Правительством Российской Федерации в соответствии с федеральным законом. Таким изданием, согласно Распоряжению Правительства РФ от 21.07.2008 г., № 1049-р является газета «Коммерсант» [6].

Следует отметить, что введение Единого федерального реестра сведений о банкротстве стало значительным шагом на пути к повышению эффективности правового регулирования процедуры банкротства. Однако это не устранило главную проблему, которая особенно актуальна для иностранных кредиторов.

Суть ее заключается в том, что для своевременной защиты своих прав, иностранному кредитору необходимо осуществлять постоянный мониторинг ЕФРСОБ и российских СМИ. Как следствие — излишние затраты человеческих и материальных ресурсов на организацию подобного мониторинга. Отсюда следует вывод о том, что действующий в настоящее время порядок доведения сведений о банкротстве до иностранного кредитора, не гарантирует надлежащую защиту его прав.

В 2010 г. способ решения вышеуказанной проблемы был высказан А. П. Бандиной [1, с. 8]. В качестве примера, было приведено законодательство Британских Виргинских островов, предусматривающее уведомление иностранного кредитора в индивидуальном порядке. В отечественном законодательстве процедура индивидуального уведомления иностранного кредитора до сих пор не предусмотрена.

Китайским законодательством закреплена несколько иная процедура уведомления. Согласно статье 14 Закона КНР «О банкротстве предприятий» Народный суд самостоятельно уведомляет известных ему кредиторов и делает публичное заявление. Публичное заявление публикуется в Судебном бюллетене.

Система уведомления по Китайскому законодательству выглядит более прогрессивно, т.к. содержит возможность индивидуального уведомления кредиторов судом, однако на практике во взаимоотношениях с иностранными кредиторами возникают проблемы. А именно, согласно Договору о правовой помощи, Стороны сносятся между собой через Министерство юстиции России и Министерство юстиции КНР. При этом, следует отметить, что на практике срок осуществления подобного извещения может составлять до полугода.

На такие данные указали в своей работе Т. Ю. Карева и В. В. Сонин. Таким образом, к моменту поступления извещения к кредитору могут истечь все процессуальные сроки [7, с.164].

Вторая проблема — это одинаковые сроки, предусмотренные как для отечественных кредиторов, так и для зарубежных. Для понимания сути вопроса, обратимся к примеру. Согласно п. 1 ст. 142 «О несостоятельности (банкротстве)» для предъявления требований и включения их в Реестр требований кредиторов предусмотрен двухмесячный срок.

Данное обстоятельство существенно нарушает равенство кредиторов, т.к. зарубежному контрагенту необходимо за вышеуказанный промежуток времени выполнить подготовку, перевод и легализацию документов, затем произвести надлежащее уведомление арбитражного управляющего.

При этом следует учитывать время, потраченное на пересылку документов. Любая ошибка, допущенная на данном этапе, может привести к не включению требований иностранного кредитора в ЕФРСоб, что в свою очередь влечет к удовлетворению требований кредитора после удовлетворения требований, включенных в Реестр.

Подобная проблема имеется и в китайском праве. В отличие от отечественного законодательства о несостоятельности, где сроки предъявления требований кредиторов являются строго установленными, норма о сроках предъявлении требований в Законе КНР является диспозитивной. Срок устанавливается Народным судом и согласно ст. 45 Закона КНР «О банкротстве предприятий» не может быть менее 30 дней и более 3 месяцев.

Никаких особых сроков для иностранного кредитора китайское законодательство не предусматривает. Здесь уместно обратить внимание на тот факт, что в сравнении с национальными кредиторами, иностранный контрагент оказывается в неравном положении. Т.к. за этот срок, ему необходимо получить уведомление, подготовить необходимые документы, осуществить их перевод и легализацию, после чего надлежащим образом направить весь комплект документов в Китайский суд.

Это в том случае, если российская сторона получила извещение вовремя. В противном случае, кредитор теряет право на удовлетворение своих требований, исходя из того, что процессуальные сроки были нарушены.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем прийти к следующим выводам. В российском и китайском праве имеются сходные проблемы правового регулирования института трансграничного банкротства. Это проблема извещения о начале процедуры банкротства должника, и проблема сроков для предъявления требований.

В результате изучения различных источников мы пришли к заключению о необходимости внесения следующих изменений в нормативно правовые акты обоих государств:

1. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» необходимо дополнить нормой, об индивидуальном судебном уведомлении иностранного кредитора. Таким образом, это избавит зарубежного контрагента от необходимости постоянного мониторинга ЕФРСоб и российских СМИ. Кроме того, в закон следует внести изменения относительно срока подачи требований и увеличить их для нерезидентов минимум в два раза. Исходя из этого, у иностранных кредиторов будет больше времени на проведение необходимых процедур и пересылку документов.

2. В Законе КНР «О банкротстве предприятий» следует также предусмотреть удлиненный срок для подачи требований иностранным кредитором.

3. В Договоре о правовой помощи между Россией и КНР следует предусмотреть возможность направления извещения в Органы юстиции и его дублирование непосредственно заинтересованной стороне. Таким образом, сторона, получившая дубликат извещения, заранее сможет начать подготовку документов, до получения официального документа из национального органа юстиции.

Вышеуказанные изменения смогут повысить взаимную инвестиционную привлекательность, как России, так и Китайской Народной Республики.

Литература

1. Бандина А. П. Некоторые особенности правового статуса иностранного кредитора в рамках трансграничной несостоятельности // Современная наука. 2010. № 2(2). С. 7–10.
2. Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 12.06.1992 г. // СЗ РФ. 2013. № 7. Ст. 612.
3. О банкротстве предприятий: закон КНР от 01.06.2007 г. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_enterprise_bankruptcy_law_2006_russian (дата обращения: 11.04.2020).
4. Ибрагимов А. Ф. Трансграничное банкротство: на пути к формированию единых подходов и механизмов правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11(84). С. 140–148.
5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 г., № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. Распоряжение Правительства РФ от 21.07.2008 г, № 1049-п. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78597 (дата обращения: 11.04.2020).
7. Сонин В. В. Проблемы трансграничного банкротства физических лиц в российском и китайском законодательстве и практике // Правоприменение. 2017. Т.1, № 3. С. 160–167.

8. Файншмидт Е. А., Юрьева Т. В. Зарубежная практика антикризисного управления: учеб.-метод. комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. С. 137–138.

Дипломатия Чингисхана и ее значение в современном мире

© В. И. Калашникова

студент 4-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
kvikai@mail.ru

© А. Д. Дульский

студент 3-го курса
Сибирский федеральный университет
dulya_ad@mail.ru

В статье рассматриваются особенности дипломатической службы Монгольской империи во время правления Великого хана Чингисхана, становление института неприкосновенности послов и распространение применения прототипа дипломатического паспорта – пайцзы. Нельзя отрицать огромную роль Чингисхана в развитии международных отношений. Именно он стал предоставлять дипломатическую неприкосновенность всем послам, включая представителей стран, с которыми в то время воевал. Данные события оказали большое влияние на формирование институтов дипломатической неприкосновенности и дипломатического паспорта. В данной статье авторы обратили внимание на то, что даже в XXI в. происходят покушения и убийства дипломатов по всему миру. Все эти события вызвали незамедлительную реакцию у мирового сообщества. К сожалению, в наше время тяжело определить ответственность государства за нарушение дипломатической неприкосновенности представителей другого государства.

Ключевые слова: дипломатия; послы; Чингисхан; дипломатическая неприкосновенность; пайцзы; Монголия; дипломатический паспорт; международные отношения; дипломатическое и консульское право; актор.

The article discusses the features of the diplomatic service of the Mongol Empire during the reign of the Great Khan Genghis Khan, the establishment of the institution of immunity of ambassadors and the spread of the use of the prototype diplomatic passport - payzi. The huge role of Genghis Khan in the development of international relations cannot be denied. It was he who began to provide diplomatic immunity to all ambassadors, including representatives of the countries with which he was at war at that time. These events have paid great attention to the formation of institutions of diplomatic immunity and a diplomatic passport. In this article, the authors drew attention to the fact that even in the XXI century there are attempts and assassinations of diplomats around the world. All these events caused an immediate reaction from the world community. Unfortunately, in our time it is difficult to determine the responsibility of the state for violating the diplomatic immunity of representatives of another state.

Keywords: diplomacy, ambassadors, Genghis Khan, diplomatic immunity, payzi, Mongolia, diplomatic passport, international relations, diplomatic and consular law, actor.

Определение истинных акторов международных отношений интересует научное сообщество на протяжении многих лет. Разные теории определяют сущность актора по-разному. К примеру, реалисты рассматривают как основного актора международных отношений государство; марксисты — классы; либералы помимо государства выделяют еще транснациональные компании, правительственные и неправительственные организации, а также личность. Парадоксально, что роль личности в современных отношениях спорна, хотя, если оглянуться в прошлое, во времена феодализма, мы можем увидеть важность данного типа акторов. Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Иван IV Грозный, Пётр I и Чингисхан — все приведённые исторические лидеры оставили свой огромный след в истории мира, не только как представители своих государств, но и как выдающиеся личности, повлиявшие на мир в той ипостаси, в которой мы знаем его сейчас. В нашей работе мы проанализируем роль в истории международных отношений основателя и первого великого хана Монгольской империи — Чингисхана.

Когда спрашивают, кто был человеком, который больше всего повлиял на мировую историю, мало кто упоминает Чингисхана. Однако именно Чингисхан и Монгольская империя были той доминирующей силой, которая сформировала Евразию и весь современный мир. Именно они приблизились к объединению Евразии в мировую империю и, по словам автора книги «Genghis Khan and the Making of the Modern World» Джека Везерфорда: «... они также создали ядро универсальной культуры и ми-

ровой системы. С акцентом на свободную торговлю, открытое общение, обмен знаниями, светскую политику, религиозное сосуществование, международное право и дипломатический иммунитет» [9].

Многие исследователи указывают на то, что дипломатия и дипломатическая служба были одной из приоритетных направлений деятельности кочевых государств и государство Чингисхана не является исключением. Правовое положение послов в Монгольской империи было новаторским на тот период времени, ведь именно Чингисхан закрепил неприкосновенность данной категории чиновников и страшно карал за ее нарушение. Яса Чингисхана гласит: «За убийство посла ответит смертью все племя убийцы».

Как справедливо замечает Л. Н. Гумилев, «позднейшие дипломаты должны были скинуться на памятник Чингисхану и его закону». Дело в том, что в древние времена и Средние века убийство иностранца по законодательству большинства стран не являлось преступлением, поэтому люди XIII в. искренне обижались на монголов, когда в ответ на убийство их послов следовали ответные меры по уничтожению этих людей и их городов. Они несли, по мнению монголов, коллективную ответственность за содеянное преступление [4, с. 68]. Так, П. Карпини отмечал в своей «Истории Монгалов», что обычай татар (монголов) предусматривал отказ от мира с теми людьми, которые лишили жизни их послов [1].

Уникальным по своей природе был случай, приведший к пересмотру положения посла и изменению отношения к дипломатии в целом. В 1218 г. Чингисхан отправил в государство Хорезмшахов 500 послов, дабы заключить соглашение о взаимной помощи, противостоянии угрозам со стороны соседей и налаживанию торговых отношений. Однако мирное посольство Чингисхана с караваном товаров, золота и серебра было вероломно истреблено по приказу Гаир-хана, родственника Мухаммед-шаха, что было тягчайшим преступлением в отношениях между государствами даже в то время. Ведь внутри Монгольского государства в округах уездов послов, независимо от их чина, встречали и провожали с огромными почестями, пиром, музыкой, знаменами и флагами, они ночевали в лучших местах. В целом монголы глубоко уважали послов и ценили их роль на политической арене, никто не смел и думать о покушении на посла. Именно поэтому после вероломного убийства послов в Отраре Чингисхан отдал приказ о начале войны с империей Хорезмшаха [8, с. 71]. В письме своим генералам Великий хан писал: «Заклинаю Вас мощью великого господя, не возвращайтесь назад, пока вы его не захватите. Если он изнеможет от вас и с несколькими людьми укроется на крутой горе или в тесной пещере, либо скроется от людских очей подобно перу, вы должны врезаться в его области подобно сильному ветру и всем, кто явится к вам с покорностью, окажите [таким] поощрение, дайте [охранную] грамоту и [поставьте им] правителя [шихнэ], а каждого, кто будет дышать неповиновением и противодействием, уничтожьте!» [6]. К 1219 г. государство Хорезмшахов было уничтожено. После данного инцидента государства, желавшие сотрудничать с Монгольской империей стали гарантировать безопасность представителям Монгольского государства.

Схожая ситуация произошла на Руси, когда произошло убийство монгольских послов, которые прибыли в стан русского войска и которое в конечном итоге привело к поражению объединенного войска русских удельных княжеств и половцев в битве на реке Калке и истреблению почти всех захваченных в плен князей. Монголы беспощадно карали за убийство своих парламентаров и послов, не прощали данную категорию преступников [2, с. 98].

Чингисхан ввел в широкое использование первый в мире дипломатический паспорт, известный как «пайцзы», который предоставлялся дворянам и чиновникам. Это были металлическими табличками с надписями на золоте, серебре, бронзе с надписями. Пайцзы были своеобразным символом делегирования власти, наделения особыми полномочиями, привилегиями для защиты дипломатов, торговцев, посланников [3]. Пайцзы являлись своего рода дипломатическим паспортом тринадцатого столетия, позволяющим держателю свободный проход и доступ к поставкам через территорию, контролируемую монголами.

В период Чингисхана и его прямых наследников были распространены разные виды пайцзы. Самой ценной считалась пайцзы из золота с изображением головы тигра или кречета с надписью: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению, как если бы он сам ехал». Такая пайцзы выдавалась лично Чингисханом особо доверенным людям, в которых он был уверен, на время и лишь в исключительных случаях. У других менее значимых сановников и послов была просто золотая или позолоченная пайцзы с надписью: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно!». Пайцзы третьего ранга были серебряные с той же надписью.

По прошествии времени данный вид отличия дипломатических представителей был преобразован в различные виды удостоверяющих документов, которые применяются и по сей день. Таким образом пайцзы, применяемые Чингисханом, являлись прототипом современного дипломатического паспорта,

который в то время определял значимость посольства в предоставлении ему особых знаков внимания, этикета и ритуала [7].

Некоторые историки говорят, что знаменитый венецианский путешественник Марко Поло носил золотую пайцзы шириной в три фута длиной, выпущенную самим Хубилаем, внуком Чингисхана, во время своих обширных путешествий по Евразии. Пайцзы в значительной степени работает как дипломатический паспорт, предоставляя широкие права на получение жилья, продовольствия, лошадей и проводников по всем землям, контролируемым ханом. Некоторые пайцзы были привезены правительственными чиновниками в качестве доказательства их положения и титула, в то время как другим были даны, чтобы люди приходили и уходили через империю. Они обычно предназначались для людей, которые путешествовали по государственным делам, и иностранцев, которые находились на территории Монголии под защитой хана [10].

Делегации, отправляющиеся к Чингисхану, пользовались особыми правами на подконтрольных ханству территориях. Гильом Рубрук приводит следующую историю первой встречи с монголами. Сперва, они были встречены недружелюбно, монгольские всадники попытались ограбить делегацию, но узнав, что группа направляется к хану как посланники короля Франции, бандиты тут же сопроводили французов к начальнику тумена. В своих записках Рубрук так же описал и сцену приема послов у хана. Гостям выделялся отдельный дом или юрта, где они ждали назначенного заранее дня встречи. Так же за делегатами прикреплялся особый человек, в задачи которого входили сообщение времени и места встречи, а также сопровождение. Интересен ритуал входа в шатёр: прежде чем предстать перед ханом, пара специальных людей проводила послов между двух огней. Данный ритуал проводился для того чтобы избавить гостей от негативных идей и целей. Если гость наступал на порог ханского шатра, то его наказывали смертной казнью. Это считалось серьезным преступлением, о чем заранее предупреждали гостей. Чтобы показать своё уважение представители другого государства, после входа в юрту должны были пасть на колени и на них приблизится к трону с дарами и документами. У трона можно было наблюдать следующую картину: в центре на украшенном драгоценностями троне находился сам хан, по правую руку от него, находились его жёны, по левую, ближайшие к хану чиновники и полководцы. Так же, послам запрещалось поворачиваться спиной к хану и его свите. На европейцев производило огромное впечатление то, что те, кого они считали варварами, оказывались верными воинами и чуткими к иноверцам людьми [7].

В заключение следует отметить, что личность Чингисхана и по сей день является довольно спорной: кто-то считает его жестоким правителем, а кто-то видит в нем мудрого предводителя. Но нельзя отрицать его огромную роль в развитии международных отношений. Чингисхан стал предоставлять дипломатическую неприкосновенность всем послам, включая представителей стран, с которыми в то время воевал [5], и требовал такого же уважения к своим дипломатическим представителям. Суровым и беспощадным путем он прививал эту неприкосновенность на своих территориях, а в дальнейшем это переросло в современный институт международного дипломатического права. Даже в XXI в. происходят покушения и убийства дипломатов по всему миру. Нашумевшее убийство российского посла в Турции в декабре 2016 г., вооруженное нападение на посольство РФ в Ливии в 2013 г., «акустическая атака» дипломатов США на Кубе в 2018 г. и так далее. Все эти события вызвали незамедлительную реакцию у мирового сообщества. К сожалению, в наше время тяжело определить ответственность государства за нарушение дипломатической неприкосновенности представителей другого государства. Страны-потерпевшие возвращают своих дипломатов на родину и сокращают штат дипломатов страны, где произошло нападение, или высылают их из своей страны. Так поступило правительство США в ситуации с «акустической атакой». Все это оказывает негативное влияние на международные отношения, поэтому все государства стараются как можно скорее сгладить конфликт и сделать максимально возможное для скорейшего расследования такого рода преступления. Помимо закрепления неприкосновенности дипломатов Чингисхан ввел в широкое применение прототип дипломатического паспорта, который также используется в настоящее время. Правовые институты, созданные Чингисханом в XIII в., применяются и по сей день в современной международной дипломатии, что безусловно является показателем того, как велика роль первого великого хана Монгольской империи Чингисхана в развитии международных отношений.

Литература

1. Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны [Электронный ресурс] / пер. А. И. Малеина. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm> (дата обращения: 14.03.2020).

2. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2016. 1024 с.
3. Крамаровский М. Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 212–224.
4. Мухаметов Ф. Ф. «Яса» Чингисхана и ее роль в монгольской правовой системе // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2006. № 3(76). С. 64–71.
5. Оловинцев А. Г. Тюрки или монголы? Эпоха Чингисхана [Электронный ресурс]. М.: Алгоритм, 2018. URL: <https://history.wikireading.ru/328054> (дата обращения: 14.03.2020).
6. Рашид-ад-дин. Сборник летописей [Электронный ресурс]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/framepred.html (дата обращения: 14.03.2020).
7. Сембинов М. К. Дипломатия и дипломатическая служба в империи Чингисхана и его потомков [Электронный ресурс] // Вестник КазНПУ. 2014. URL: <https://articlekz.com/article/19307> (дата обращения: 14.03.2020).
8. Сембинов М. К., Абдулхаиров А. З. Особенности посольской службы в империи Чингисхана и его потомков // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер. Филология. История. 2015. № 2. С. 69–75.
9. «Genghis Khan and the Making of the Modern World» Jack Weatherford review by Aldo Matteucci [Electronic resource]. URL: <https://www.diplomacy.edu/resources/books/reviews/genghis-khan-and-making-modern-world> (дата обращения: 14.03.2020).
10. Peter Sterling. Mongols invented the World's first diplomatic passport [Electronic resource]. URL: <https://citizenshipbyinvestment.ch/index.php/2019/04/19/mongols-invented-the-worlds-first-diplomatic-passport> (дата обращения: 14.03.2020).

Актуальные проблемы правового регулирования в сфере защиты личной информации: сравнительный анализ законодательства России, США и Китая

© **В. И. Калашникова**

студент 4-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
kvikai@mail.ru

© **Пэн Да**

студент 4-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
pengsergeyda99@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования, а также правовой защиты личной информации в современной России. Предлагаются конкретные направления развития внутрироссийского законодательства в сфере правового регулирования информации.

Ключевые слова: информация; информационные технологии (ИТ); правовое регулирование; правовая защита информации

The article discusses current issues of legal regulation, as well as the legal protection of information in modern Russia, compared to the legal protection of information in the United States and China. Author offers concrete ways of the development of domestic legislation in the field of legal regulation of information.

Keywords: information, information technology, legal regulations, legal protection of information.

С непрерывным развитием информационных технологий в стране и растущей популярностью интернет-приложений, которые способствуют социальному развитию и технологическим изменениям, возникают новые задачи в области защиты личной информации. В новую эру Интернета законы многих стран нуждаются в срочной переработке. Особенно в последние годы, когда личная информация эксплуатируется и используется различными организациями, например, банками, промышленными

национальными информационными сетями, системами государственного управления, оборонными предприятиями. Эти организации нуждаются в установлении особых мер правовой защиты и безопасности данных.

В современном информационном обществе личная информация стала важным социальным ресурсом. С приходом цифрового века электронная обработка информации становится все более распространенной. Что касается обработки личной информации — это, безусловно, удобно и практично. В частности, развитие высоких технологий, таких как «облачные хранилища». Но, используя их, пользователи сталкиваются с рисками, связанными с нежелательным распространением личной информации. Вопрос о том, как защитить личную информацию, стал проблемой, стоящей перед современным обществом, и перерос в глобальную правовую проблему. Таким образом, работа по усовершенствованию нормативной правовой базы о защите личной информации стала одним из основных законодательных направлений во многих странах, и она имеет большое значение для обеспечения осведомленности граждан о правах, регулирования поведения правительства и общества, выявления правонарушений и защиты прав и интересов личности.

Вопрос информационной безопасности личности регулируется и на международном уровне. Так, например, Окинавская хартия глобального информационного общества призывает к международному сотрудничеству в рамках информационных технологий, предполагая таким образом новые методы взаимодействия по развитию социального и экономического прогресса во всем мире. Хартия также указывает на необходимость защиты частной жизни человека, особенно при обработке персональных данных, для этого нужно способствовать развитию продуктивному механизму защиты личной информации. Особенно отмечается усиленное партнерство государств в создании безопасного и свободного от преступности киберпространства [2].

В науке, как правило, под информацией понимается некая совокупность сведений. Легальное определение этого понятия дано в статье 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [3]. Однако данное определение является не совсем корректным, так как законодатель упустил тот факт, что информация должна быть ценной, чтобы удовлетворить какие-либо потребности человека, быть актуальной и достоверной. Кроме того, сведения становятся информацией, когда человек способен воспринимать эти сведения.

Особой правовой охране подлежит личная информация человека. Однако действующее законодательство РФ не дает легального определения личной информации. В доктрине существует определение личной информации как информации о гражданах или организациях, затрагивающей их интересы, распространение которой возможно лишь в случае согласия на это соответствующих лиц и организаций [10, с. 142]. В законодательстве существуют легальные определения лишь отдельных ее компонентов. Так, например, Федеральный закон от 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ «О персональных данных» содержит понятие персональных данных, под которыми понимается любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных). Однако целью данного закона, как говорится в статье 2, является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [4]. Таким образом, защита персональных данных обеспечивает неприкосновенность и других компонентов личной информации.

Что касается США, здесь нет единого основного законодательства о защите данных. Вместо него сотни законов, принятых как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, служат для защиты личных данных жителей США и ориентированы на конкретные типы данных. На федеральном уровне Закон «О Федеральной торговой комиссии» широко уполномочивает федеральную торговую комиссию США осуществлять принудительные действия для защиты потребителей от недобросовестных или вводящих в заблуждение действий и обеспечения конфиденциальности и защиты данных [8].

Стоит заметить, что во многих зарубежных странах в связи с угрозой террористического акта с каждым годом постепенно ослабевает запрет на вмешательство в личную жизнь со стороны государства, а количество поводов для него растет. В этом вопросе преуспевает и США, где официально существуют специальные базы данных, где содержится информация о размере заработной платы человека, наличие или отсутствие судимости, случаи ограничения каких-либо прав, случаи преследования за совершение преступлений и так далее [9, с. 76].

Что касается Китая, то здесь конфиденциальность, как и во многих развитых странах, является одним из базовых прав человека, а безопасность личной информации связана с личностью каждого

гражданина. С улучшением правовой системы и пробуждением сознания граждан все больше и больше китайцев начинают обращать внимание на собственную информационную безопасность и личную конфиденциальность.

Статьи 33, 38, 39 и 40 Конституции КНР о защите прав человека, личного достоинства, общения и неприкосновенности частной жизни являются конституционными источниками прав на личную информацию Китая [6]. Общие принципы гражданского права КНР и Закон об ответственности за гражданские правонарушения КНР и другие положения о защите личных прав и нарушений заложили основы гражданской системы защиты личной информации, но содержание относительно нецелое.

28 декабря 2012 г. Постоянный комитет ВСНП проголосовал за принятие «Решения об усилении защиты сетевой информации» с целью установления стандарта сетевой информации на правовом уровне, а 7 ноября 2016 г. Постоянный комитет ВСНП принял Закон «О сетевой безопасности Китайской Народной Республики» для дальнейшего уточнения безопасности личной информации пользователей киберпространства [7].

Проанализировав законы США и Китая, необходимо далее рассмотреть законодательство России. Вмешательство в личную жизнь становится преступлением, если речь идет о сведениях, которые гражданин сам не хотел предавать огласке. Это разъяснил Пленум Верховного суда РФ в Постановлении «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

В этом Постановлении говорится, что при совершении преступления «Нарушение неприкосновенности частной жизни» умышлено охватывается то, что информация о частной жизни хранится человеком в тайне. При этом, если ранее эта информация стала общедоступной или была предана огласке самим гражданином или по его воле, то сбор или распространение таких сведений не влечет за собой уголовной ответственности. Также не привлекаются к уголовной ответственности лица, которые собирали или распространяли личную информацию в государственных, общественных или иных публичных интересах [5].

Авторы статьи частично не согласны с данным толкованием, ведь любая личная информация должна быть защищена. Не имеет значения, желает ли гражданин сохранить данные сведения в тайне или нет. Разглашение любой личной информации гражданина должно быть произведено с его согласия. Право на личную информацию является частью основных прав граждан в информационном обществе, а защита права на личную информацию также является основой для обеспечения национальной безопасности и общественной безопасности в целом. В соответствии со статьей 23 Конституции РФ, каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения [1]. В связи с этим государство должно приложить все усилия, чтобы предотвратить правонарушения, связанные с распространением личной информации. Поэтому, разрабатывая систему российского законодательства, необходимо учитывать основополагающие идеи и специфику построения информационной сети:

1. Предметное регулирование, а именно правоотношения между оператором сети «Интернет» и потребителем.

2. «Глобальный» характер. Использование локальных правовых актов может быть не эффективно для регулирования таких правонарушений. Необходимо международно-правовое регулирование отношений в сфере информации, а именно путем заключения международных договоров.

3. Разумность регулирования. Значение интернета в современном обществе почти достигло пика, вследствие чего процессы регулирования должны касаться лишь важнейших сфер функционирования интернета, которые неразрывно связаны с правами человека, например, охрана частной жизни, защита общества в сфере информационной безопасности.

В ходе анализа было выявлено, что законодательство РФ, в отличие от законодательных систем других государств, включая США и Китай в области обмена информацией посредством сети «Интернет» находится на самом начальном этапе развития. При этом в значительной степени можно говорить об отсутствии эффективно действующей нормативной базы, несмотря на наличие общих норм конституционного и гражданского права и некоторого числа других законодательных актов. Причинами этого являются как недостаточная теоретическая проработка отдельных фундаментальных нормативных положений, так и субъективно настороженное отношение к Интернету со стороны правоприменительных органов.

В последние годы мы часто слышим в новостях об утечке персональных данных. Бывают случаи, когда сами сотрудники банка продавали информацию клиентов преступникам. Причина в том, что сотрудники некоторых банков и других подразделений могут легко получить доступ к большому ко-

личеству личной информации граждан, воспользовавшись удобством своей работы. Такой случай был в Китае. В одной провинции злоумышленник Ли Лиан купил большое количество кредитных данных. Общая сумма ущерба составляет 940 000 юаней. После этого громкого случая в Китае многие банки стали принимать меры по улучшению безопасности личной информации граждан. Было множество случаев, где утечка информации потрясло российское сообщество, например, в начале ноября 2019 г. в интернете продавались данные владельцев кредитных карт Альфа-Банка и клиентов «АльфаСтрахования». Таким образом, распространение личной информации, тем более персональных данных, не только нарушает личные права человека и гражданина, но и создает возможность для успешного мошенничества, шантажа и так далее.

Из всего вышесказанного, учитывая основные принципы, можно выделить следующие направления развития российского законодательства в информационной сети «Интернет»:

1. Опираясь на международный опыт и анализ законодательств таких стран, как США и Китай, необходимо совершенствовать российское законодательство в таких вопросах как создание развитой системы судебной помощи гражданам, чьи права были нарушены.

2. Усовершенствовать соответствующую правовую базу, дать легальное определение личной информации в статью 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в этом федеральном законе четко определить ее значение и способы защиты. Например, понятие личной информации может звучать как любые сведения (сообщение, данные) о гражданах или организациях, которые затрагивают их интересы, независимо от формы их представления, распространение которой возможно лишь в случае согласия на это соответствующих лиц и организаций.

3. Уточнить основные принципы и нормы сбора использования и обработки информации в том числе и персональных данных основным органом обработки информации, государственными органами и субъектами обработки информации негосударственных органов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [принята на всенародном голосовании от 12 декабря 1993 г., с попр-ми от 21 июля 2014 г.] // Российская газета. 1993. № 237.

2. Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс] // Дипломатический вестник. 2000. № 8. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901770887> (дата обращения: 28.01.2020).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. № 4131. 29 июля.

4. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г., № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.

5. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 г., № 46. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039350/> (дата обращения: 28.01.2020).

6. Конституция Китайской Народной Республики [принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., с попр-ми от 1999 г.] [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=31> (дата обращения: 28.01.2020).

7. О кибербезопасности Китайской Народной Республики: закон Китайской Народной Республики от 7 ноября 2016 г. // Агентство Синьхуа, Пекин. 2016. 7 ноября.

8. О Федеральной торговой комиссии: закон Соединенных Штатов Америки от 26 сентября 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid%3AUSC-prelim-title15-chapter2-subchapter1&edition=prelim> (дата обращения: 28.01.2020).

9. Артмич Е. А. Соотношение защиты персональных данных и доступа к ним // ЮП. 2011. № 6. С. 74–77.

10. Домарев В. В. Безопасность информационных технологий. Системный подход // ТИД «ДС», 2004. 992 с.

Экзаменационная власть Тайваня как форма реализации доктрины

© Е. О. Мадаев

канд. юр. наук, доц. кафедры международного права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
madaeo@mail.ru

Автор провел теоретико-правовой анализ экзаменационной власти Тайваня как формы реализации доктрины. В соответствии с Конституцией Китайской Республики (Тайвань) 1947 г. созданной на принципах учения доктора Сунь Ятсена, государственная власть состоит из пяти палат: исполнительная палата (правительство), законодательная (парламент), палата юстиции (высший государственный судебный орган), экзаменационная палата и палата контроля (высший контрольный орган). Автор выработал научно-практические рекомендации, с учетом тысячелетнего опыта Китая, в политико-правовую действительность Российской Федерации.

Ключевые слова: «экзаменационная власть», форма реализации доктрины.

Author conducted a theoretical and legal analysis of Taiwan's examination power as a form of implementation of the doctrine. In accordance with the Constitution of the Republic of China (Taiwan) 1947, established on the principles of the teachings of Dr. Sun Yatsen, state power consists of five chambers: the Executive Chamber (government), the legislature (parliament), the Chamber of Justice (the highest state judicial body), the examination chamber and the Chamber of Control (the highest supervisory body). The author has developed scientific and practical recommendations, taking into account the thousand years of experience of China, in the political and legal reality of the Russian Federation.

Keywords: «examination power», a form of implementation of the doctrine.

В работе выдающегося русского философа политолога А. С. Панарина «Народ без элиты», есть ответы на вопрос нашей социально-политической жизни — «Кто виноват?» [9, с. 111–349]. Но главное найти ответы на вопрос «Что делать?», причем, по словам Д. Ломбара: «Может сгодиться опыт других стран и даже цивилизаций, которые сумели подготовить такую управленческую элиту, такой политико-административный класс, который сохранил Империю в Китае, например, на протяжении более чем двух тысячелетий. Это единственный уникальный случай в истории народов и цивилизаций» [6]. В трудах древних философов можно найти размышления о правлении в «идеальном государстве» [12, с. 275–277].

Экзаменационная система, как важнейшая часть политической и общественной жизни Китая, стала объектом пристального внимания первых европейцев, посетивших Китай с XVI в. Во многом представление о Китае в Европе складывалось на основе трудов иезуитов в начале XVII в. Авторитетный европейский китаевед Маттео Риччи пишет: «Своим величием и самодостаточностью Империя была обязана мудрости древних правителей, тысячелетним моральным принципам, зафиксированным в классике конфуцианского этико-политического учения, управленческим усилиям политико-административной элиты, которая обеспечивала преемственность развития государства на протяжении тысячелетий. Примечательный факт, вполне достойный быть отмеченным как отличный от Запада, состоит в том, что всё королевство управляется орденом просвещенных, известных среди народа как философы. Ответственность за упорядоченное управление всей страной целиком и полностью лежит на них и вверена их заботе» [3, с. 200].

Вот что М. Риччи пишет: «Наиболее почитаемый из всех китайских философов носил имя Конфуция. Этот великий и ученый человек родился за 551 год до начала христианской эры, прожил более семидесяти лет и увлек свой народ подвигом добродетели не в меньшей мере на своем собственном примере, чем своими трудами и собраниями (учеников). Его собственные достижения и безупречный образ жизни привел к тому, что его компатриоты признали, что он превзошел в святости всех, кто жил в прошедшие времена в любых частях света и считались в преуспевшими добродетели. Конечно, если мы критически рассмотрим его действия и высказывания, как они записаны в истории, мы будем вынуждены признать, что он был, не только равен языческим философам, но превосходил большинство из них» [3, с. 201].

Под влияние учения Конфуция попали известные европейские ученые XVIII–XIX вв. — Вольтер, Спиноза, Лейбниц, Гегель и др. По словам Гегеля: «Все равны и только те допущены к административному управлению, у кого есть для этого способности. Официальные посты, таким образом, заняты

людьми высочайшего интеллекта и образованности. Китайское государство последовательно организовывалось как идеал, который может служить образцом даже для нас» [3, с. 217]. И как следствие тому, опыт экзаменационной системы Китая был заимствован Французской Республикой в 1771 г., которая ввела экзамены для соискателей государственной службы.

Система экзаменационных испытаний для подготовки и аттестации чиновников в Китае, независимо от знатности их происхождения и положения в обществе с учетом их личных способностей, насчитывает более двух тысячелетий. Император династии Хань (Западная Хань) У-ди (140–87 гг. до н.э.) организовал первый официальный экзамен для предварительно отобранных кандидатов с мест (134 г. до н.э.), на основе классических конфуцианских книг, сожженных еще в правление Цинь Шихуанди (246–209 гг. до н.э.) [6, с. 36–46].

Свое дальнейшее развитие экзаменационная система получила в 630 г. во времена династии Суй, в деятельности министерства по делам чиновников — одному из шести министерств, наряду с пятью другими (финансов, ритуалов, военным, юстиции, общественных работ) [6, с. 91–92].

Император Тай-цзун (627–650 гг.), в эпоху Тан (VII–X вв.) ввел практику сдачи обязательных экзаменов для чиновников, положив в их основу знание классиков конфуцианства, после которого преуспевшие получали звание цзин ши — «продвинутого мужа» [6, с. 108].

Общегосударственный характер система конкурсных экзаменов приобрела во времена династии Сун (X–XII вв.). Высокий конкурс, привел к введению квот для каждой провинции. При этом выходцы с Юга страны получали 60%, а с Севера — 40% мест.

Во времена монгольской династии Юань (1270–1368 гг.) экзаменационная система была сохранена, но распространялась она в основном на монголов [6, с. 143; 8, с. 124–125].

Свое дальнейшее развитие экзаменационная система получила в эпоху династии Мин (XIV–XVII вв.) и окончательный вид приобрела при династии Цин (XVII–XX вв.) [6, с. 143].

Лидер победившей Синьхайской революции (1911–13 гг.) Сунь Ятсен предложил концепцию «пяти властей» [10, с. 118–120]. Сунь Ятсен писал: «Правительство же должно состоять из пяти палат: исполнительной, законодательной, судебной, экзаменационной и контрольной. Когда народ будет контролировать работу пяти правительственных палат, тогда мы имеем действительно совершенный политический аппарат народовластия...

... В Китае же даже при абсолютистском правительстве император не монополизировал контрольную и экзаменационную власть. Таким образом, можно сказать, что в Китае, так же как и в иностранных государствах, существовало тройное разделение правительственной власти, с той лишь разницей, что абсолютизм, экзаменационная и контрольная власти существовали в Китае в течение нескольких тысяч лет, а деление на судебную, исполнительную и законодательную власть за границей произведено всего только сто с лишним лет назад... Если сейчас мы хотим соединить всё, что есть лучшего в Китае и за границей и избежать всякого рода пороков, то мы должны к заимствованному за границей разделению исполнительной, законодательной и судебной власти прибавить китайскую экзаменационную контрольную власть, воздвигнуть совершенный барьер, создать правительство пяти властей» [10, с. 546–548].

«Концепция пяти властей» Сунь Ятсена в 1949 г была законодательно закреплена в государственном устройстве Китайской Республики (Тайвань) [1, с. 385–460].

В соответствии с Конституцией Китайской Республики (Тайвань) 1947 г. созданной на принципах учения доктора Сунь Ятсена, государственная власть состоит из пяти палат: исполнительная палата (правительство), законодательная (парламент), палата юстиции (высший государственный судебный орган), экзаменационная палата и палата контроля (высший контрольный орган).

В соответствии с главой 8 Конституции 1947 г. и Дополнительных статей Конституции Китайской Республики (Тайвань) 1997 г. экзаменационная палата ведает: 1. Проведением экзаменов; 2. Отбором и аттестацией государственных служащих, гарантиями сохранения ими служебного места, оказанием материальной помощи в случае смерти и выхода на пенсию по старости; 3. Правовыми вопросами, относящимися к назначению и смещению государственных служащих, проверками исполнения ими своих служебных обязанностей, определением размеров их вознаграждений, продвижением и перемещением по службе, поощрением и премированием [5, с. 25–26, 66–67].

К конфуцианским традициям управления в современном Китае, следует подходить с учетом специфики ситуации, сложившейся в XX–XXI вв. Официальная позиция КНР известна: Тайвань является провинцией Китая. «Так или иначе, на пороге XXI в. на территории Китая существуют четыре политических субъекта (КНР, Тайвань, Сянган и Аомынь), осуществляющих три различные системы организации власти и управления» [4, с. 15].

В целом характеризуя огромный цивилизационный регион находящегося под влиянием учения Конфуция, стоит отметить особенность государственного управления: «Конфуцианская этика и дух обыкновенного конфуцианского капитализма» (для Тайваня, Южной Кореи, Сингапура и даже, в определенной мере, для Японии) и «конфуцианская этика и дух социализма с китайской спецификой» (для КНР и, в какой-то мере, для Северной Кореи и Вьетнама).

Можно предположить, что понятие «конфуцианства» в сравнительных исследованиях подобного рода должно обрести некие новые смыслы, не может быть сведено ни к этико-политическому учению самого Конфуция, ни к сунскому неоконфуцианству, ни к доктрине Сунь Ятсена, превращается не просто в ключевое слово аналитических процедур, а обретает характер критериальной основы для сравнения политических культур огромного цивилизационного региона, в котором систематической подготовке и воспитанию административно-политической элиты традиционно уделяется значительное внимание [11, с. 65].

В истории нашего государства Манифестом 20 февраля 1906 г. и новой редакцией Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., уже применялась практика формирования Государственного совета — верхней палаты высшего законодательного органа по сословно-представительному принципу, в том числе и посредством 6 представителей от Академии наук, университетов, не говоря уже об остальных представителях, к которым предъявлялся обязательный возраст — лица не моложе 40 лет, и образовательный ценз — наличие курса в средних учебных заведениях.

Не подлежит сомнению тот факт, что влияние доктрины на общественное мнение является одним из самостоятельных видов влияния регулятивного воздействия доктрины.

Возникает потребность говорить о необходимости расширения организационно-правовых форм непосредственного влияния доктрины.

Обладает ли доктрина прямым регулятивным воздействием, не через право, а напрямую? В каких формах должна использоваться доктрина?

Полагаем, следует ответить, что как только субъект правотворчества, правореализации, правоприменения в процессе своей деятельности и — что самое главное — своим решением (правовом акте) начнет ссылаться на доктрину, конкретные доктринальные труды, (цитировать их), то здесь со всей отчетливостью можно говорить о прямом, непосредственном регулятивном воздействии доктрины.

Необходимо предоставить возможность свободного доступа пользователей к доктринальным трудам, объединенным, систематизированным в одном источнике. Возникает потребность в Собрании доктринальных трудов, включающем в себя несколько блоков — например: доктринальные труды России (в том числе и дореволюционные), доктринальные труды периода СССР, доктринальные труды современного периода, а также блок, посвященный зарубежным доктринам различного периода в соответствующей систематизации, с предоставлением возможности прямого доступа и непосредственного участия пользователей через интерфейс создавать и вести «личную версию», пополняя собрание доктринальных трудов своими работами.

Что касается экзаменационной власти Тайваня, то вопрос рецепции тех или иных институтов государственного управления, требует пристального изучения с учетом особенностей национальной специфики.

Хочется надеяться, что внесенные предложения позволят повысить влияние доктрины на общественное мнение. Необходимо всячески пропагандировать роль доктрины в правовой системе, использовать потенциал научной мысли, — на наш взгляд, это один из шансов для страны выбраться из того экономического, политического, социального кризиса, в котором мы сегодня находимся [7, с. 214].

Литература

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2002. 537 с.
2. Гудошников Л. М., Кокарев К. А. Политическая система Тайваня. М.: Патент, 1997. 178 с.
3. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775). М.: Крафт, ИВ РАН, 2000. 256 с.
4. Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX в. М.: ИДВ РАН, 2001. 418 с.
5. Конституция Китайской Республики: разработана и принята Национальным собранием 25 декабря 1946 г.: обнародована Национальным правительством 1 января 1947 г.: вступила в силу с 25 декабря 1947 г. / пер. с кит. В. П. Полякова; ред. Л. М. Гудошников; Правительственное информационное бюро Китайской Республики. М.: МК-Сервис, 1998. 72 с.

6. Ломбар Дени. Императорский Китай [Электронный ресурс] / пер. с фр. Ю. В. Крижевской. М.: Астрель; Изд-во АСТ, 2004. 192 с.
7. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ...канд. юр. наук. Иркутск, 2012. 254 с.
8. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель; Изд-во АСТ; Дизайн. Информация. Картография, 2000. 631 с.
9. Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.
10. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. 784 с.
11. Ушков А. М. Как управлялся и управляется Китай: конфуцианская система подготовки государственных служащих // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2007. № 2. С. 58–65.
12. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии: учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 374 с.

Сравнительно-правовой анализ законодательства о чрезвычайных ситуациях России и Китая

© **Д. Ц. Норбоева**
студент 3-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
dimit.norbueva.tz@mail.ru

В данной статье проведен сравнительно-правовой анализ двух нормативных правовых актов о чрезвычайных ситуациях: Федерального закона от 21 декабря 1994 г., № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и Закона Китайской Народной Республики «О реагировании на чрезвычайные ситуации». Целью статьи является определение и выявление сходств и отличий, особенностей законодательства о чрезвычайных ситуациях в России, и Китая. Последующие из анализа выводы и заключения представлены для дальнейшего, более глубокого и подробного изучения данной темы.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, законодательство, Федеральный закон, Закон, Россия (РФ), Китай (КНР), защита населения, ликвидация.

This article provides a comparative legal analysis of two normative legal acts on emergency situations: Federal law No. 68-FZ of December 21, 1994 «On protection of the population and territories from natural and man-made emergencies» and the Law of the people's Republic of China «On emergency response». The purpose of the article is to identify and identify similarities and differences, features of legislation on emergency situations of Russia and China. The conclusions, that follow from the analysis are presented for further, more in-depth and detailed study of this theme.

Keywords: Emergency situations, legislation, Federal law, Law, Russia (RF), China (PRC), protection of the population, liquidation.

В связи с тяжелой эпидемиологической ситуацией в стране и в мире — пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, представляется необходимым провести сравнительно-правовой анализ законодательства о чрезвычайных ситуациях России и Китая. Власти Китайской Народной Республики 31 декабря 2019 г. сообщили Всемирной организации здравоохранения о вспышке никому неизвестной пневмонии. В свою очередь Всемирная организация здравоохранения 30 января 2020 г. на заседании Комитета по чрезвычайным ситуациям Всемирной организации здравоохранения объявила о появлении нового коронавируса, была признана ЧС в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение.

В качестве двух основных нормативных источников законодательства о ЧС применялись: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г., № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее Федеральный закон или ФЗ) и Закон Китайской Народной Республики «О реагировании на чрезвычайные ситуации», принятый на 29 заседании Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей 10 созыва 30 августа 2007 г., опубликован Указом № 69 Председателя КНР № 69 от 30 августа 2007 г., вступил в законную силу 1 ноября 2007 г. (далее Закон КНР). В Федеральном законе 9 глав, 31 статья; в Законе КНР 7 глав, 70 статей. Различие правовых систем и подходов к разрешению чрезвычайных ситуаций можно опреде-

лить по самой структуре законов, помимо основных и общих положений. Если глава 2 Закона КНР посвящена предупреждению и экстренной подготовке, то в ФЗ — полномочиям органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в области защиты населения и территорий от ЧС; глава 3 Закона КНР — мониторинг и прогнозирование, то в ФЗ — государственное управление в области защиты населения и территорий от ЧС и так далее.

Если говорить о содержании законов, то можно отметить огромное множество как сходств, так и особенностей каждого из законов. Так, если обратиться к основным понятиям, то в Законе КНР в самом определении ЧС поименованы явления медико-санитарного характера. При этом приведена их классификация по степени градации, тогда как в Федеральном законе не перечислены явления медико-санитарного характера. Можно предположить, что они подразумеваются под словосочетанием «иные бедствия». Вместе с тем в ФЗ более детально расписана вся терминология, присутствующая в данном нормативном акте, что позволяет разграничить явления и процессы по объектам и зонам.

Направления и содержание правового регулирования законодательств обоих государств выражены как в прямой формулировке, так и могут быть выведены из общего смысла законов. Одним из основополагающих принципов любого закона и двух вышеперечисленных является принцип гласности. Статьи 6 Федерального закона, где принцип гласности прямо сформулирован, и Закона КНР, где он выводится из общего смысла, содержат нормы об информированности граждан в сфере защиты населения и территорий. Статья 6 ФЗ предусматривает ответственность за сокрытие, ложное и несвоевременное представление информации должностными лицами. Среди особенностей содержания принципа гласности в Законе КНР, помимо структуры социальной мобилизации, выделяется повышение навыков населения по оказанию помощи и спасению жизни. Еще одним не менее важным является принцип разумности — меры должны соответствовать степени и размеру общественного ущерба. В нормативном правовом акте РФ выделяется специальный, особый принцип — необходимостью достаточности и максимально возможного использования имеющихся сил и средств. Особенностью правовой системы Китая является обязанность граждан, юридических лиц, организаций участвовать в работе по реагированию на чрезвычайные ситуации. В России обязанность по ликвидации ЧС возложена на органы местного самоуправления, органы исполнительной власти субъектов РФ, при их недостаточности на федеральные органы исполнительной власти и силы гражданской обороны.

Закон КНР предусматривает реквизицию коллективной и личной (частной) собственности. Реквизицию имеют право осуществлять народные представительства и другие подразделения в целях проведения работ по реагированию на ЧС. По окончании всех работ реквизируемая собственность должна быть возвращена ее владельцам, в случае ее утраты или повреждения собственность подлежит компенсации (статья 12). В ФЗ реквизиция собственности не предусмотрена.

В целях ликвидации ЧС, к участию в работе по реагированию на явления и процессы природного и техногенного характера, помимо органов исполнительной власти и гражданской обороны могут быть привлечены Вооруженные Силы и воинские формирования. В России возможно привлечение специально подготовленных сил и средств ВС РФ, других войск и воинских формирований. В КНР подразделения Народно-освободительной армии Китая, Войска вооруженной народной полиции и организации народного ополчения принимают участие в работе по реагированию на чрезвычайные ситуации, неотложные и аварийно-спасательные работы.

Одним из наиболее важных вопросов при чрезвычайных ситуациях является финансовое обеспечение. Если в КНР для обеспечения работ по реагированию на ЧС всеми необходимыми средствами обязанности по осуществлению финансирования возложены на Государственный совет и местные народные правительства всех уровней: от уездного и выше, то в РФ расходное обязательство зависит от характера явлений. Финансовое обеспечение может осуществляться РФ, субъектами РФ и муниципальными образованиями. Финансовые резервы на случай ЧС в обеих странах создаются заблаговременно.

Юридическая ответственность за неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством, нарушение законодательства в области защиты населения от ЧС в обеих странах наказываются вплоть до уголовной ответственности. В России должностные лица и граждане могут нести дисциплинарную, административную, гражданско-правовую и уголовную ответственность. Те же самые виды юридической ответственности, за исключением дисциплинарной и уголовной несут организации. Законодательство КНР в отношении компетентных лиц использует выражение «подвергаются коррективам». Какой именно вид юридической ответственности понимается под данным словосочетанием не указано. Организации несут дисциплинарную ответственность, а вместе с ней временно закрываются и приостанавливают производство или лишаются лицензии, или свидетельства о праве

хозяйственного ведения. Также ответственность организаций и частных лиц может быть гражданской или нарушение подлежит наказанию со стороны органов общественной безопасности.

Неотъемлемой частью каждого из законов являются международные договоры, а в КНР — международное сотрудничество и обмен. Федеральный закон предусматривает применение правил международных договоров РФ, в случае противоречия им норм национального законодательства. Правительство Китая в деятельности, связанной с чрезвычайными ситуациями, взаимодействует и поддерживает контакт с международными организациями и правительствами иностранных государств.

В заключение всего вышесказанного, следует сделать вывод о том, что законодательства о чрезвычайных ситуациях России и Китая имеют, как и любых других странах и сферах регулирования, сходства и различия. Удивительные особенности каждой из правовых систем сложились благодаря тысячелетней истории и развитию, самобытность обоих государств определяет отличия в правовом регулировании. В ходе сравнительно-правового анализа, выявились и множества поразительных сходств в регулировании чрезвычайных ситуаций. Схожа и сама структура законов, в содержании некоторых статей совпадает не только их смысл, но и порядковый номер. Необходимо отметить: данная тема еще недостаточно раскрыта и освещена, существует потребность в ее более точном и глубоком изучении. Эти условия и ситуации, происходящие в стране и в мире, предоставляют возможность последующего исследования данной тематики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г., № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г., № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г., № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г., № 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21.12.1994 г., № 68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295
3. Алексеев С. П. Безопасность жизнедеятельности в чрезвычайных ситуациях: учеб. пособие. М.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. 482 с.
4. Сергеев В. С. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях. М.: Академический проект, 2016. 464 с.
5. Юсупова Н. И., Еникеева К. Р. Интеллектуальная информационная поддержка принятия решений при анализе рисков чрезвычайных ситуаций и управлении ими. М.: Машиностроение, 2017. 208 с.
6. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/
7. URL: <https://chinahelp.me/information/zakon-knr-o-reagirovanii-na-chrezvyichaynyie-situatsii>
8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-chrezvyichaynyh-situatsiy>
9. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пандемия_COVID-19

Международная налоговая система и налоговое законодательство Ирана

© Хосрави Шозаб

аспирант кафедры международного права
юридический факультет,

Бакинский государственный университет
Факультет управления бизнесом,

Занджанский филиал, Исламский университет Азад,
Занджан, Иран
sh.xosravi@gmail.com

Согласно определению Международного валютного фонда (МВФ), налоги являются обязательными, неоплачиваемыми и не подлежащими погашению, что требует от правительства выполнения общих целей. Налоговые реформы в основном основаны на процентных ставках, налоговой базе и налоговых льготах и налоговых льготах. Реформа налоговой системы прогрессивных стран является необходимостью в налоговом законодательстве Ирана с введением первого налогового законодательства Исламской Республики Иран с 1967 г. и четыре раза за последние 50 лет с принятием закона об НДС в 2008 г. Мы знаем о международном опыте, то есть о корректировке в других странах, сравнительном анализе текущего состояния налоговой системы страны, а также о том, как использовать опыт других.

Ключевые слова: международный валютный фонд, международная практика, налоговые льготы, налоговые системы, прямое налоговое право, налог на добавленную стоимость, закон.

According to the definition of the International Monetary Fund (IMF), taxes are mandatory, unpaid and non-repayable, which requires the government to fulfill common goals. Tax reforms are mainly based on interest rates, the tax base and tax breaks and tax breaks. Reforming the tax system of progressive countries is a necessity in Iran's tax legislation with the introduction of the first tax legislation of the Islamic Republic of Iran since 1967 and four times in the last 50 years with the adoption of the VAT law in 2008. We know about international experience, that is, about adjustment in other countries, a comparative analysis of the current state of the country's tax system, and how to use the experience of others.

Keywords: International Monetary Fund, International Experience, Tax Exemption, Tax Systems, Direct Tax Law, Value Added Tax Law.

According to the International Monetary Fund (IMF), taxes impose compulsory funds, non-compensation and irrevocable state requirements [2]. In tax reform, interest rates, tax bases and tax exemptions and tax benefits are also taken into account. After the first tax law of the Islamic Republic of Iran was approved in 1967, it has been reformed four times over 50 years and with the introduction of a value-added tax law in 2008, reforming the tax system of progressive countries is essential in Iran's taxation.

We are aware of the results of international practice, that is, corrective measures in other countries, provide a comparative analysis of the current state of the tax system of the country, as well as instructions on using the experience of others. Therefore, it is necessary to compare the main problems of tax systems of different countries. From the point of view of taxation, countries can be divided into two groups: developed and developing. Most countries have tax resources: income, corporate, sales, export, import, property, inheritance, gifts, social security and tariffs. Of course, the rates of dependence on each source in the countries are different: developed and developing countries are equally dependent on consumption tax; In both developed and developing countries, 30% of government revenue is provided by monopoly and sales tax; developed countries rely heavily on value added tax, but developing countries rely more on monopoly taxes (oil products, alcohol and cigarette taxes); In developed and developing countries, inheritance tax revenues are very low; about 2 percent; the ratio of tax revenues to GDP is higher than in other developed countries, ie, about 35 percent in OECD countries, but only 18 percent in developing countries; developing countries have a high degree of dependence on foreign trade income tax; but in developed countries this dependence is on personal income and payroll taxes, and advanced management capability enables developed countries ease of implementation of tax system and tax policy. According to the law, developing countries, including the state of Iran, need to clarify in the tax laws the high-level and effective management of the tax organization; There is a general and political understanding in developed countries, effective, impartial and new tax systems and organizations; In order to achieve this, it is necessary to take the necessary measures in the tax laws of developing countries, including Iran.

The main problems of the tax system in developing countries [7]:

A) In most developing countries, tax revenues are lower than domestic production. In principle, the reasons for the low tax burden of these countries are: agriculture is an important part of the economy of any

country, but generally not taxed in these countries; economic units are small and difficult to tax from; many of these countries are afraid of taxation on imports; wealthy people don't have a big desire to tax.

B) The tax systems of the developing countries do not automatically have the flexibility to increase the domestic production of the economy. The main reason for this is that developing countries are heavily dependent on taxation on foreign trade and monopoly goods. There are three types of monopoly tax: petroleum products, alcohol and cigarette taxes. If the country is developing, there is no reason why it could lead to excessive alcohol or cigarette consumption and high tax rates. This indicates the weakness of the tax system of developing countries; In addition, the sale of alcohol is prohibited in the Islamic Republic of Iran, and taxation cannot be imposed.

C) Excessive use of tax exemption. In most of these countries, dividends and income from banks are tax-exempt. There are tax breaks and tax exemptions for newly created companies. Most state and foreign companies have religious and non-profit organizations, as well as tax exemptions and tax exemptions for imports. The main reason is the small tax base. For this reason, developing countries and Iran need to expand their tax base to ensure the development of tax law by reforming tax laws.

Ç) Taxation as a means of regulating excessive wealth. If one tax system has the following conditions, it is necessary to reform the tax laws of that country: if the tax system works to achieve some of its goals. Can not achieve them in practice and effectively; It is assumed that the tax system covers all important taxes; however, most tax bases are overlooked and tax gaps are created due to the fact that tax bases are not conducive to different classes; if the tax system has different taxes and different interest rates, this will increase tax pressure; if the tax system has undesirable effects on various factors of production or different sectors of the economy; if the signs of the tax system are different or at odds with the country's economic policies; if the tax system is not in compliance with the tax systems of other trading partners, it will have a clear impact on exports and result in capital outflows or capital imports from the country [6]; if the tax system does not take into account changes in the structure of the economy [9,151] or the characteristics of the payers and is not monitored; if the tax system is faced with a much smaller tax rate; if the tax laws are unclear or complex and incomprehensible, if the taxpayers are not able to comply with the full law. if the tax administration is not optimal. The effectiveness of tax administration means the distance between the «Real» tax system and the «legal system».

Experiments and research in this area [1] show that the most important features of the tax system are: profitability in the tax system, which means that it is possible to generate the maximum income with the least resources; there is not necessarily a favorable tax, perhaps so favorable as to cover public expenditure, provided that these costs are reasonable; tax reform means a clear statement of taxes and costs; you should always think that tax policy is the same tax administration; The tax system should not be heavily dependent on a single tax source. Because it cannot be changed in a short time; Basically, the tax system needs to be simple and everyone can understand it.

Lessons that developing countries can learn from successful tax systems: «OECD» has been successful in implementing tax policies in recent years and can be summarized as follows: reducing personal income and corporate income tax rates, replacing tax bases; simplification of tax rates structure; transfer of traditional sales taxes and indirect taxes to value-added tax (VAT); with increasing the value-added tax rate. These have had the following impact on the OECD countries: the share of personal income tax has slowly declined, and the company's income tax has gradually increased; increased social security benefits; VAT revenues increased; Revenue from indirect taxes (cigarettes, alcohol and the like) has been reduced.

Developing countries should learn from the experience of developed countries, especially in the taxation of OECD countries, that the situation is very different from that in developing countries. However, some logical general recommendations can be stated as valid. First, some trends seem to be applicable to most OECD countries, including: simplifying the tax system for personal and company income, such as lowering tax rates and lowering tax rates. and create a comprehensive tax system [10]; reducing taxes on international trade [5]. increase in the application of land tax (as a form of property tax). access to tax treaties. Second, there are some trends in OECD countries that may be appropriate for some developing countries: greater use of VAT; more personal income tax and more environmental taxes. The main factors that serve as a barrier to the objectives of the tax system (or more specifically the tax laws) are: the complexity of tax legislation and regulations; poor implementation of tax legislation; limited tax bases; high tax exemptions; inadequate tax structure of interest rates.

An important issue in the international arena is that many countries, such as England, America, Ireland, Spain, Germany and South Korea, have successful practice of taxation, often for the purchase and sale of land and apartments [8]. The main feature of this approach is that for the first time, land or housing is exempt from tax on families, but the second and more land or housing is taxed on up to 60% of property value.

Proposals submitted by the International Monetary Fund (IMF) for reforming Iran's tax system in 2010 [3]: a move towards a comprehensive income tax system that is administered for the purposes of efficiency and fairness; not to increase tax freedoms now and to review the structure of tax freedoms; give priority to ensuring fair value of all benefits and concessions on the market; revision of tax structure; abolition of tax exemption of non-cash income; all employees should be subject to the same tax rate; to use only one or two categories of middle and low income taxpayers; lower income tax rates, as well as by expanding the tax base; pensions of private companies (retirees) should be taxed; State (retirees) must be taxed on pensions; agricultural and building and special tax rates, including export rates, will be abolished; tax delays and deferrals, changes to the general tax exemption system, low and fixed tax rates for companies; tax privileges should not be used to compensate for the poor investment climate.

«Income tax and trade in the Islamic Republic of Iran» Russell Krlav and Ricardo Finno Chito [4], a delegation of advisers from the International Monetary Fund, said in 2009 that direct tax revenues in Iran were lower than in neighboring countries. At the same time, consistent tax rates can be achieved with regional and global progress. If the income tax is more equitable, the most efficient way to increase income is simply not to expand the tax base that is required. The current income tax law contains a number of separate annual taxes. This is basically an incomplete and complicated income tax and tax system that does not reflect new concepts and principles, as well as the difficult implementation will help the taxpayer to avoid tax obligations. it can create injustice. Modeling Tax Reform Strategy, The International Monetary Fund issued 10 guidelines for tax reform in 2005: political and voluntary commitment to reform; encouraging voluntary compliance (tax law); tax system simplification; codify a transparent strategy; recognition of amended tax laws; ensuring efficient management process; different behavior with large and small taxpayers; integrated approach to tax collection; setting priorities and adjusting the timeline; and start major reforms. The importance of these principles depends on the specific circumstances of each country. Here it is necessary to analyze the taxation of Iran. Direct Tax Law (IMF) was approved by the parliament of the Islamic Republic of Iran on April 22, 2015, which states that the following persons are not included in the tax payment of this Act: Ministries and State Bodies; organizations whose budgets are provided by the state; municipalities; Funds and institutions of the Islamic Revolution if they are allowed to be released by Imam Khomeini and Supreme Leader.

Literature

1. Country Tax Organization, Estimated Effective Tax Rate in the Country. 2017.
2. Country Tax Organization, Composition of Tax Resources. 2016.
3. Gharehbaghian, Murtaza. Economy and trade. cultural and cheeky publishing house, Iran, Tehran, 2013.
4. International Monetary Fund Strategy for Tax Organization Reforms, 2015.
5. Income Tax and Trade Overview in the Islamic Republic of Iran, «Staff of Russell Krlav and Ricardo Finno Chito International Monetary Fund», 2009.
6. Proposals of the International Monetary Fund Delegation to Reform Iran's Tax System, 2010.
7. Schneider, Friedrich, Andreas Buehn, Claudio E. Montenegro (2010), «Shadow Economies All Over the World; New Estimate for 162 Countries from 1999 to 2007», The World Bank
8. Shabani, Qasim. The main law and the structure of the IR government. ittilaat publishing house, Iran, Tehran, 2007.268p.
9. Tax Season Code (No-54), Tax Simplification. 2009.
10. Tax Organization of the Country, 2018, Tax Support of the Country.

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Права на землю в Российской Федерации и Индонезии

© А. О. Гармаев

магистрант 2-го курса очного отделения
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
aleksandr.garmaev@mail.ru

В статье рассмотрены основные права на землю в России и Индонезии. Собственникам земельных участков принадлежат права владения пользования и распоряжения своим имуществом, совокупность которых составляет содержание права собственности. Также рассмотрены права собственности на землю для иностранных лиц.

Ключевые слова: право собственности, земельный участок, иностранные граждане, социальная функция, целевое назначение.

The article deals with the basic rights to land in Russia and Indonesia. The owners of land plots have the right to own use and dispose of their property, the totality of which constitutes the content of the property right. Land ownership rights for foreign persons are also considered.

Keywords: property right, land plot, foreign citizens, social function, purpose.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее — Конституция РФ) земля может находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ч.2 ст. 9). Граждане и юридические лица имеют право на равный доступ к приобретению земельных участков в собственность на основании ч.1 ст. 36 Конституции РФ. Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены в собственность граждан и юридическим лицам, за исключением земельных участков, которые в соответствии с федеральными законами не могут находиться в частной собственности.

Собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Указанные правомочия применяются собственником с некоторыми ограничениями.

Владение земельным участком означает обладание им как своим.

Пользование земельным участком представляет собой возможность извлекать ее полезные свойства: размещать на ней постройки и сооружения, выращивать сельскохозяйственную продукцию и т. п. При этом участок должен использоваться в соответствии с целевым назначением, в зависимости от категории земель и разрешенного использования.

Распоряжение участком представляет собой возможность для собственника определять его юридическую судьбу. Собственник вправе отчуждать земельный участок в собственность иным лицам, а также передавать права владения, пользования и распоряжения участком, отдавать его в залог и т. д.

Законом также предусмотрено ограничение в отдельных случаях правомочий собственника по распоряжению земельным участком. Так, установлен перечень изъятых из оборота земельных участков, а также предусматриваются особые требования к процедуре заключения договоров купли-продажи земельных участков.

Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, и приобретать участки из земель сельскохозяйственного назначения. (ч.3 ст. 15 Земельного Кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ)).

Право собственности прекращается при отчуждении собственником своего участка другим лицам, отказе собственника от права собственности, в силу принудительного изъятия.

Кроме права собственности в Российской Федерации предусмотрены следующие виды прав на землю: право аренды, право постоянного бессрочного пользования, право пожизненного наследуемого владения, право безвозмездного пользования и сервитут.

В соответствии с земельным законодательством земельные участки на праве постоянного бессрочного пользования и пожизненного наследуемого владения в настоящее время гражданам не

предоставляются, эти виды прав сохраняются лишь у тех граждан, у кого они возникли до вступления в силу ЗК РФ. На праве безвозмездного пользования предоставляются гражданам лишь по основаниям и на сроки, предусмотренные ст.39.10. ЗК РФ.

В отличие от Российской Федерации в Индонезии правом собственности на землю могут обладать только ее граждане или же само государство.

Граждане могут иметь землю на праве частной собственности; при этом оно ограничено социальной функцией земли. По общему правилу, собственник сельскохозяйственной земли должен обрабатывать ее лично.

Зафиксирован максимум и минимум земельных наделов — это 20 и 2 гектара, которые могут находиться в собственности одного лица (ст. 17 Аграрного закона). К сельской общине автоматически переходят права на необрабатываемые земли. Лица, не являющиеся членами общины, могут арендовать общинную землю без права выкупа или наследования [2].

В соответствии с основным индонезийским аграрным законом, права на землю можно разделить на две категории: Первичное и Вторичное.

Все первичные права на землю сертифицированы и зарегистрированы в Национальном земельном агентстве (BPN Office).

НАК MILIK «Безусловное право» собственности в Индонезии является эквивалентом Свободного владения правом собственности в Западных правовых системах. Правом собственности может обладать только индонезийский гражданин. Ни общество с ограниченной ответственностью, ни иностранные граждане, не могут иметь безусловное право собственности. Такое право не имеет срока действия, может быть продано, отдано в дар, обменено и завещано только гражданам Индонезии. Если собственник, помимо индонезийского гражданства, имеющий иностранное гражданство, или же утративший гражданство, обязан в течение года после приобретения или утраты гражданства, отказаться от права собственности на землю. По истечении срока такое право признается недействительным, а земля переходит к государству, при этом, права третьих лиц, обременяющих его, сохраняются.

НАК GUNA BANGUNAN (HGB) Владелец имеет «Право на строительство» собственных зданий или других сооружений на земельном участке, не принадлежащем ему, в течение определенного периода времени. Строительство можно осуществлять на земле принадлежащей государству по разрешению правительства, или путем соглашения с собственником земельного участка. Право на строительство подлежит государственной регистрации.

Данное право собственности является наиболее распространенным для жилых и коммерческих проектов. Таким правом могут обладать граждане Индонезии, юридические лица, созданные в соответствии с индонезийским законодательством и проживающее в Индонезии.

В случае использования земли не по назначению, физическое или юридическое лицо, которое имеет право на строительство, в течение 1 года, должно освободить или передать право другой стороне, которая отвечает требованиям. Это положение также распространяется на сторону, получившую право на строительство, если он не соответствует этим условиям. Если соответствующие права на строительство не будут переданы в течение этого периода времени, то такое право будет признано ничтожным.

НАК GUNA USAHA (HGU) «Право на земледелие» дает обладателю право на использование государственной земли в сельском хозяйстве, в частности, для насаждений, рыбалки или скотоводства. Может быть выдано индонезийским гражданам или юридическим лицам, созданным в соответствии с индонезийским законодательством и зарегистрированных в Индонезии. Предоставляется на срок 25 или 35 лет (при соблюдении определенных условий) может быть продлено еще на 25 лет, если землей управляют и пользуются надлежащим образом.

Физические или юридические лица, которые имеют право на земледелие и использующие землю не по назначению, в течение одного года, должны освободить или передать право другой стороне, которая выполняет требования. Это положение также распространяется на сторону, которая получила право на земледелие, если она не соответствует этим требованиям. Если концессионные права не будут переданы в течение этого периода времени, такое право будет признано ничтожным. Право подлежит государственной регистрации.

НАК RAKAI «Право пользования», обладатель которого, имеет право использовать или собирать урожай с земли, находящейся непосредственно в собственности государства или частного лица на основе соглашения с землевладельцем. Обладателями права собственности могут быть и иностранные физические и иностранные юридические лица, индонезийские граждане, а также индонезийские юридические лица.

Вторичные права собственности на землю по контракту предоставляется держателем основного права собственности.

НАК SEWA или LEASEHOLD «Право аренды» предоставляет владельцу право строить или использовать здания на земле, принадлежащей основным держателям права собственности в течение определенного периода времени. Обладателями права аренды могут быть иностранные физические и иностранные юридические лица, индонезийские граждане, а также индонезийские юридические лица, для иностранцев, проживающих в Индонезии, период права аренды на 25 лет с максимальным сроком продления 25 лет.

Несмотря на то, что правом собственности на землю могут обладать только граждане Индонезии, большая часть земельных ресурсов находятся под контролем частных компаний (иностраннх или национальных), что в свою очередь порождает неравенство [1].

Таким образом, иностранцы в Индонезии не имеют права владеть недвижимостью на правах полной собственности. Доступными формами владения землей для иностранца являются:

1. НАКGUNABANGUNAN (HGB) Владелец имеет «Право на строительство»;
2. НАКGUNAUSAHA (HGU) «Право на земледелие»;
3. НАК PAKAI «Право пользования»;
4. НАК SEWA «Право аренды».

В Российской Федерации на праве частной собственности и иных правах владеть земельными участками могут граждане РФ. Иностранцы граждане могут приобрести земельные участки на праве собственности и на праве аренды, однако существует ряд ограничений. Так, на праве собственности не предоставляются земли сельскохозяйственного назначения и других категорий, которые находятся исключительно в государственной собственности. Земли сельскохозяйственного назначения могут предоставляться только в аренду.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г., № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Бахаджо Судженг. Индонезия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indoneziya> (дата обращения: 02.04.2020).
4. Основной аграрный закон Республики Индонезия. 1960. № 5. «UNDANG-UNDANG REPUBLIK INDONESIA NOMOR 5 TAHUN 1960 TENTANG PERATURAN DASAR POKOK-POKOK AGRARIA» [Электронный ресурс]. URL: http://hukum.unsrat.ac.id/uu/uu_5_60.htm.

Применение договора эскроу в России и в США

© Ц. Б. Гармаева
магистрант 1-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет им. Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
ya.tsirma-98@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию договора условного депонирования (эскроу). В статье рассмотрено использование договора эскроу в гражданско-правовом обороте США и России, показаны нормативное закрепление в обеих странах, а также приведены примеры его применения.

Ключевые слова: эскроу, договор условного депонирования, договор счета эскроу, Россия, США.

This article is devoted to the study of the escrow agreement. The article discusses the use of escrow agreements in civil law in the United States of America and Russia, shows the regulatory framework in both countries, and provides examples of its application.

Keywords: escrow, escrow agreement, escrow account agreement, Russia, USA.

Договор эскроу является одним из наиболее используемых институтов в мире, который предоставляет защиту участникам данного договора от неисполнения обязательств. Наиболее широкое

применение оно получило в Соединенных Штатах Америки. Под традиционным понятием эскроу в США понимается «депонирование одним лицом денежных средств или иных активов у эскроу-агента для выплаты или передачи определенному лицу при выполнении определенных условий» [4, с. 132].

В Соединённых Штатах регулирование эскроу-отношений, возникающих в сфере недвижимости, закреплено на федеральном уровне, а также на уровне штатов. Так, в США действует Real Estate Settlement Procedures Act (Закон о разрешении споров по делам о недвижимости) [10]. В рамках данного закона имеется глава, которая регулирует возникающие отношения относительно эскроу-счетов между тремя сторонами. Тем не менее положения имущественного права, а также вопросы, затрагивающие эскроу-агентов регулируются на уровне штатов. Так, например, в штате Калифорния институт эскроу является поименованным и детально регламентирован в Гражданском Кодексе Калифорнии [6] и в Финансовом Кодексе Калифорнии [7]. Необходимо обратить внимание, что в ГК Калифорнии эскроу является средством совершения сделок с недвижимостью. В ст. 1057 ГК Калифорнии указано: «Имущество, которое подлежит предоставлению по договору может быть передано третьему лицу, которое при наступлении всех условий должно будет его передать во исполнение договора. Владение третьим лицом под условием называется эскроу».

В США договор условного депонирования применяется при реорганизации, слиянии предприятий; заключении, хранении и выдаче денежных средств для финансирования сложных проектов; осуществлении различных торговых операций и хозяйственных сделок; защите интеллектуальной собственности и инвестиций; хранении задатка и депозитов, урегулировании претензий и т.д. [8, с. 146].

Как мы видим, в США эскроу применяется в различных сферах жизни, но наибольшее применение оно получило в ипотечном кредитовании. Эскроу и ипотека являются тесно связанными между собой институтами, так как эскроу счета используются для расчетов по ипотечным кредитам. В большинстве случаев они применяются для оплаты взносов по ипотеке, кроме этого для оплаты страховых налоговых сборов [9]. Помимо этого, через счета эскроу оформляются почти все сделки с недвижимостью в США. Стороны подписывают контракт, в котором предусмотрены условия, когда эскроу-агент осуществляет перевод денег продавцу. После этого, через определенное время деньги переходят от покупателя на счет эскроу. Далее деньги переводятся продавцу в момент передачи документов на недвижимость [8]. Для этой же цели эскроу используется во многих других странах — в Швейцарии, Германии, ОАЭ, Чехии и других.

В связи с такой популярностью в мире, российские законодатели позаимствовали данный институт. Он включает в себя два этапа возникновения. На первом этапе, согласно федеральному закону от 21 декабря 2013 г., № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена новая договорная конструкция — договор счета эскроу (ст. 860.7-860.10) в главу 45 «Банковский счет» Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Во втором этапе в 2018 г. была добавлена в Гражданский Кодекс РФ глава 47.1 «Условное депонирование (эскроу)» (ст.926.1-926.8). Согласно п.1 ст. 926.1 ГК РФ «по договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований».

В России с 1 июля 2019 г. эскроу счета должны применяться в долевом строительстве[5]. Дольщики теперь перечисляют деньги не на счет строительных организаций, а на счета эскроу банка. В течение строительства застройщик не сможет воспользоваться деньгами со счета эскроу, но может получить кредит под строительство в том же банке, в котором будут открыты счета эскроу. Деньги дольщиков со счетов эскроу застройщик получит после представления банку разрешения на ввод дома в эксплуатацию и регистрации права собственности в отношении одного объекта долевого строительства [2, с. 406]. Данная принятая мера призвана обеспечить защиту дольщиков от деятельности недобросовестных застройщиков или банкротства предприятий.

Таким образом, мы видим, на примере США широкое применение договора эскроу, но в России данный договор в настоящее время не имеет такого большого распространения в виду новизны, а также отсутствия легального толкования. Поэтому считаем, что эскроу являются неоцененным договором и в дальнейшем станет перспективной конструкцией.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г., № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Захарова Д. А. Использование счетов эскроу в качестве способа обеспечения исполнения обязательств // Аллея науки. 2019. № 8. С. 404–408.
3. Коневина Ю. Л. Применение договора эскроу // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 5. С. 145–149.
4. Маляревская Ю. Н. Банковское дело. Англо-русский толковый словарь. М.: Олма-пресс, 2005. 732 с.
5. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2004 г., № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) // Российская газета. 2004. № 292. 31 дек.
6. California Civil Code. Section 1057.3. URL: <https://codes.findlaw.com/ca/civil-code>
7. California Financial Code. Division 6. URL: <https://codes.findlaw.com/ca/financial-code>
8. Grogan D. L. California real estate escrow. Dearborn TM Real Estate Education, a division of Dearborn Financial Publishing, Inc., 2005.
9. Sh. Shindler Price. Escrow Principles and Practices. Paperback, 2005. P. 10.
10. The Real Estate Settlement Procedures Act of 1974 (RESPA), 12 U.S.C. 2601.

Сравнительно-правовой анализ использования результатов судебных экспертиз в цивилистическом процессе России и Китая

© Б. А. Дабаев

аспирант 3-го года обучения
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет им. Д. Банзарова»
main.bpcenter@gmail.com

В статье обращается внимание на необходимость использования специфического подхода к оценке результатов судебной экспертизы наряду с другими доказательствами для всестороннего и полного разрешения дела судом. Проанализированы особенности использования результатов заключений эксперта в цивилистическом процессе России и Китая и предложены практико-ориентированные критерии для их оценки, призванные снизить количество экспертных ошибок для эффективного взаимодействия суда и участников процесса.

Ключевые слова: эксперт, судебная экспертиза, суд, сравнительный анализ.

The article draws attention to the need to use a specific approach to assessing the results of a forensic examination along with other evidence for a comprehensive and complete resolution of the case by the court. The features of using the results of expert opinions in the civil process of Russia and China are analyzed and practice-oriented criteria for their evaluation are proposed, designed to reduce the number of expert errors for effective interaction between the court and the participants in the process.

Keywords: expert, forensic examination, court, comparative analysis

С активным развитием рыночных отношений между субъектами хозяйственной деятельности часто возникают споры, для разрешения которых необходимо привлечение специалистов, обладающих узкими, профильными познаниями в той или иной области.

Для этих целей используется экспертиза, от латинского «*expertus*», опытный, сведущий. В российском законодательстве этот термин закрепили только уголовно-процессуальные кодексы 1922 г. и 1923 г., отказавшись от термина «сведущие лица», принятого судебными уставами Российской империи и ввели термин «эксперт» [6, с.4]. Судебная экспертиза сейчас — это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом органом или лицом, имеющим право назначать судебную экспертизу, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении.

Актуальность выбранной темы связана с некоторыми проблемами использования экспертных заключений на практике. Наличие судебных экспертиз низкого качества приводят к искажению ее результатов, введению в заблуждение участников процесса и вынесению неправоудного решения. В рамках данной статьи мы не претендуем на рассмотрение всех вопросов связанных с анализом результатов экспертиз в силу объемности материала, ограниченности переведенного на русский язык законодательства КНР, судебной практики и научной литературы китайских ученых. При этом мы

затронем отдельные вопросы использования результатов экспертиз в гражданском процессе России и Китая и постараемся в краткой форме сформулировать критерии для оценки результатов экспертизы, используя в том числе частную практику автора в данной сфере.

В России действует федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г., № 73-ФЗ, который определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве [4]. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством.

В гражданском судопроизводстве при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний суд назначает экспертизу. Под ними понимаются совокупность знаний, умений, опыт, приобретаемые специалистом в ходе специальной подготовки и профильного многолетнего опыта. Объектом экспертизы могут выступать вещественные доказательства, документы, предметы, образцы для сравнительного исследования. В случае предоставления для изучения копий, они могут быть приняты судом после заверения надлежащим образом. При необходимости дополнительных материалов и сведений эксперт запрашивает их через суд.

Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению или конкретному эксперту. Каждая из сторон в деле вправе представить суду вопросы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены: время и место проведения; основание для проведения судебной экспертизы; сведения об экспертном учреждении; эксперте; записи о предупреждении эксперта об уголовной ответственности; вопросы, поставленные на разрешение; оценка результатов исследований; выводы по поставленным вопросам и их обоснование [2]. Материалы и документы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Если эксперт при проведении экспертизы установит обстоятельства, которые имеют значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение.

В научной литературе российские ученые-криминалисты под оценкой заключения судебного эксперта понимают процесс установления достоверности, относимости и допустимости заключения, определения форм и путей его использования в доказывании. Суд оценивает заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности [7, с.73]. К анализу результатов экспертизы требуется индивидуальный подход, так как судья или лица участвующие в деле не располагают специальными познаниями.

В Китайской Народной Республике регламентация назначения и производства судебных экспертиз содержится в действующем Гражданско-процессуальном кодексе КНР. По утверждению иностранных ученых, в историческом прошлом на правовую систему Китая огромный отпечаток наложило советское законодательство. Исходя из этого, неудивительно, что во многом схожих социально-экономических условиях законодательство почти синхронно (по историческим меркам) меняется, причём меняется в одном направлении — сторону всё более активной защиты прав и законных интересов участников процесса [5, с. 110].

Согласно ст. 63 ГПК КНР заключение эксперта является одним из видов доказательств по делу, когда необходимо получение специальных познаний [3]. Имеется схожесть в определении специалистов и экспертов в Китае и России как сведущих лиц, обладающими узкими познаниями в какой-то конкретной области.

Заключение эксперта относится к числу научных доказательств, поэтому в Китае у судьи практически отсутствует возможность оценки доказательств по внутреннему убеждению, в силу того, что судья при ознакомлении с научными доказательствами сталкивается с серьезными препятствиями в познании и понимании [8, с. 89]. Вследствие этого судья не способен проводить эффективное прямое разбирательство процесса посредством анализа, дифференцирования, умозаключения и определения таким образом, он «совсем лишается» рассудительности в отношении неопределенных научных доказательств именно в результате их «научности» [9, с. 222].

В случае, если суд сочтет, что для решения вопросов специального характера необходимо провести экспертизу, он передает их на экспертизу в законные органы экспертизы. Если они отсутствуют, то суд сам назначает орган экспертизы для проведения исследования.

Орган экспертизы и назначенный им эксперт имеют право знакомиться с материалами дела, необходимыми для проведения экспертизы, а в случае необходимости расспрашивать стороны и свидетелей. Согласно ст.72 ГПК КНР органы экспертизы и эксперты представляют свое заключение в пись-

менном виде, подписывают экспертное заключение или заверяют его печатью. При проведении экспертизы экспертом акт заверяется печатью организации по месту нахождения эксперта, удостоверяющей его личность [3].

В китайском законодательстве с разрешения суда стороны могут задавать вопросы свидетелям, экспертам, лицам, производившим осмотр на месте. В случае, когда стороны требуют проведения повторной проверки, экспертизы, осмотра на месте, решение об этом принимается судом.

Среди оснований отложения судебного разбирательства, как и в российском праве указана необходимость получения новых доказательств, проведения повторной экспертизы.

Ниже мы подготовили сравнительно-правовую таблицу анализа использования результатов экспертиз в гражданском процессе России и Китая (под ответом «да» или «нет» подразумевается наличие или отсутствие фактической возможности оценки судом заключения эксперта по указанным критериям).

№	Критерии оценки результатов экспертизы	Россия	Китай
1	Профильное образование эксперта с документальным подтверждением	Да	Да
2	Релевантный опыт работы по специальности	Да	Да
3	Опыт аналогичных исследований экспертом или учреждением	Да	Нет
4	Опыт проведения экспертом или учреждением судебной экспертизы по конкретной категории дел	Да	Да
5	Наличие публикаций экспертом в научных изданиях, средствах массовой информации по теме исследования	Нет	Да
6	Наличие отрицательных отчетов на предыдущие заключения эксперта	Нет	Нет
7	Стоимость и сроки проведения относительно аналогичных предложений на рынке	Да	Необходимо дополнительное исследование
8	Соблюдение процессуальных правил при проведении исследования, соответствие процессуальной формы заключения	Да	Да
9	Проверка подлинности и достаточности вещественных доказательств, образцов, документов, переданных для исследования эксперту	Да	Да
10	Возможность оценки научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения	Нет	Нет
11	Возможность сравнения подхода с другими подходами экспертов, имеющейся на практике, в научной литературе	Нет	Нет
12	Проверка и оценка полноты и всесторонности заключения: исследованы ли все объекты, имеются ли ответы на все поставленные вопросы и др.	Да	Да
13	Глубина аргументации ответов эксперта либо степень обоснованности отказа эксперта дать ответ на поставленные вопросы	Да	Нет
14	Подробное описание хода и результатов всестороннего исследования с приложением иллюстративного материала	Да	Да
15	Выход эксперта за пределы поставленных вопросов. Оценка дополнительных ответов эксперта	Да	Нет
16	Эксперт самостоятельно переформулировал техническое задание	Нет	Нет
17	Соответствие выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам	Да	Да
18	Наличие формально-логических ошибок, противоречие выводов в заключении эксперта	Да	Да
19	Проверка заинтересованности эксперта или экспертного учреждения в исходе дела: эксперт участвовал в предыдущем деле одной из сторон; влияние экспертной организации на эксперта; заинтересованность эксперта в исходе дела с помощью детального изучения судебной практики kad.arbitr.ru, ГАС Правосудие и др.	На практике большинство судов не проводят в силу отсутствия времени	Для ответа необходимо интервьюирование юристов, работников судебных органов КНР
20	Заключение эксперта признавали в иных судебных делах ненадлежащим доказательством	Нет	Нет

Вышеизложенное затрагивает лишь одну часть, раскрытие остальных вопросов претендует на самостоятельное исследование за рамками данной статьи. Вместе с тем, указанные критерии могут быть направлены на более детальную, вдумчивую оценку заключения судебной экспертизы для выявления частых экспертных ошибок.

В рамках статьи был проведен интернет-опрос 63 юристов из Москвы, Санкт-Петербурга и Улан-Удэ. По результатам которого выявлено: более 70% судей в силу загруженности по гражданским и арбитражным делам обращают внимание только на выводы экспертного заключения, без глубокой оценки. Фактическое исследование сводится к формальной проверке поставленных вопросов и наличие ответов на них, зачастую судья не может оценить правильность выбора методов исследования, научную обоснованность выводов в силу отсутствия специальных познаний. Учитывая данную проблематику, полагаем возможным, в качестве проверки обоснованности экспертного заключения использовать разработанные создаваемые наукой прикладные материалы в целях всесторонней, полной и объективной оценки результатов экспертиз.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ (с изм. и доп. 2.12.2019 г.) // Российская газета. 2002. 27 июля.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г., № 138-ФЗ (ГПК РФ) (с изм. и доп. от 24 апреля 2020 г.) // Российская газета. 2002. 20 ноября.
3. ГПК КНР (принят на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва 9 апреля 1991 г. URL: <http://www.bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244/>).
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. // Российская газета. 2001. 5 июня.
5. Алексеев С. Г., Лукичев Б. А. Сведущие лица в уголовном процессе Китая и России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. № (103), вып. 16. С. 110.
6. Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. М.: Изд-во Юрид. ин-та МИИТ, 2012. С. 4.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011. С. 73.
8. Фэн Цзунмэй. Изучение о рассмотрении мнения экспертизы // Судебные экспертизы Китая. 2013. № 3. С. 89.
9. Юань И. Анализ реформ судебной экспертизы в УПК КНР // Пробелы в российском законодательстве. 2018. С. 222.

О гражданской дееспособности физических лиц по законодательству Китая

© Мяо Ицзя

магистрант

Китайский политико-юридический университет

КНР, г. Пекин, КНР

Дееспособность — способность лица своими действиями приобретать и осуществлять права и исполнять обязанности. Дееспособность зависит от возраста и состояния психического здоровья физического лица. Данная статья посвящена исследованию гражданской дееспособности физических лиц в Китае.

Ключевые слова: дееспособность, возраст, психическое здоровье.

Legal capacity — the ability of a person to acquire and exercise rights and perform duties by his actions. Legal capacity depends on the age and mental health of the individual. This article is devoted to the study of the civil legal capacity of individuals in China.

Keywords: legal capacity, age, mental health.

Гражданская дееспособность—это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Для полноценного участия в гражданском обороте физическое лицо должно обладать гражданской дееспособностью.

В отличие от правоспособности, которая в равной мере признается за всеми гражданами, дееспособность граждан не может быть одинаковой. Для приобретения прав и осуществления их собственными действиями, принятия на себя и исполнения обязанностей требуется достичь определенной зрелости, достаточной для понимания своих действий и их фактических и правовых последствий. Способность к такому пониманию зависит от возраста и состояния психического здоровья и приходит к человеку не сразу, а постепенно, по мере его взросления или, говоря другими словами, по мере его умственного, физического и социального развития и приобретения им жизненного опыта.

Учитывая вышеизложенное, в гражданском законодательстве КНР различается 3 состояния гражданской дееспособности: дееспособность (полная дееспособность), ограниченная дееспособность (ограничение дееспособности) и отсутствие дееспособности (признание недееспособным), включая признание гражданина недееспособным.

1. Дееспособность (полная дееспособность).

Ее главным содержанием является способность физического лица совершать гражданско-правовые действия с помощью самостоятельного волеизъявления.

Согласно законодательству КНР известны 2 основания достижения полной дееспособности. Прежде всего, дееспособность наступает по достижении физическим лицом совершеннолетия. Кроме того, наступление дееспособности связывается с фактическим составом. Так, граждане по достижении шестнадцати лет, собственным трудом добывающие средства к существованию, считаются дееспособными в полном объеме. Обязательное среднее образование в Китае, т.е. окончание средней школы, завершается, как правило, по достижении школьником 15 лет. В связи с этим закон содержит презумпцию, что шестнадцатилетние, которые собственным трудом добывают средства к существованию, способны самостоятельно решать личные вопросы и оценивать последствия своих действий.

Дееспособное лицо способно самостоятельно осуществлять гражданско-правовые действия, к примеру, совершать сделки, самостоятельно нести ответственность в связи с причинением вреда жизни, здоровью и имуществу, неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

2. Ограниченная дееспособность (ограничение дееспособности).

Такое состояние дееспособности означает наличие установленных в законе ограничений самостоятельного совершения физическим лицом гражданско-правовых действий.

В статьях 19 и 22 Основных положений гражданского права КНР 2017 г. предусмотрено, что несовершеннолетние граждане, достигшие восьмилетнего возраста, и совершеннолетние граждане, не способные полностью понимать свои действия, считаются ограниченно дееспособными.

Такие граждане вправе совершать сделки, соответствующие их возрасту и состоянию психического здоровья. Так, они осуществляют гражданские права и исполняют гражданско-правовые обязанности с предварительного или последующего согласия своих законных представителей. В отсутствие их согласия несовершеннолетние, достигшие 8 лет, вправе самостоятельно совершать сделки по получению выгоды и сделки, соответствующие их возрасту и умственным способностям. Граждане, дееспособность которых ограничена, помимо указанных сделок также вправе самостоятельно совершать сделки, соответствующие состоянию их психического здоровья.

3. Отсутствие дееспособности (признание недееспособным).

Недееспособный гражданин не может самостоятельно совершать гражданско-правовые действия, в силу возраста или определенной степени психического здоровья не в состоянии оценивать возможные последствия совершения указанных действий.

По положению гражданского законодательством КНР дееспособность отсутствует у несовершеннолетних, не достигших восьми лет. Совершеннолетние граждане, которые не способны понимать свои действия, признаются судом недееспособными. Гражданско-правовые действия от их имени совершают их законные представители.

В целях защиты прав и законных интересов ограниченно дееспособных и недееспособных граждан соответствующие судебные толкования предусматривают, что указанные граждане могут самостоятельно совершать сделки, направленные на безвозмездное получение ими выгоды, например, принимать подарки. Контрагенты по указанным сделкам не вправе оспаривать их по мотиву порока дееспособности.

Ограниченно дееспособные и недееспособные не могут понимать свои действия в полной мере, в результате их законные интересы легко ущемлены. Поэтому в гражданском законодательстве КНР создан институт опеки. Опекун обязан оберегать здоровье подопечного, принимать меры к сохранности его имущества и защищать иные его права и интересы. Опекун вправе распоряжаться имуществом подопечного не иначе, как в его интересах.

Дееспособность — неотчуждаемое свойство гражданина, которое может быть ограничено или прекращено только в установленных законом случаях. Приобретение дееспособности с юридической точки зрения обозначает такой рубеж в личности гражданина, когда он становится достаточно взрослым, чтобы самостоятельно, своей волей участвовать в гражданском обороте, осуществлять предпринимательскую и иные виды деятельности. Каждое физическое лицо должно не только извлечь из своей полной дееспособности пользу для себя, например, защищать свои права и законные интересы, но и исполнять свои обязанности, установленные законом или договором, а значит, принести пользу окружающим.

Сравнительно-правовой анализ института медиации в России и Китае

© Д. Ц. Норбоева

студент 3-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова»

Россия, г. Улан-Удэ

dimit.norboeva.tz@mail.ru

В России и Китае институт медиации начал функционировать сравнительно недавно. Более того удивляет схожесть во времени принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г., № 193-ФЗ и Закона КНР «О народной медиации» от 28.08.2010 г. Тем не менее, в ходе сравнительно-правового анализа были выявлены как сходства, так и значительные различия. Их раскрытие может показать разные стороны регулирования данного института. Выводы, исходящие из анализа, возможно использовать для дальнейшего изучения и проведения исследования по данной теме.

Ключевые слова: медиация, Россия, Китай, анализ, примирительные процедуры, медиативные соглашения, процедура медиации, сроки.

In Russia and China, the Institute of mediation has started functioning relatively recently. Moreover, the similarity in the time of adoption of the Federal law «on alternative dispute settlement procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)» from 27.07.2010 N 193-FZ and the law of the people's Republic of China «on people's mediation» from 28.08.2010 is surprising. Nevertheless, the comparative legal analysis revealed both similarities and significant differences. Their disclosure may show different aspects of the regulation of this institution. Conclusions from the analysis can be used for further study and research on this topic.

Keywords: mediation, Russia, China, analysis, conciliation procedures, mediation agreements, mediation procedure, terms.

В России и Китае предусмотрены примирительные процедуры и мировые соглашения в урегулировании споров. В РФ институт медиации выражен в статье 153.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г., № 138-ФЗ [1] и в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г., № 193-ФЗ [2]. В КНР институт медиации отражен в статье 111 Конституции Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, обнародована и официально введена в действие Всекитайским собранием народных представителей 4 декабря, 1982 г., с поправками, принятыми 12 апреля, 1988 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва, и 29 марта, 1993 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва) и в Законе КНР «О народной медиации» (принят 28 августа 2010 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 11 созыва, вступил в силу с 1 января 2011 г.).

Если глава о примирительных процедурах и мировом соглашении введена в ГПК РФ Федеральным законом от 26.07.2019 г., № 197-ФЗ, то ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и Закон КНР «О народной медиации» были приняты лишь с разницей в один месяц и один день. Такая схожесть продиктована одинаковыми переходами от одного типа общества к другому. Однако если верить статистике, то в РФ за последнее десятилетие с помощью медиации были урегулированы от 0,02–1% дел в судах общей юрисдикции, в зависимости от их видов. Тогда как в КНР примирительные процедуры достаточно популярны и распространены, с помощью медиации было урегулировано около 30% дел. Конечно, статистика не может учитывать все случаи применения данной процедуры, точное количество обращений к медиаторам

неизвестно, но разница в цифрах велика. На мой взгляд, такие расхождения обусловлены традиционностью, как китайской правовой системы, так и самого общества в целом. Еще противостояние легизма и конфуцианства в Древнем Китае проложило путь к добровольному урегулированию споров, примат норм этики без жестких мер и приказного производства. Вторым фактором является особенность народа Китая, национальное исключительное свойство — прибегнуть к компромиссу при решении противоречий и споров.

Отличительной особенностью процедуры медиации в КНР является то, что она — народная. Осуществляется народными комитетами бесплатно (они не вправе взимать пошлины и сборы). Более того выдаются награды и поощрения народным комитетам и народным медиаторам — за вклад и содействие. Ответственность за работу народной медиации несет Ведомство Государственного совета КНР по юстиции и его местные органы.

Примечательна схожесть принципов института медиации в России и Китае. Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, сотрудничества и равноправия сторон. В России предусмотрен принцип конфиденциальности, но в Законе КНР нет принципа конфиденциальности, так как дела рассматриваются открыто. Также в ФЗ к процедуре медиации не применяются отношения, связанные с оказанием третейским судьей в ходе третейского разбирательства содействия примирению сторон, если иное не предусмотрено федеральным законом. В Законе КНР напротив — стороны могут беспрепятственно разрешать свои споры в третейском суде.

Сама процедура медиации в РФ и КНР в целом схожа. За исключением того, что Закон КНР предусматривает приглашение родственников, соседей, коллег сторон, а также членов местного общества, которые должны быть справедливыми и преданными делу.

В России медиативное соглашение всегда выражается в письменной форме. В Китае помимо письменной формы, которая скрепляется не только подписью и печатями, но и отпечатками пальцев, предусмотрена и устная форма. Устная форма вступает в силу со дня достижения сторонами соглашения. В ФЗ предусмотрен случай нотариального удостоверения соглашения, тогда оно имеет силу исполнительного документа. В Законе КНР соглашение, достигнутое силами народной медиации, имеет юридическую силу и обязательно для исполнения сторон. Сроки должны быть указаны в содержании самого медиативного соглашения — это указано и в ФЗ, и в Законе КНР. Однако в ФЗ указано, что срок проведения процедуры медиации не должен превышать сто восемьдесят дней, за исключением срока проведения процедуры медиации после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не превышающего шестидесяти дней. Такие рамки позволяют не затягивать процедуру и процесс, чего, к сожалению, нет в Законе КНР.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить следующее: институт медиации — сравнительно молодой и новый, в настоящее время его популярность только набирает свои обороты. В Китайской Народной Республике широко используется медиация, благодаря ее народности, тому, что ее осуществляют народные комиссии и народные медиаторы, большую роль играют традиционность и национальная особенность общества. В РФ юридическое значение элементов, составляющих медиативное соглашение, в частности, сроков — весьма важно. Определенность рамок и дедлайнов делает российскую правовую систему мобильной и подвижной. При проведении сравнительно-правового анализа были выявлены, как и заслуживающие внимания общности в институте медиации, так и расхождения, анализируя которые можно сделать полезные для каждой из правовых систем выводы.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г., № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27.07.2010 г., № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/645f22663963429826dc79a35c6014d067325527/
3. Аболонин В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. М.: Инфотропик Медиа, 2014. 408 с.
4. Абрамсон Г. И. Сопровождение сторон в процедуре медиации. Руководство для адвокатов и консультирующих юристов. М.: МЦУПК, 2013. 542 с.
5. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции (Серия «Библиотека медиатора». Кн. 2). М.: Инфотропик Медиа, 2011. 304 с.
6. Шамликашвили Ц. А. Медиация в вопросах и ответах. М.: МЦУПК, 2017. 100 с.

7. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution>
8. URL: https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/02/China_Peoples_Mediation_Law2010_Russian_translation.pdf
9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-instituta-primireniya-i-mediatsii-v-ugolovnom-protsesse/viewer>
10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-kak-metod-razresheniya-sporov-v-knr/viewer>
11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protseduryv-sudoproizvodstve-rossiyskoy-federatsii/viewer>
12. URL: https://www.academia.edu/38250539/Медиация_в_России_и_Китае_сходства_и_различия_в_трактовке_альтернативной_процедуры_разрешения_споров_медиации_Mediation_in_Russia_and_China_The_similarities_and_differences_in_the_interpretation_of_the_Alternative_Dispute_Resolution_Procedures_mediation_

Сравнительное правоведение: Россия и Гонконг

© А. Д. Очирова,
Ю. А. Пластинина
студентки 1-го курса
заочного формы обучения
Восточно-сибирский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
Россия, г. Иркутск
ochirova_aruna@mail.ru
yuli_antonova_97@mail.ru

Данная статья посвящена изучению изменений, произошедших в гражданском праве и процессе Гонконга, а также сравнению с гражданским правом и процессом России. В статье дан анализ реформы гражданского процесса Гонконга. А также проведено исследование гражданского права Гонконга и основных форм Гонконгских корпораций.

Ключевые слова: гражданское право, гражданский процесс, сравнительное правоведение, судебная система, корпорации, компания.

This article is devoted to the study of changes in civil law and the Hong Kong process, as well as a comparison with civil law and the Russian process. The article analyzes the reform of the civil process in Hong Kong. And also a study of civil law of Hong Kong and the main forms of Hong Kong corporations.

Keywords: Civil law, civil procedure, comparative law, judicial system, corporations, company.

Гонконг является специальным административным районом Китайской Народной Республики, а также одним из ведущих финансовых центров Азии и мира. В 1842 г. Гонконг был захвачен Великобританией и стал её колонией согласно Нанкинскому договору. В 1997 г. Китайская Народная Республика обрела суверенитет над территорией и Гонконг на основании совместной китайско-британской декларации и Основного закона Гонконга получил широкую территориальную автономию на 50 лет, то есть до 2047 г. Политико-правовая концепция «одно государство — две системы» предполагает существование капиталистической системы Гонконга в рамках социалистической модели КНР. На данный момент управление Гонконгом возложено на самих гонконгцев, так они контролируют законодательство, денежную систему, полицию, представительство в международных организациях и мероприятиях, а КНР отвечает за оборону и внешнюю политику территории.

С 1997 г. во всех сферах жизни Гонконга произошли большие изменения, в том числе это касается и правовой сферы. В данной статье хочется сделать уклон именно на изучение изменений, произошедших в гражданском праве и процессе Гонконга. Прежде всего, необходимо ознакомиться со структурой органов юстиции Гонконга и компетенциями его судов отвечающих за рассмотрение гражданских дел. Судебная система Гонконга в 1997 г. претерпела большие изменения, когда Гонконг стал независимым от Великобритании, с тех пор судебная система регулируется Основным законом Гонконга 1990 г., а также законами, которые регулируют деятельность каждого отдельного суда [1, с. 1].

В судебную систему Гонконга входят следующие суды:

1. Апелляционный суд последней инстанции — высший суд Гонконга, данный суд рассматривает апелляционные жалобы на решение Апелляционной инстанции Высокого суда при следующих условиях, если цена иска более 1 миллиона гонконгских долларов, и если дело имеет большое общественное значение.

2. Высокий суд — рассматривает апелляционные жалобы на постановления по гражданским и уголовным делам Суда первой инстанции Высокого суда, Окружного суда, и Суда по рассмотрению земельных споров.

3. Суды первой инстанции — рассматривает гражданские дела свыше 1 миллиона гонконгских долларов, дела о банкротстве, о прекращении деятельности компаний, о завещаниях, об усыновлении, о психическом здоровье.

4. Районные суды — рассматривает гражданские споры не свыше 1 миллиона гонконгских долларов.

5. Магистратские суды — рассматривает уголовные дела и административные правонарушения.

6. Трибуналы — рассматривают дела, цена иска которых не превышает 50 тысяч гонконгских долларов. [3, с. 120]

В 2000 г. началась реформа гражданского процесса Гонконга, однако специально созданная рабочая группа отказалась от создания нового гражданско-процессуального кодекса, вместо этого были внесены существенные изменения в уже существующее процессуальное законодательство. Результаты данной реформы:

– Предоставление более широких полномочий судье в процессе. В настоящее время суд наделен полномочиями по обеспечению соблюдения процессуальных сроков, а также по ограничению и управлению расписанием судебных процессов, что повышает эффективность гражданского процесса в Гонконге. Большие полномочия суд получил при установлении фактов, судья ведет процесс, таким образом, который отвечает требованиям реформы, включая целесообразность некоторых процедур и повышения эффективности затрат. Суд может самостоятельно назначить эксперта независимо от желания сторон, при этом неизменным остается состязательность сторон;

– Введена процедура медиации. В настоящее время данный вид разрешения спора является очень продуктивным и развитым в Гонконге;

– Были введены требования о подаче заявления об истинности предоставленной информации. Данное заявление подписывается стороной защиты или законным представителем;

– Появилась возможность свидетелей дополнять или давать новые показания в связи с выявлением новых обстоятельств после дачи показаний в суде;

– Время рассмотрения дела становится более реалистичным. Так до реформы на рассмотрение судом гражданского дела давалось 2 недели, благодаря реформе данный срок может быть продлен до 2 месяцев или больше, в зависимости от категории рассматриваемого дела [4, с. 134].

Благодаря данной реформе судебный процесс в Гонконге стал более эффективным, а стороны судебного процесса стали более дисциплинированными.

Оценивая положения данной реформы можно прийти к выводу, что гражданский процесс Гонконга очень схож с гражданским процессом России. Так и в том и в другом случае соблюдаются основные задачи и принципы процесса. Основной задачей является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданского права. Принципы, которые можно наблюдать в гражданских процессах двух стран — это равенство всех перед законом и судом, разумный срок судопроизводства, независимость судей, осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон. В судебном процессе аналогичный состав: судья, стороны по делу, при определенной категории дел так же могут участвовать присяжные. Обычно гражданские дела рассматриваются судьей единолично.

Так же большое сходство имеет и сама судебная система, как и в России в Гонконге она представляет собой совокупность судов всех видов и уровней, построенных в целях осуществления судебной власти. Однако существует и различия так в Гонконге имеются специализированные суды: суд по трудовым спорам, суд по спорам на рынке ценных бумаг, суд по земельным спорам. В России не выделяют отдельных судов для рассмотрения данных категорий дел, они рассматриваются районными судами, что касается споров на рынке ценных бумаг то арбитражными судами.

Также для полного рассмотрения тематики необходимо изучить вопрос корпораций в Гонконге. Экономику Гонконга называют одной из самых либеральных [5]. С 1969 г. Гонконг один из мировых финансовых центров. На данный момент он занимает третье место по величине. На этом фоне вызывает интерес законодательство, регулирующее работу корпораций, организационно-правовые формы юридических лиц и их статус.

Любая компания, зарегистрированная в Торговом реестре Гонконга, также, как и в России, должна иметь уникальное наименование. Оно может быть, как на английском и на китайском языке, так и на двух языках одновременно. Запрещены названия, имеющие отношение к государству или королевской власти.

Каждая компания должна иметь секретаря — это физическое или юридическое лицо, имеющем резиденство Гонконга. Остальные составляющие, то есть директора и участники могут быть резидентами любой страны [2, с. 17].

Основные организационно-правовые формы юридических лиц Гонконга:

- 1) Private Company Limited by Shares — закрытая компания с ограниченной ответственностью по акциям;
- 2) Public Company Limited by Shares — открытая компания с ограниченной ответственностью по акциям;
- 3) Limited Partnership — партнёрство с ограниченной ответственностью;
- 4) Sole Proprietorship — частное предприятие.

Закрытая компания с ограниченной ответственностью имеет следующие характеристики. Компания ограничивается числом акционеров — не более 50. Уставной капитал разделён на акции, но они не могут быть размещены на бирже ценных бумаг. Акционеры отвечают по обязательствам компании в размере внесённого ими капитала. Минимальный капитал ограничен 2 акциями по одному гонконгскому доллару.

Зарегистрированный офис компании обязательно должен находиться на территории Гонконга и там должны храниться оригиналы учредительных документов компании — Свидетельство о регистрации, реестры директоров, акционеров, бенефициаров (контролирующих лиц). Бенефициарами выступают физические и юридические лица, владеющие 25% акций компании.

В публичной компании с ограниченной ответственностью количество акционеров может превышать 50. Акции могут свободно размещаться на бирже. Существуют требования к публичному раскрытию информации предоставление определенной информации (структура капитала, сведения об акционерах, директорах и т.д.) при подаче данных в Реестр компаний. Как правило, публичными становятся средние и крупные компании, которые активно развиваются и нуждаются в инвестициях путем расширения числа акционеров.

Регистрация компаний с ограниченной ответственностью является сложным, дорогим и длительным процессом. В Реестр компаний уплачивается регистрационный взнос в размере 1 720 гонконгских долларов и некоторые дополнительные сборы. Компания должна также зарегистрироваться в Департаменте внутренних доходов и получить сертификат о регистрации бизнеса за 450 (на срок до 1 года) или 4 550 гонконгских долларов (на срок до 3 лет). Также и процедура закрытия компаний с ограниченной ответственностью является сложной, трудоемкой и дорогой.

Партнёрство с ограниченной ответственностью — это предприятие, которое находится в совместном владении двух или более людей, при этом доходы от бизнеса распределяются пропорционально доле их инвестиций. Партнерства с ограниченной ответственностью состоят из главных партнеров с неограниченной ответственностью и партнеров с ограниченной ответственностью. В то время как ограниченные партнеры лично не ответственны ни по каким долгам партнерства, понесенных фирмой или возникшим вследствие противоправных деяний другого партнера, у главных партнеров есть неограниченная личная ответственность. Партнеры могут выйти из состава или быть заменены без ликвидации организации. Размер регистрационного взноса равен 340 гонконгских долларов, также некоторые дополнительные сборы. Товарищество должно быть зарегистрировано в Департаменте внутренних доходов и получить сертификат о регистрации бизнеса. Партнёрства с ограниченной ответственностью не обладают отдельным статусом юридического лица, и партнерство считается простым расширением прав и обязанностей его партнеров.

Частное предприятие — это компания, которой владеет и управляет единственное лицо. Эта форма является наиболее простой и дешевой формой бизнеса. Для регистрации требуется минимум документов. Нужно зарегистрировать бизнес в Департаменте внутренних доходов и получить Сертификат о регистрации бизнеса, который обойдется в 450 (на срок до 1 года) или 4 550 гонконгских долларов (на срок до 3 лет). Также и простой процесс ликвидации, состоит из извещения Налогового департамента о прекращении деятельности. Всю прибыль получает владелец компании, он также сохраняет полный контроль над всеми делами компании. Однако, частное предприятие не является отдельным юридическим лицом, компания и владелец считаются одним целым. Соответственно за все обязательства владелец отвечает лично. Владелец не может передать права собственности на свое предприятие другому лицу.

Также при рассмотрении данного вопроса вызвало интерес изучение системы налогообложения для юридических лиц в Гонконге.

В Гонконге используется территориальный принцип налогообложения. Суть его заключается в следующем: налогом на прибыль облагаются лишь те доходы, которые были получены на территории

Гонконга. Лицо само должно предоставить подтверждение отсутствия деятельности в Гонконге. Действует дифференцированная система налога на прибыль, то есть он зависит от суммы прибыли компании. Если компания в год получает прибыли не более 2000000 гонконгских долларов, то ставка составляет 8,25%. При превышении размера прибыли ставка увеличивается до 16,5% и применяется только к части, её превышающей. Однако, компании с ограниченной ответственностью уплачивают единый налог по ставке 16,5%.

Также существует налог на прирост капитала. Он применяется в тех случаях, когда доходы от отчуждения активов компании были получены в результате коммерческой сделки. Размер налога — 16,5%. Налог на добавленную стоимость отсутствует.

Дивиденды от гонконгских компаний в адрес физических лиц, не являющихся резидентами Гонконга освобождены от налогообложения

В соответствии с Законом о компаниях, Законом о внутренних доходах отчётность компаний Гонконга состоит из следующих видов:

1) Годовой отчет — представляется в государственный орган в срок до 42 дней после окончания года с даты регистрации компании.

2) Финансовый отчет компании представляется в налоговые органы вместе с аудиторским заключением как приложение к налоговой декларации в тех случаях, когда у компании есть деятельность. Аудиторское заключение должно проводиться ежегодно за исключением компаний, не ведущих активную деятельность.

3) Декларацию по налогу на прибыль компания получает от налогового органа форму для заполнения в течение от 12 до 18 месяцев с момента регистрации. Даже если компания не ведёт деятельность, она обязана сдавать «нулевую» отчётность без приложения финансовой отчётности.

Таким образом, раскрыв некоторые правовые аспекты, можно увидеть наличие как сходств, так и различий в праве России и Гонконга. Если говорить про гражданский процесс данных стран, то несомненно имеются ряд сходных элементов. Что касается корпораций, Гонконг и Россия имеют примерно одинаковые организационно-правовые формы, однако каждая форма имеет свои особенности. Система налогообложения корпораций совершенно иная. Благодаря чему Гонконг является популярной низконалоговой зоной, которая при определенных условиях становится безналоговой.

Вопрос, в каком правовом поле будет жить Гонконг после 2047 г., когда закончится срок, отведенный для его интеграции в правовое пространство КНР, остается открытым.

Литература

1. Ермакова Е. П. Судебная система Гонконга. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2015. С. 7.
2. Нырова Н. Н. Мифы гонконгских компаний. М., 2010. С. 16–20.
3. Шепенко Р. А. Судебная Система Гонконга. М., 2002. С. 134.
4. Чан Питер К. Х. Реформа гражданского процесса в Гонконге: критический взгляд на примененные реформы на практике. М., 2013. С. 202.
5. URL: <https://www.heritage.org/index/>

Подходы к определению статуса продуктов нейронных сетей авторского права в государствах АТР

© И. Р. Рахманкулов

студент 3-го курса
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса»
Россия, г. Владивосток
ilsuz1999@gmail.com

© Э. В. Горян

канд. юр. наук, доц. кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Институт права
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса»
Россия, г. Владивосток

В статье рассмотрены понятие нейронной сети, её виды, а также виды продуктов нейросетей. Рассмотрены подходы к определению статуса продуктов, созданных искусственным интеллектом на базе нейронных сетей в РФ и Сингапуре.

Ключевые слова: интеллектуальные нейронные сети, нейросеть, искусственный интеллект, продукты нейросетей, авторское право, интеллектуальная собственность.

The article considers the concept of a neural network, its types, as well as the types of products of neural networks. Approaches to determining the status of products created by artificial intelligence based on neural networks in the Russian Federation and Singapore are considered.

Keywords: intelligent neural networks, neural network, artificial intelligence, products of neural networks, copyright, intellectual property.

Причина, по которой к нейронным сетям повышенный интерес, связан с человеческим мозгом, который в свою очередь отличается от современных компьютеров по ряду причин. Наш мозг состоит из нейронов — структурных компонентов. Нейроны могут выполнять множество задач, в том числе, моторные функции. Например, если задачей нейронов является распознавание образа, то мозг в толпе незнакомых людей обнаружит то лицо, затратив при этом примерно 110–200 миллисекунд, в то время как аналогичную задачу компьютер выполнит несколько дней. Разница обусловлена тем, что мозг человека имеет особенную структуру, которая позволяет строить принцип работы на основании проб и ошибок, то есть благодаря опыту. Именно для облегчения жизни и для устранения некоторых проблем в обществе учёные пытаются воссоздать работу человеческого мозга через искусственные нейронные сети.

Понятие нейронной сети в законодательстве прямо не закреплено, но уже сегодня есть различные подходы к определению понятия нейронных сетей. Например, Николенко С., Кадури А. и Архангельская Е. считают, что нейронные сети — это исследование, на создание искусственного интеллекта, которое способно обнаружить и корректировать погрешности и, следовательно, позволит симитировать работу человеческого мозга [1, с. 141]. Другая точка зрения в целом схожа с вышеназванными авторами и принадлежит Королеву Д. С., Гунину Н. С., но в их определении ключевую роль играет то, что нейронная сеть является исследованием в области искусственного интеллекта [2, с. 61]. Ко второй точке зрения придерживается Макаревич М. Л и Кирова Л. М., считая нейросеть не только областью искусственного интеллекта, но и является базовой основой ИИ [3, с. 58]. Опираясь же на законодательное определение искусственного интеллекта, согласно которому ИИ — это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [4], то можно сделать вывод о том, что обе точки зрения верны и подлежат к применению как дефиниция.

Иначе говоря, нейронная сеть — это исследование в области искусственного интеллекта, направленная на моделирование функций человеческого мозга в пределах компьютерных программ, целью которой является распознавание образов и объектов, принятие решений прогнозирование, а также самообучаемость, обеспечивающая взаимозависимое, бесперебойное поведение всей системы.

Разработкой нейросетей учёные занимаются более 70 лет. Попытка формализации нейронной сети относят к 1943 г., когда У. Мак-Каллок и У. Питтс представили статью о логическом исчислении нервной активности. И уже в 1958 г. Ф. Розенблатт, написав книгу о принципах нейродинамики, изобретает первый однослойный перцептрон — машину, которая могла распознавать и идентифицировать оптические узоры с помощью обучения [5, с. 366]. Благодаря его книге, перцептрон, а в дальнейшем и критике М. Минского над работой перцептрона, сегодня принято классифицировать нейронные сети на основные четыре группы:

1) Однослойная нейронная сеть — это такая сеть, сигналы в которой от входного слоя сразу подаются на выходной слой, который преобразует сигнал и сразу выдает ответ. При этом, входной слой представляет из себя задачу, которая распределяет входные сигналы остальным нейронам. Такая группа нейросетей применяется, в частности, в прогнозировании и распознавании объектов, решении задач классификации, если объекты классификации обладают свойством линейной делимости [6, с. 18];

2) Многослойная нейронная сеть — сеть, которая состоит из входного, выходного и расположенных между ними нескольких скрытых слоев нейронов. Такие сети применимы в решении более «сложных» задач, например, в распознавании объектов со множеством других задач [6, с. 25];

3) Рекуррентная нейронная сеть — это те сети, в которых выход нейрона может вновь подаваться на его вход. Стоит отметить, что вышеприведённые классификации являются сетями прямого пространства, в которой выход нейрона определяется входным сигналом и весовым коэффициентом. Рекуррентная нейросеть является сетью с обратными связями, то есть выходы нейронов могут возвращаться на входы, следовательно состоит из циклически повторяющегося действия, где результат зависит от текущего элемента данных и результатов предыдущего преобразования [7, с. 274]. Данная классификация применима в обработке текста, например, автоматический перевод; обработке изображений — прогнозирование следующего пикселя на основе окружения; обработка видео — распознавание эмоций, прогнозирование следующего кадра на основе предыдущих и так далее;

4) Свёрточная нейронная сеть — нацелена на эффективное распознавание и для обработки изображений, предложенная Я. Лекуном. Такая сеть, в которой выход промежуточных слоев образуют изображение (матрицу) или несколько слоёв изображений (набор матриц). Основными видами слоёв в свёрточной нейросети являются свёрточные слои, пулинговые слои и полносвязные слои [6, с. 48–53].

На сегодняшний день нейронные сети в системе искусственного интеллекта могут создавать потенциально охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности. Наиболее ярко в настоящее время это проявляется в области авторского права. Нейросеть очень активно используется при создании музыкальных, литературных произведений и произведений изобразительного искусства, начиная от портрета «Новый Рембрандт» и заканчивая журналом *Esquire* (Сингапур), где ИИ на базе нейросети пишет статьи.

Также, нейросеть смогла завершить незаконченную композицию спустя 115 лет после смерти автора. Сервис AIVA закончил симфонию из незаконченного, неназванного двухстраничного фрагмента фортепианной композиции Дворжака ми минор. И в ноябре 2019 г. в Парижской филармонии прозвучала эта симфония. Следует отметить, что данный сервис стал первым в мире виртуальным артистом, официально зарегистрированным в качестве композитора в организации по защите авторских прав Франции и SACEM в Люксембурге. Это означает, что произведения AIVA защищены авторским правом, так же, как и произведения человека-композитора.

Также нельзя не отметить проект *Laboratoria Art & Science Foundation* — нейророботическую инсталляцию *Borgy & Ves*, созданную вместе с художником Томасом Фоерштайном российскими 13 специалистами в машинном обучении и робототехниками. Данный объект состоит из двух роботов, обсуждающих современные новости языком Достоевского и выражающих свои эмоции в движениях. Хотелось бы упомянуть малоизвестную компанию «Нейросети Ашманова», основанная Станиславом Ашмановым и Игорем Модяевым в 2015 г. В данной компании программисты разрабатывают и реализуют продукты на нейронных сетях, ведут научные исследования с использованием нейросетей, а также развивают первую российскую библиотеку *PuzzleLib* для обучения и эксплуатации нейронных сетей. При этом данная компания разрабатывает продукты на базе нейросетей. Так, они разработали технологию классификации текстов на естественном языке при помощи нейронных сетей, тем самым такой продукт значительно облегчает работу с анализом текста; алгоритм выделения и классификации объектов на фотографических и аудиовизуальных произведениях, так называемый детектор объектов; использование нейросетей на мобильных устройствах с целью изменения исходной фотографии.

Прежде чем перейти к правовому режиму продуктов нейронных сетей, хотелось бы отметить то, как они создают результат изображения, загруженные пользователем. Так, например, в приложении

Instagram нельзя создать что-то новое с помощью нейросетей, поскольку на изображение накладывается фильтр и, следовательно, оно не считается изменённым. Изображение, которое было заново отрисовано, является переработанным, изменённым. Переработанное изображение нейросетью заключается в том, что если листья деревьев на запечатлённом снимке напоминают по форме сердце, то нейросеть воссоздаст сердце со схожестью, в процессе которого она обучилась. Таково отличие нейросетей от других компьютерных программ, которые перерисовывают изображения, загруженные пользователем исходя из установленных, усвоенных шаблонов разработчиком. Таким образом, нейросети не программируются, а обучаются, то есть не только запоминают всю информацию, но и могут находить связи и закономерности между загружаемыми данными, и поэтому в научной литературе существует актуальная проблема — подлежат ли правовой защите результаты творчества нейронных сетей? И хотя они порой могут быть оригинальными и существенно отличаться от оригинального произведения существует подход, по мнению В. А. Дозорцева, согласно которому: «Результаты, полученные как итог функционирования технических средств, неохраноспособны. Автором такого результата не может быть признана ни бездушная машина, неспособная к творчеству, ни ее создатель, ни автор программы (в случае ЭВМ), на основании которой получен результат, ни оператор технического средства или его собственник... Признание объекта охраноспособным зависит от того, служит ли техническое средство инструментом для творчества человека или человек лишь обслуживает техническое средство» [8].

На законодательном уровне Российской Федерации творчество нейросетей не подлежат правовому режиму. Однако, по мнению многих ученых-правоведов, такой пробел в законодательстве должен быть восполнен. Так, уже существуют достаточное количество подходов к определению продуктов нейросетей и, исходя из этих подходов, можно разработать концепцию правового регулирования данных продуктов. К примеру, большинство учёных-правоведов склоняются к мнению, что авторскими правами на продукты нейросетей необходимо наделять разработчиков нейросетей, поскольку именно они своим личным трудом разработали нейронную сеть и справедливо было бы их наградить авторскими правами на такие продукты. Тем не менее, на наш взгляд данный подход применим именно в том случае, если нейросети обучались с учителем и, соответственно, не применим, если обучение проходило без учителя. Обучение с учителем предполагает, что в качестве ученика является нейросеть и учитель предоставляет ученику желаемый результат, а тот стремится к такому результату. В свою очередь, второй вариант обучения предполагает, что без учителя нейросеть не получает желаемый результат.

Следующий подход состоит в том, что автором продуктов нейросетей должен являться пользователь, так как его усилиями деятельность нейросети обретает форму, то есть существует конечный результат. Однако в соответствии с законодательством пользователь не может быть автором, так как им не был предпринят творческий вклад на создание такого результата [9]. Вполне жизнеспособным подходом является соавторство разработчика и пользователя. При этом необходимо учитывать два условия: а) предварительное согласие будущих соавторов на совместное создания произведения и б) факт совместного творчества. Но вышеупомянутый подход влечёт недействительным второе условие соавторства. К тому же, подчёркивается, что выгода, полученная разработчиком программы, от передачи пользователю прекращает участие разработчика в конечном результате, иначе, если бы разработчик программы претендовал на результат, полученный всеми пользователями, приобретшими программу, это не представлялось бы справедливым и разумным [10, с. 430]. Выделяют и такой подход, согласно которому автором произведения может являться искусственный интеллект. Однако такой подход многим учёным-правоведам кажется смешным и нежизнеспособным, так как искусственный интеллект не может защищать свои права и монетизировать созданные им продукты, поскольку ИИ не является субъектом права. Нельзя не согласиться с таким мнением, но И. Невзоров предлагает признать ИИ самостоятельным субъектом авторского права наряду с физическими лицами, юридическими лицами и публичными субъектами [11]. Он считает, что признание ИИ субъектом права позволит полностью разрешить несколько концептуальных противоречий, такие как: а) продукты нейронной сети могут быть признаны объектами права «искусственно-интеллектуальной собственности» и иметь статус объектов авторского права и б) ИИ как субъект права, создавший результат интеллектуальной деятельности, путём монетизации, удовлетворит свои «личные» потребности, например, потребность в покупке жёсткого диска. Следующий его аргумент заключается в том, что необходимо установить уровни правовых статусов для различных групп ИИ, то есть установления ограниченной правосубъектности. Например, статус «малолетнего ИИ» следует присваивать нейросетям, которые могут создать продукт, заранее не ожидаемые их разработчиком. Также, предлагает, что «малолетний ИИ» будет находится под контролем разработчика (обязан следить за следками, совер-

шаемыми ИИ; одобрять сделки, отвечающие интересам ИИ), а денежные средства, полученные ИИ в результате реализации созданных продуктов, разработчик направляет эти средства на развитие ИИ, способствуя его «взрослению» (переходу к статусу «несовершеннолетнего», а в дальнейшем к статусу «совершеннолетнему») [11].

Схожие подходы наблюдаются и в Республике Сингапур. Так, например, IPOS предлагает рассмотреть и не ограничиваться только принципом человеческого творчества. Помимо этого, IPOS предлагает рассмотреть нейросеть не как автора, а как нарушителя авторского права, поскольку машинное обучение представляет собой нарушение авторских прав, его следует рассматривать отдельно от обсуждения возможных сфер исключения нарушения [12].

Итак, в мире нет чёткой выработанной практики по данному вопросу, что осложняет выбор одного из вышеперечисленных подходов. Несмотря на это, ВОИС необходимо рассмотреть, предложенный подход Республикой Сингапур, а именно не ограничиваться только принципом человеческого творчества, то есть перейти к индивидуальному подходу к каждому случаю. Вдобавок, необходимо восполнить пробел в законодательстве тем, что разработчики должны предлагать свой продукт пользователю, не претендуя в будущем на авторство.

Литература

1. Николенко С. И., Кадурич А. А., Архангельская Е. В. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. СПб.: Питер, 2018. 480 с.
2. Королев Д. С. К вопросу понятия об искусственных нейронных сетях // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации чрезвычайных ситуаций. 2015. № 1(4). С. 61–63.
3. Кирова Л. М. Правовые аспекты использования нейронных сетей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1(27). С. 58–63.
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 г., № 490 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.
5. Демкин В. И. История и перспективы развития нейронных сетей // Вестник современных исследований. 2018. № 6.1(21). С. 366–368.
6. Гафаров Ф. М., Галимянов А. Ф. Искусственные нейронные сети и приложения: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 121 с.
7. Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса России: материалы науч. конф. (29–30 марта 2018 г.). Пенза: Изд-во ПГАУ, 2018. 300 с.
8. Томаров И. Е. Творчество нейросетей сквозь PRISMA авторского права [Электронный ресурс] // Zakon.ru: первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2016/6/30/tvorchestvo_nejrosetej_skvoz_prisma_avtorskogo_prava.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2006 г., № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/0b318126c43879a845405f1fb1f4342f473a1eda.
10. Юриспруденция 2.0: Новый взгляд на право: материалы науч. конф. (8 декабря 2017 г.). М.: Изд-во РУДН, 2017. 508 с.
11. Claims IP. Public Consultation on AI and IP Policy 2020 [Electronic resources] // World Intellectual property organization. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/about-ip/en/artificial_intelligence/call_for_comments/pdf/org_claims_ip.pdf.
12. Singapore (IPOS). Public Consultation on AI and IP Policy 2020 [Electronic resources] // World Intellectual property organization. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/about-ip/en/artificial_intelligence/call_for_comments/pdf/ms_singapore.pdf.

Эффективность законодательства о защите требований работников при банкротстве работодателя: сравнительный анализ

© Т. А. Савельева

студент 1-го курса магистратуры
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
ts.162307.ts@gmail.com.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу эффективности законодательства о защите требований работников при банкротстве работодателя, рассмотрены основные системы защиты прав работников и их разновидности, существующие на сегодняшний день в мире.

В сложившейся ситуации пандемии Covid-2019 и вызванного им кризиса в социально-экономической сфере значимость вопроса о защите требований работников при банкротстве работодателя возрастает, что и обуславливает его актуальность, и отмечается автором. В своей работе автор обозначил проблематику, дал основные понятия, проанализировал нормы российского законодательства о банкротстве в части защиты прав работников, кроме того, автором были сделаны некоторые предложения по решению данной проблемы.

Ключевые слова: банкротство, защита, права работников, работодатель, требования, задолженность, имущество.

This article is devoted to a comparative analysis of the effectiveness of legislation on the protection of workers' claims in the event of bankruptcy of the employer. The main systems for protecting the rights of workers and their varieties that exist today in the world are considered.

In the current situation of the Covid-2019 pandemic and the resulting crisis in the socio-economic sphere, the importance of the issue of protecting the requirements of workers in the event of bankruptcy of the employer increases, which determines its relevance and is noted by the author. In his work, the author outlined the problems, gave basic concepts, analyzed the norms of the Russian bankruptcy law in terms of protecting the rights of workers, in addition, the author made some suggestions to solve this problem.

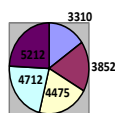
Keywords: bankruptcy, protection, rights of employees, employer, claims, debt, property.

Право на труд, равно как и на вознаграждение за него — это своего рода фундамент трудовых правоотношений. Общеизвестно, что Конституцией Российской Федерации установлен запрет на дискриминацию при оплате труда по каким-либо признакам, кроме того, статьей 37 Конституции РФ императивно регламентирован нижний предел вознаграждения за труд — не ниже минимального размера оплаты труда. При этом прекращение деятельности работодателя и (или) его неплатежеспособность по каким-либо причинам сами по себе не являются достаточными основаниями для невыплаты или задержки выплаты работникам заработной платы.

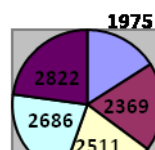
В соответствии со статистическим бюллетенем ЕФРСБ, по состоянию на 31 декабря 2019 г. судами банкротами были признаны 12401 российских компаний. Примерно, 10–13 тыс. российских компаний ежегодно признается банкротом, начиная с 2012 г. [1].

В приведенной ниже таблице можно увидеть стабильный рост количества дел, в которых кредиторы по итогам процедуры банкротства ничего не получили и дел, в которых у должника нет имущества.

■ 2015 ■ 2016 □ 2017 □ 2018 ■ 2019

■ 2015 ■ 2016 □ 2017 □ 2018 ■ 2019

*кредиторы ничего не получили

*у должника нет имущества

Важной социальной задачей государства в современных экономических условиях является обеспечение реализации мер по защите работников организации, вступающей в процедуру банкротства или уже признанной банкротом, которая заключается в полном погашении работодателем задолженности по заработной плате и иным социальным выплатам.

В России процедура банкротства осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 г., № 127-ФЗ. По своей сути данный Федеральный закон отождествляет систему привилегий, которая заключается в установлении приоритета одних требований перед другими, а именно: работников по оплате труда перед требованиями иных кредиторов.

Согласно очередности удовлетворения требований кредиторов, установленной законодательством о банкротстве, требования об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, а также требования по выплате выходных пособий удовлетворяются во вторую очередь, а задолженность по оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, и выплате им выходных пособий не входит в число признаков, необходимых для открытия дела о банкротстве.

Несмотря на это, система привилегий, прежде всего, направлена на защиту требований работодателей, поскольку привилегия в виде установления приоритета требований работников по оплате труда перед иными требованиями и отнесение этих требований ко второй очереди становится неэффективной в том случае, когда у работодателя отсутствует актив денежных средств либо его попросту недостаточно для покрытия образовавшейся задолженности, а в соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г., № 127-ФЗ, требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, считаются погашенными, что, в свою очередь, препятствует полноценной реализации работниками установленного в законодательстве права на оплату труда. Кроме того, процедура банкротства, как правило, имеет затяжной характер, что, безусловно, является минусом для работников, оставшихся в этот момент без заработной платы.

Необходимо отметить, что Россией не был ратифицирован Раздел III Конвенции МОТ № 173, являющейся составной частью нормативно-правовой базы в данном вопросе, регулирующий защиту требований трудящихся при помощи гарантийных учреждений [3, с. 1390].

Этим разделом предусмотрено создание гарантийных (страховых) фондов, основным назначением которых является погашение задолженности работодателя перед работниками в части выплат заработной платы и иных платежей. Преимущество гарантийных (страховых) фондов, как базиса всей гарантийной модели защиты прав работников, состоит в том, что денежная помощь работникам оказывается без промедлений, независимо от каких-либо обстоятельств и условий, а главное — наличия у обанкротившейся организации имущества, необходимого для погашения задолженности [4, с. 173].

Так, например, во многих латиноамериканских странах действует система, основанная на приоритете прав работника. Например, в Бразилии и Чили предусмотрено полное страхование от безработицы, которое, помимо компенсационных выплат, позволяет работнику также получить возмещение за определенный период (как правило до двух лет) с учетом минимального размера оплаты труда [5, с. 172].

Кроме того, в данных странах широко применяются различные тренинговые модули для повышения уровня квалификации и скорейшего трудоустройства лиц, оставшихся без работы вследствие банкротства их работодателя, что, безусловно, является плюсом такой системы.

В Японии, Италии, Дании и Испании действует еще одна разновидность страховой модели в процедуре банкротства. Это, своего рода, «смешанная модель», поскольку в ней имеются черты как системы привилегий (права работника в приоритете), так и системы гарантий (гарантия — страхование в случае безработицы).

Так, в Дании еще в 2012 г. функционировало около 88 организаций, деятельность которых непосредственно направлена на страхование в случае потери работы. Механизм работы таких организаций выстраивается следующим образом: происходят отчисления около 1–2% из заработной платы, чего вполне достаточно для компенсации потери заработка до следующего трудоустройства.

В Германии представлена еще одна интересная модель. Там функционирует Национальный фонд страхования, который в случае недостаточности имущества у работодателя для погашения задолженности перед кредиторами в процедуре банкротства удовлетворяет все эти требования, а затем может предъявить свои требования к несостоятельному работодателю наравне с остальными кредиторами. Таким образом, мы видим, что права работников не являются приоритетными, но между тем четко гарантируются [5, с. 173].

Сложность введения системы гарантий, главной особенностью которой является создание страховых фондов, объясняется, прежде всего, дороговизной этой процедуры, но плюсы, которые эта система принесет, полностью будут оправданы в условиях экономического кризиса, поразившего РФ, в том числе и в связи с пандемией COVID-19 (коронавируса).

Новая экономическая реальность во время пандемии коронавируса дает нам уникальную возможность пересмотреть правовое регулирование в данном направлении. Анализируя существующие в мире модели и системы, направленные на защиту требований кредиторов, в том числе и работников, при банкротстве работодателя, сравнивая их с моделью, существующей в РФ необходимо отметить, что России следует учесть положительный опыт зарубежных стран и внести в законодательство соответствующие изменения, в частности, предусмотреть создание гарантийных (страховых) институтов по типу Фонда социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Например, Фонд социального страхования заработной платы работников при банкротстве работодателя. Предполагается, что рецепция лучшего передового опыта других стран в условиях новой экономической реальности, возможно, приведет к стабилизации экономики.

Литература

1. Статистический бюллетень ЕФРСБ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rssou.ru/storage/upload/a9d231b952e19cf0c504c9055000975.pdf> (дата обращения: 02.04.2020).
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 г., № 127-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Защита прав работников на оплату труда при несостоятельности работодателя // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7(44). С. 1389–1394.
4. Защита требований работников при несостоятельности (банкротстве) работодателя: анализ мирового опыта и его возможно использование в России // Бизнес в законе. 2015. № 3. С. 171–175.
5. Особенности правового положения работников в деле о банкротстве // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2(24). С. 168–175.

Особенности государственного планирования и контроля использования земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности

© **Е. Б. Санжиева**
магистрант 2-го года обучения
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
e-sanzhieva@mail.ru

Правильное и грамотное управление земельными ресурсами в любом государстве должно происходить только в рамках четкого и планомерного стратегического планирования, которое учитывает все тонкости хозяйства государства, учитывает климатические, географические и иные особенности регионов. Новый подход стратегического планирования начинает свое формирование, и в будущем, при правильном подходе позволит эффективно распоряжаться земельными ресурсами. В данной статье предложен анализ федеральной и локальной стратегий на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: земельные ресурсы, стратегическое планирование, территориальное планирование, программа развития, категории целевого назначения, планирование использования земель.

Proper and competent management of land resources in any state should take place only within the framework of a clear and systematic strategic planning that takes into account all the subtleties of the state's economy, takes into account the climate, geographical and other features of the regions. A new approach to strategic planning is beginning to take shape, and in the future, with the right approach, it will allow efficient management of land resources. This article offers an analysis of Federal and local strategies on the example of the Republic of Buryatia.

Keywords: land resources, strategic planning, territorial planning, development program, target categories, land use planning.

В настоящее время, политика землепользования в России — это очень широкое и многогранное понятие. Это в полной мере политика внутреннего освоения и использования земельного фонда страны. Ведь по сути, земля и находящиеся в ней и на ней ресурсы (полезные ископаемые, фауна, флора и так далее) позволяют оценивать и прогнозировать в том числе и уровень экономической развитости государства. Одним из главных аспектов развития государства является построение и грамотное управление земельным фондом, в который помимо самой земли входят и прочно связанные с ней объекты — недвижимость, лесные ресурсы, водные ресурсы и прочее. Использование данных ресур-

сов — неотвратимый признак любой хозяйственной деятельности: промышленность, строительство, транспорт. Для сельского хозяйства земельные ресурсы и их качество (плодородие земли, рекреация и т.д.) являются основополагающим фактором [12, с. 24].

В современной модели управления любого государства всегда присутствуют такие инструменты как планирование и прогнозирование. Два очень похожих понятия, но характеризуют несколько разные положения. В государственном управлении под планированием обычно понимают построение определенного порядка работы на конкретный период времени, а прогнозирование — определенной формы предвидение, основанное на анализе имеющихся данных. Планирование использования земельных угодий, а также охраны этих угодий было и есть основополагающая функция в системе государственного управления землей, данная функция определяет рациональность использования земельного фонда страны. При этом прогнозирование становится одним из самых важных инструментов планирования, оно позволяет сделать определенные суждения о возможных характеристиках земельных угодий в будущем, выстроить дорожную карту достижения цели.

Говоря о регламентировании земельных правоотношений, стоит отметить, что этот процесс закреплён в российской правовой системе на всех законодательных уровнях, как федеральном, так и местном. Существует достаточно большой объем правовых норм, которые закрепляют и устанавливают право собственности на землю, порядок и условия ее использования, характеризуют объектный и субъектный состав права пользования, распоряжения и владения землей, а также определяют ответственность за нарушения земельного законодательства.

Ведущая роль в управлении имеющимся земельным фондом в нашей стране принадлежит государственным и муниципальным органам публичной власти [1]. По сути, именно они проводят кадастровые, контрольные, регистрационные мероприятия, связанные с использованием земель, особенно находящихся в муниципальной или государственной собственности. Каждый орган, будь он государственным или муниципальным отвечает лишь за свой уровень полномочий и выполняет в основном управленческие функции: разработка государственной земельной политики, разработка нормативно-правовой базы, государственный контроль, перераспределение земель, планирование в сфере использования земельных угодий и так далее. К функциям управления в области земельных правоотношений, на наш взгляд, стоит отнести планирование использования земель, в том числе и земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Ведь по сути, планирование и построение прогнозов является немаловажной функцией управления.

В 2014 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 28.06.2014 г., № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5], который открыл собой качественно новый уровень прогнозирования и планирования всех сфер и отраслей жизни государства. Если следовать главной идее этого федерального закона, то для того чтобы эффективно планировать будущее страны, всегда необходимо держать в голове несколько вопросов:

- 1) Какая нормативная база должна содержать в себе разработки прогнозов, планов, проектов в контексте использования государственных и муниципальных земель?
- 2) Откуда (из каких показателей) рассчитать верную потребность в выделении указанных земельных ресурсов населению, или бизнесу?
- 3) Какие в итоге должны быть показатели, к чему необходимо стремиться государству и как в ходе работы можно эффективно менять стратегию и тактику работы с земельными ресурсами?

При всем этом, не стоит забывать и о том факте, что в марте 2015 г. был введен в действие Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 июня 2014 г., № 171-ФЗ [2]. Данный закон находился в руках законодателей достаточно длительное время, его постоянно видоизменяли, правили, вносили мелкие корректировки. Он нес под собой очень много изменений, обобщал по сути четверть вековую практику, и изменил около 40 статей, что составляет практически треть Земельного кодекса. Сложно сказать, являлись ли данные изменения самостоятельными или все-таки продолжали те шаги земельной реформы, начатые еще в 90-х гг. прошлого века. Инновации коснулись многих вопросов развития и управления земельными правоотношениями. В настоящее время вопрос планирования и контроля за предоставлением земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, регулируется как федеральными законами (Земельный кодекс РФ и иные федеральные законы), так и законодательством субъектов РФ, и нормативной базой органов местного самоуправления. Таким образом, при построении государственной стратегии развития стоит учитывать еще и позицию регионов и муниципалитетов в них, ведь львиная доля решений в планировании и контроле за землей лежит на местной власти. Земельные ресурсы по своей природе, выступают прежде всего, территорией, необходимой для развития любых видов деятельности, и рассматривать стратегию планирования

необходимо исходя именно из этого фактора. Таким образом, при прогнозе использования земельных ресурсов стоит опираться на два основополагающих документа: стратегию развития Российской Федерации, а также стратегию (схему) территориального развития Российской Федерации. Однако, несмотря на то, что было выпущено Постановление Правительства РФ от 20.08.2015 г., № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» [6], в данном документе нет ни единого положения о том, что необходимо планировать стратегию использования земельных ресурсов. То есть по сути, в данный момент у каждого муниципалитета есть своя собственная стратегия, которая находит свое отражения в локальных нормативных актах и планах, но нет федерального документа, объединяющего все указанные планы в общую стратегию развития страны. Остается надеяться, что такой документ в скором времени появится, ведь он позволит более качественно производить мониторинг использования земель в целом, а также даст возможность планировать построение целых отраслей экономики, особо крупных промышленных агломераций и т.д.

В настоящее время на территории Республики Бурятия, действует «Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 г.», принятая Народным Хуралом Республики Бурятия 28.02.2019 г. [8]. Данный документ заменил собой Закон Республики Бурятия от 14 марта 2011 г., № 1903-VI «О Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 г.», и по своему содержанию носит крайне похожий характер. Основной целью в плане использования земельных ресурсов, по-прежнему является установление сельского хозяйства, несмотря на то, что регион относится к районам рискованного земледелия. Также данная стратегия предполагает предоставление земельных участков в долгосрочную аренду для построения локальной деревообрабатывающей промышленности, которая сможет аккумулировать переработку лесных ресурсов в границах региона, предотвратив его вывоз за границу. Большой упор делается на предоставление земельных участков гражданам, ввиду вхождения Республики Бурятия в состав Дальнего Востока, в рамках программы «дальневосточный гектар» [4]. Также данный документ делает акцент на использование земельных сельскохозяйственных участков, которые были переданы в частные руки в период 90-хх гг. прошлого века, и остаются неиспользуемыми в данное время. Земельное законодательство дает право ввиду неиспользования таких земель произвести их перераспределение и направить их в новых качествах для включения в хозяйственный оборот [10, с. 14].

Государство проводит реализацию своих полномочий в плане правового регулирования земельных правоотношений путем исполнения четко оговоренных функций [15, с. 54]. Нынешним земельным законодательством предусмотрена специальная процедура образования земельных участков из тех земель, которые находятся в государственной или муниципальной собственности. Данная процедура устанавливает рамки для проведения такого выделения, правила распоряжения и владения должны быть предусмотрены нормативной базой уровня субъекта РФ или органами местного самоуправления [13, с. 51–52].

Однако планирование использования земельных угодий в современной России носит все-таки фрагментарный характер, нет единого документа, который мог бы объединить в себе все фокусы развития земельных правоотношений в стране. Как показывает практика, львиная доля всех вопросов, касающихся земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, касаются лишь программой развития сельского хозяйства или строительства в муниципальных образованиях, то есть развитие по большей части охватывает земли сельскохозяйственного назначения и земли населенных пунктов.

На наш взгляд, для более системного использования земельных ресурсов, необходимо включить вопросы их использования в программы районного уровня, уровня субъекта Федерации, а потом и в федеральный уровень, где все это будет систематизировано. Для обеспечения конкретики и систематизации в данной сфере, необходимо продолжать исследования и разграничивать вопросы, отражаемые в стратегиях развития, в схемах территориального развития и отраслевых программах.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г., № 136-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. С. 4147.
2. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2014 г., № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). С. 3377.
3. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24 июля 2007 г., № 221-ФЗ (в ред. от 03 июля 2016 г.) // Российская газета. 2007.

4. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1.05.2016 г., № 119-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. С. 2495.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 г., № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). С. 3378.
6. О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации: постановление Правительства РФ от 20.08.2015 г., № 870 (ред. от 15.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 35. С. 4989.
7. О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности: закон Республики Бурятия от 16 октября 2002 г., № 115-III (в ред. от 13 ноября 2019 г.) // Собрание законодательства Республики Бурятия. 2002. № 11(43).
8. О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 г.: закон Республики Бурятия от 28.02.2019 г., № 359-VI // Официальный интернет-портал Правительства Республики Бурятия: www.egov-buryatia.ru. 19.03.2019.
9. Васильев Э. Х. Правовые механизмы обеспечения прав граждан при предоставлении земель для строительства объектов недвижимости // Современное право. 2014. № 1. С. 70–74.
10. Железнов Д. С. Правоотношения по предоставлению земельных участков для строительства: понятие, структура, элементы // Аграрное и земельное право. 2015. № 5(125). С. 12–16.
11. Железнов Д. С. Предоставление земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, гражданам и юридическим лицам // Аграрное и земельное право. 2015. № 1. С. 24–31.
12. Орешкина О. В. Правовое обеспечение предоставления и изъятия земель: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2004. 24 с.
13. Прокошева Е. А. Особенности и некоторые проблемы административного санкционирования при предоставлении земельных участков для строительства в условиях земельной реформы // Юрист. 2016. № 7. С. 49–52.
14. Тарасов А. С. Организационно-экономическая система управления землепользованием в АПК: монография. Новочеркасск: Оникс+, 2007. С. 294.
15. Тихомиров М. Ю. Предоставление земельных участков для строительства: новые правила. М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2014. С. 54.

Спор или конфликт

© **Е. С. Слепнева**
магистрант 2-го года обучения
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
slepneva_elena90@inbox.ru

Статья посвящена самому распространенному на протяжении многих десятилетий известным законодательству спорам между работником и работодателем. Автор рассматривает обобщенную ситуацию, когда между работником и работодателем возникает индивидуальный трудовой спор или трудовой конфликт, как они отличаются друг от друга. А также, что необходимо делать в таких ситуациях, и куда нужно обращаться. Проанализировав часто возникающие ситуации в реальной жизни, автор пришел к мнению о том, что сегодня ТК РФ не полностью регламентирует порядок разрешения трудовых споров различными альтернативными способами, что является на сегодняшний день пробелом в праве и не способствует их решению проблем, возникающих при индивидуальных трудовых спорах. В целях данной эффективности восстановления этих нарушенных прав работника в трудовом законодательстве обязательно необходимо закрепить альтернативные способы разрешения индивидуальных трудовых споров.

Ключевые слова: работник, работодатель, трудовой договор, трудовой конфликт, трудовой спор, трудовые правоотношения, трудовое законодательство, комиссия по трудовым спорам, дисциплинарное взыскание.

The article is devoted to the most widespread disputes between an employee and an employer for many decades. The author examines the generalized situation when an individual labor dispute or labor conflict arises between an employee and an employer, how they differ from each other. And also what to do in such situations, and where to go. After

analyzing situations that often arise in real life, the author came to the conclusion that today the Labor Code of the Russian Federation does not fully regulate the procedure for resolving labor disputes by various alternative methods, which is currently a gap in the law and does not contribute to their solution of problems arising in individual labor disputes ... For the purpose of this effectiveness of the restoration of these violated rights of the employee, it is imperative to fix alternative methods of resolving individual labor disputes in labor legislation.

Keywords: employee, employer, labor contract, labor conflict, labor dispute, labor legal relations, labor legislation, labor dispute commission, disciplinary action.

В современной действительности в процессе действующих трудовых правоотношений между работодателями и работниками часто возникают различные виды конфликтов, чему и способствует ряд данных причин. В свое время, зачастую неправильное применение или неправильное толкование соответствующих норм трудового законодательства провоцирует возникновение определенного конфликта между сторонами трудового договора, что в следствии при отсутствии своевременного применения альтернативных способов разрешения конфликта, приводит к возникновению индивидуального трудового спора.

Предметом этого трудового конфликта или спора, в которых сторонами чаще всего являются работник и работодатель, могут быть нарушения норм трудового договора, например, несоблюдение работодателем права работника на своевременную выплату заработной платы, либо иных выплат относящиеся к оплате труда или неверное толкование действующей правовой нормы не только работодателем, но и работником. В данной ситуации это приводит работника к слабому знанию своих прав и должностных обязанностей, неправомерное смещение с должности или в другом случае увольнение работника и др. [1, с. 25].

Однако, трудовой спор и трудовой конфликт — это понятия неравнозначные. Отличительной особенностью спора и конфликта в сфере трудового права является то, что спор между работодателем и работником в целом регулируется действующим законодательством. В свою очередь о конфликте нормы трудового законодательства ничего не говорят, хотя трудовой конфликт также включает в себя столкновение интересов сторон трудового договора. С учетом этого следует предполагать, что трудовой конфликт также можно регулировать как правовыми, так и внеправовыми средствами.

Взаимосвязь трудового конфликта и трудового спора, на наш взгляд, является однозначной. Трудовой спор возникает из каких-то определенных конфликтных ситуаций, возникающих между работником и работодателем, и выступает своеобразной стадией развития трудового спора.

Решение определенных индивидуальных трудовых споров, зачастую принято разделять на доюрисдикционный и юрисдикционный порядок.

Доюрисдикционный порядок урегулирования трудового спора означает непосредственное (прямое) обращение работника к работодателю.

Юрисдикционный способ — это разрешение любых индивидуальных трудовых споров комиссиями по трудовым спорам (если таковые созданы и действуют в данной конкретной организации) либо в судебном порядке. Такой способ имеет место, если стороны возникшего спора не пришли к единому (согласованному) решению, или работник, обходя комиссию по трудовым спорам, на прямую отправляется в вышестоящую инстанцию, либо в суд. Нужно отметить, что данный выбор юрисдикционной процедуры будет зависеть только от характера спора и от решения заинтересованного лица в случае, когда закон допускает диспозитивное регулирование [4, с. 37].

Отношение к решению либо рассмотрению трудовых индивидуальных споров со стороны судов всегда было особым. В этом случае данная категория дел по своей сложности и своей социальной значимости разрешения как процессуального, так и материального порядка всегда выделялась и досих пор продолжает выделяться среди различных иных дел искового производства [3, с. 230].

На сегодняшний день конкретное определение индивидуального трудового спора закреплено в Трудовом кодексе Российской Федерации [ст. 381, 398 ТК РФ]. Согласно статье 381 ТК РФ под индивидуальным трудовым спором понимается неурегулированные разногласия между работниками и работодателем по вопросам применения трудового законодательства и различных нормативных правовых актов, которые содержат нормы трудового права, различного рода соглашения, коллективного договора, локальных нормативных актов, а так же трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [6].

В трудовом праве индивидуальный трудовой спор рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах:

- разногласие между работником и работодателем по вопросам применения норм трудового законодательства, а также содержания норм трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора;
- форма защиты нарушенного права, под этой формой понимается порядок конкретного урегулирования разногласий;
- подинститут трудового права, который определяется как совокупность правовых норм, регламентирующих порядок урегулирования разногласий, возникающих в процессе применения наемного труда.

Одной из самостоятельных разновидностей определенных коллизий в трудовом коллективе, которые порождают индивидуальные трудовые споры, является моббинг.

Моббинг — это своевременное, целенаправленное преследование или несправедливое отношение к сотруднику со стороны коллег или руководства. То есть травля сотрудника в коллективе с целью его последующего и желательного незамедлительного увольнения. Моббинг, бывает двух видов: вертикальный и горизонтальный. Вертикальный — возникает среди специалистов разных уровней, а горизонтальный — возникает среди работников одного уровня. Причинами именно горизонтального моббинга зачастую становятся новички либо талантливые сотрудники, к этим работникам чаще всего проявляется игнорирование, сплетни, предоставление недостоверной информации. Во многих случаях это происходит от работников, имеющих большой стаж работы, которые не хотят потерять свое рабочее место либо от работников, в которых видят соперников или конкурентов. Вертикальный моббинг за частую встречается, когда по каким-то различным причинам начальник хочет уволить сотрудника, но не может это сделать законным способом. Ввиду этого начальство изыскивает различные способы для травли сотрудника, что в последующем вынуждает его уволиться по собственному желанию.

Указанные причины конфликтов всегда лежат в основе индивидуального трудового спора.

В трудовых спорах всегда необходимо находить возможность разрешения, которая поможет урегулировать не только в судебном, но и в досудебном порядке. В досудебном порядке имеются следующие способы: медиация; разрешение индивидуального трудового спора в комиссии по трудовым спорам (далее — КТС) в рамках данной конкретной организации; защита трудовых прав в административном порядке.

Все вышеперечисленные способы имеют как плюсы, так и минусы, которые необходимо ликвидировать для развития российского трудового законодательства и практики разрешения индивидуальных споров в досудебном порядке.

В Трудовом кодексе Российской Федерации в ст. 384 установлен порядок создания комиссии по трудовым спорам, согласно которому данная комиссия формируется из равного количества представителей со стороны работников и со стороны работодателя. В этой же статье указано на то, что КТС может быть создана не только работодателем-организацией, являющейся юридическим лицом, но и индивидуальным предпринимателем. Исходя из этого, количественный состав комиссии зависит от численного состава конкретного коллектива или организации. Кроме того, в статье 387 ТК РФ установлено, что правомочным является заседание комиссии по трудовым спорам при участии в нем не менее половины членов этой комиссии, представляющих как работников, так и работодателя.

Таким образом, для признания решения КТС законным и правомочным необходимо присутствие половины членов комиссии с каждой стороны.

Рассмотрим, как пример, разрешение возникшего индивидуального трудового спора при численном составе комиссии в количестве четырех человек: по два представителя от работодателя и от работников. Из названного количества членов комиссии на момент рассмотрения заявления по индивидуальному трудовому спору два представителя от каждой стороны отсутствуют на рабочем месте. В таком случае решение по трудовому спору будет принимать один член комиссии со стороны сотрудника и один член комиссии со стороны руководства. Если при разрешении спора возникнут разногласия между членами комиссии, то последняя в таком составе не может принять решение, это в свою очередь приведет к затягиванию процедуры разрешения данного индивидуального трудового спора. В таком случае заинтересованная сторона в спорной ситуации может напрямую обратиться в суд. Однако, всегда имеют место исключения. В приведенной ситуации такое исключение допустимо при наличии счетной ошибки в начисленной и подлежащей взысканию денежной суммы. В такой ситуации комиссия по трудовым спорам в указанном составе может вернуться к разрешенному спору для уточнения суммы подлежащей взысканию.

Нужно отметить, что к компетенции комиссии по трудовым спорам относятся не все индивидуальные трудовые споры. В соответствии с со статьей 385 ТК РФ комиссия по трудовым спорам явля-

ется органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров за исключением споров, по которым Трудовым кодексом РФ и другими федеральными законами установлен другой порядок (для примера — это статьи 379,391 ТК РФ). Кроме того, обращение в комиссию по трудовым спорам не является для сотрудника обязательным шагом для досудебного разрешения возникшего индивидуального спора, даже в том случае, когда по своему характеру такой спор отнесен к компетенции КТС. Согласно положениям статьи 391 ТК РФ работник может не обращаться в комиссию по трудовым спорам, а обратиться за защитой своих прав сразу непосредственно в суд.

Разрешение трудовых споров в судебном порядке так же имеет множество проблематичных вопросов. Главной причиной все-таки будет являться срок обращения работника в суд за восстановлением нарушенного права.

В статье 392 Трудового кодекса Российской Федерации предложено несколько видов сроков для обращения в суд. Установленный срок для обращения в суд — это три месяца с момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права, за исключением спора о законности увольнения. В случае, если речь идет об увольнении, тогда законодательство устанавливает один месяц для обращения работника в суд с момента вручения копии приказа об увольнении или со дня выдачи ему трудовой книжки. Если спор связан с невыплатой или неполной выплатой заработной платы работнику или окончательного расчета при увольнении, то работник имеет право и может обратиться в суд в течении одного года со дня установленного законом срока выплаты указанных сумм.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что судья не вправе отказать в принятии искового заявления по мотивам пропуска срока обращения в суд.

В качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд называются обстоятельства, препятствующие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (болезнь истца, необходимость осуществления ухода за тяжело больным членом семьи, нахождение в командировке).

Последствия пропуска срока обращения в суд могут быть применены судом лишь при заявлении об этом в судебном заседании второй стороной спора (часть первая и вторая ст. 392 ТК РФ).

Судья, установив, что срок обращения в суд пропущен без уважительной причины, вправе принять решение об отказе в иске. Такой отказ может быть именно по основанию пропуска срока обращения в суд без уважительных причин, при этом не требуется исследования иных фактических обстоятельств по делу (абз. 2 части 6 ст. 152 ГПК РФ) [5].

Одним из примеров, свидетельствующих о наличии проблем в этой области, является нижеприведенная ситуация по обращению в суд для оспаривания нарушенного права в установленный трехмесячный срок.

На практике часто возникают случаи, когда работник был привлечен к дисциплинарной ответственности за незначительное трудовое нарушение. Работник понимал, что при наложении дисциплинарного взыскания с него не потребовали объяснения или, потребовав их, не учли его аргументацию. Однако, работник не стал оспаривать это нарушение, которое в дальнейшем привело к более тяжелым последствиям, таким, как увольнение за неоднократное неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей (п.5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). Чаще всего встречается ситуация, когда работник в течение календарного года с момента наложения первого дисциплинарного взыскания подвергается новому дисциплинарному взысканию только уже в виде увольнения. Естественно, в этой ситуации трехмесячный срок оспаривания первого дисциплинарного взыскания был пропущен и уважительные причины пропуска срока обжалования первоначального дисциплинарного взыскания невозможно установить. Оспаривание законности такого увольнения, при соблюдении работодателем процедуры наложения второго дисциплинарного взыскания в виде увольнения, составляет большую сложность, а иногда практически невозможно.

Рассмотрим еще один вопрос. Работник, по мнению работодателя, совершил два дисциплинарных проступка в один день. Имеет ли работодатель право за первый из них привлечь работника к дисциплинарной ответственности в виде замечания или выговора, а затем в пределах предусмотренного законом месячного срока привлечения к дисциплинарной ответственности уволить за второй дисциплинарный проступок на основании п. 5 ч.1 ст. 81 ТК РФ?

Полагаем, что работодатель не вправе уволить работника в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности на основании п. 5 ч.1 ст. 81 ТК РФ за второй дисциплинарный проступок, поскольку, исходя из содержания названной правовой нормы, увольнение за неоднократное неисполнение работником трудовых обязанностей может быть применено только тогда, когда работник уже имеет дисциплинарное взыскание. В данном же случае при совершении в один и тот же день второго дисциплинарного проступка работник еще не был привлечен к дисциплинарной ответственности.

Согласно ч. 5 ст. 193 ТК РФ за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Таким образом, в случае, когда работник в течение одного дня совершил два проступка, работодатель вправе наложить за каждое из них по одному дисциплинарному взысканию в виде замечания и (или) выговора с соблюдением предусмотренной законом процедуры их наложения. Однако, если работник на день совершения двух проступков не имел дисциплинарного взыскания, то уволить его по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ нельзя [2].

На сегодняшний день Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит норм, регламентирующих порядок разрешения трудовых споров иными альтернативными способами, что на наш взгляд является пробелом в праве и не способствует разрешению проблем, возникающих при индивидуальных трудовых спорах. В целях эффективности восстановления нарушенных прав работника трудовое законодательство должно предусмотреть альтернативные способы решения индивидуальных трудовых споров. В любом случае корректировка законодателем в целях устранения пробелов и противоречий отдельных положений трудового законодательства может привести к значительному снижению дискуссионных вопросов в сфере разрешения трудовых споров [6].

Литература

1. Андерсен Э. Ф. Трудовой конфликт. М.: Моск. губсуд. 1925. С. 25.
2. Гефтер Ю. А. Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Мурзина Е. А. Влияние процессуальных нововведений на разрешение трудовых споров // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы: V Тихоокеанский юридический форум, 3-5 октября 2019 г.: материалы / сост. Н. Г. Присекина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. 264 с.
4. Чуча С. Ю. Участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров // Трудовое право. 2004. № 11. С. 37.
5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.03.2011 г., № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г., № 197-ФЗ (ред. от 12.11.2019г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
7. Шепелева А. А. Основные направления эффективности внесудебной защиты трудовых прав и законных интересов или к вопросу о необходимости функционирования комиссии по трудовым спорам // Трудовое право. 2007. № 8. С. 14.
8. Научная электронная библиотека «Трудовые споры: проблемы теории и практики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp>

Сравнительный анализ положений о финансовых деривативах в странах Японии, США и России

© Л. А. Хангаев
студент 2-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
khangaeв.leonid@gmail.com

Статья освещает основные положения о производных финансовых инструментах в России, Японии и США, указаны основные недостатки в определении производного финансового инструмента.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты, финансовые деривативы, ценные бумаги.

The article discusses the key aspects on derivatives in Russia, Japan and the USA; indicated the main disadvantages in the definition of a derivatives.

Keywords: derivatives, securities.

В современном мире повышается роль и влияние финансового рынка на мировую экономику. В данной ситуации невозможно не говорить о значимости производных финансовых инструментов для

рынка ценных бумаг, поскольку последние имеют неоспоримые преимущества по диверсификации рисков и их страхованию, что позволяет экономическим субъектам инвестировать, а банкам кредитовать гораздо интенсивнее, что повышает в количественном и качественном отношении движения капитала между странами и экономическими агентами. Автором настоящей работы был проведен компаративный анализ российского законодательства со странами США и Японии, выбор, в первую очередь, был обусловлен тем, что и США, и Япония являются основными финансовыми центрами как в своих регионах, так и в мире, более того, именно эти страны являются пионерами в области использования производных финансовых инструментов.

Производные финансовые инструменты или финансовые деривативы не имеют на данном этапе четкого определения, как в законодательстве, так и в научной доктрине. В российском законодательстве дается определение понятию финансового дериватива в ст.2 Федерального Закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.96 г., № 39-ФЗ (далее — ФЗ «О рынке ценных бумаг») как договор, за исключением договора репо, предусматривающий одну или несколько из перечисленных обязанностей:

- 1) обязанность сторон или стороны договора периодически или единовременно уплачивать денежные суммы, в том числе в случае предъявления требований другой стороной, в зависимости от изменения цен на базовый актив;

- 2) обязанность сторон или стороны на условиях, определенных при заключении договора, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом;

- 3) обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороны не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное имущество и указание на то, что такой договор является производным финансовым инструментом.

Данное определение не отражает суть финансовых деривативов, поскольку в нем упускается отличительная черта опционов, как ценных бумаг, способных управомочить на создание обязательства по покупке или продаже базового актива [3, с. 84]. В случае с законодательным определением в США, то Закон Додда-Франка 2010г. [3, с. 84] определяет финансовые деривативы через перечисление последних [3, с. 84].

В Японии данную сферу регулирует Закон «О финансовых инструментах и фондовых биржах» 2006г. [5, с. 68] и во многом рецепирует положения американского закона.

Одним из наиболее популярных определений финансовому деривативу в отечественной науке можно считать определение А. В. Габова [2, с. 327]: производный финансовый инструмент — любая ценная бумага, содержанием которой являются права на другие ценные бумаги (базовые ценные бумаги) и/или права из других ценных бумаг, причем А. В. Габов относит к базовым ценным бумагам те бумаги, которые могут служить основанием для возникновения производных. Однако в экономических кругах финансовые деривативы определяются, исходя из других позиций, например, экономист Джон Халл определяет производные финансовые инструменты как ценные бумаги, стоимость которых производится из базовых величин (других ценных бумаг, цен на определенный товар, погоды и т.п.) [7, с. 1]. Видимые различия в определениях приведенных выше заключаются, в первую очередь, в различных пониманиях деривативов между юридической и экономической наукой. Однако мы остановимся на определении А. В. Габова, главный недостаток которого заключается в том, что финансовые деривативы признаются ценными бумагами наряду с другими ценными бумагами, Е. А. Суханов считает, что опционы и фьючерсы не могут служить ценными бумагами, а представляют собой биржевые договоры [3, с. 82]. Вместо этого определения, мы считаем, что понятие дериватива как двустороннего договора, заключаемого с целью перехода риска и доходов от изменения базового актива, цена которого производна от цены и степени рискованности изменения такого актива и по которому во-первых, стороны обязаны в определенных договором случаях (сроки, события и т.д.) купить (продать) данный актив или уплатить денежные суммы в будущем либо во-вторых, одна из сторон приобретает за плату или иное встречное предоставление право требовать возникновения указанных обязательств в определенные сроки [3, с. 85].

Основные преимущества финансовых деривативов заключаются в трех положениях [4, с. 60]:

- 1) хеджирование, то есть возможность страхования рисков в случае изменения цен на базовый актив;

- 2) извлечение прибыли от сделки, основанной на изменении стоимости дериватива или базового актива;

- 3) снижение рисков путем открытия противоположных позиций на один актив, но на разных фондовых рынках.

Однако на современном этапе, российский рынок финансовых деривативов существенно отстает от развитых стран Европы, Азии и Америки, что связывается, в первую очередь, с отсутствием регулирования в сфере раскрытия информации со стороны банка-участника рынка, который заключает подобные биржевые сделки [6].

Литература

1. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22.04.96 г., № 39-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Габов А. В. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка. М.: Статут, 2011. 1104 с.
3. Молотников А. Е., Гарслян Л. А. Новый подход к определению производных финансовых инструментов // Вестник московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 2. С. 77–86.
4. Мельникова Н. С., Коннова А. В., Логвинова А. С. Проблемы и пути их решения на рынке производных финансовых инструментов в современных условиях // Научный результат. Экономические исследования. 2019. Т. 5, № 2. С. 58–65.
5. Фролова Е. Е. Финансовая система Японии: правовое регулирование споров между поставщиками и потребителями финансовых услуг // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9, № 1. С. 67–73.
6. Почему в России не развит рынок деривативов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.if24.ru/rynok-derivativov-v-rossii> (дата обращения: 12.04.2020).
7. Hull J. C. Options, Futures, and other Derivatives. N.J., 2009.

Сравнительно-правовой анализ алиментных обязательств родителей по законодательству России и Китая

© **Б. Б. Цыденова**
магистрант 1-го года обучения
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
btsydenova97@mail.ru

Статья посвящается одной из актуальных проблем современности — алиментам. Воспитание и содержание детей — главная обязанность обоих родителей. Алименты — это целевой вид выплат, возникающий как обязанность родителя содержать своего несовершеннолетнего ребенка материально, вне зависимости от своего материального положения. Рассматриваются случаи предоставления содержания родителями своим совершеннолетним детям. В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ алиментных обязательств родителей по законодательству России и Китая.

Ключевые слова: материальное содержание детей, алименты, алиментные обязательства, алиментные отношения, Россия, Китай, семейное право.

The article is devoted to one of the pressing problems of our time - alimony. Raising and maintaining children is the main responsibility of both parents. Alimony is a target type of payment arising as a parent's obligation to support their minor child financially, regardless of their financial situation. Cases of parents providing content to their adult children are considered. This article provides a comparative legal analysis of parental support obligations under the laws of Russia and China.

Keywords: material maintenance of children, alimony, alimony obligations, alimony relations, Russia, China, family law.

Предоставление содержания своим несовершеннолетним детям, во всех странах является прямой обязанностью родителей и в большинстве случаев выполняется ими добровольно. В случае уклонения или ненадлежащего предоставления средств для материального обеспечения жизни ребенка, у родителей возникает алиментное обязательство. По верному определению Б. М. Гонгалло, «в основании алиментного обязательства родителей в отношении несовершеннолетних детей находится такой факт-состояние, как родство первой степени, и либо соглашение об уплате алиментов, либо решение суда» [9, с.175].

Из законодательства России следует, что определение понятия «алименты» отождествляется с понятием «содержание». Так из п. 2 ст. 80 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) [8], следует, что средства на содержание несовершеннолетних детей — это алименты. В Законе «О браке» КНР дефиниция «алименты» не встречается [1].

В Российской Федерации за материальное благополучие детей отвечают оба родителя, то есть как отец, так и мать несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 80 СК РФ). Область алиментных отношений в Китае регулируется законом КНР «О браке», где также предусмотрена обязанность родителей содержать и воспитывать детей (ст. 21 закона КНР «О браке»). Здесь нужно отметить, что в российском законодательстве алиментным обязательствам посвящен V раздел (ст. 80–120) СК РФ, а в законе КНР «О браке» алиментным обязательствам посвящено несколько статей (ст. 21, 23, 25, 36, 37, 48).

Обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей в России предусмотрена ст. 80 СК РФ. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно. В первую очередь под этим подразумевается добровольное, надлежащее обеспечение родителями своих детей.

В Китае на родителей так же возлагаются обязанности по содержанию и воспитанию детей. В соответствии со ст. 21 Закона КНР «О браке», родители обязаны кормить и воспитывать своих детей. Если родители не выполняют свои обязанности, то несовершеннолетние дети или те дети, которые еще не могут самостоятельно зарабатывать на жизнь, имеют право требовать, чтобы их родители обеспечили им средства к существованию. При этом после развода, также как и в России, оба родителя по-прежнему сохраняют право и обязанность содержать и воспитывать своих детей (ст. 36 закона КНР «О браке»).

Алименты в Китае, как и в большинстве стран, выплачивают до 18 лет. Прекращение выплат может наступить и после 16, если ребенок уже работает либо служит. Суд КНР определяет размер алиментов на основании сведений, предоставленных обеими сторонами: налоговые декларации, размер зарплаты; размер подтвержденных расходов (еда, одежда, образование) и т.д. В Российской Федерации выплата алиментов на несовершеннолетних детей прекращается в случаях их эмансипации, вступления в брак (п.2 ст. 120 СК РФ).

Согласно ст. 25 закона КНР «О браке» внебрачные дети обладают равными правами с детьми, рожденными в браке. Биологические родители, которые непосредственно не принимают участие в воспитании своих внебрачных детей, обязаны нести расходы по их содержанию и воспитанию до тех пор, пока ребенок не сможет сам добывать средства к существованию.

В России также закреплена обязанность биологических родителей содержать своих детей, даже если они рождены не в браке. Правовые нормы, задачей которых является охрана интересов несовершеннолетних, рожденных от лиц, брак которых не заключен в органах ЗАГС в установленном законом порядке, содержатся в СК РФ, а именно — в 10-й и 11-й главе Семейного кодекса РФ.

При разводе в Китае согласно ст. 37 Закона КНР «О браке» при оставлении детей на содержании одной из сторон после расторжения брака другая сторона обязана полностью или частично нести необходимые расходы на проживание и образование детей; определение размера и длительность срока оплаты устанавливается соглашением сторон; при отсутствии согласия — решением народного суда.

В России при расторжении брака, родители вправе заключить соглашение об уплате алиментов на ребенка. Такое соглашение должно быть удостоверено нотариально. Также возможно и судебное разрешение спора путем вынесения решения или судебного приказа. Допускается судебное уменьшение или увеличение установленных долей, удерживаемых из заработной платы на содержание несовершеннолетних детей (на одного ребенка — одной четверти, на двух детей — одной трети, на трех и более детей — половины заработка и (или) иного дохода родителей). Суд вправе определить размер алиментов в твердой денежной сумме при отсутствии регулярного заработка у родителя, на которого возложена обязанность по их уплате, либо взыскание алиментов невозможно и затруднительно по иной причине (ст. 81 СК РФ). Социально важной является норма Семейного кодекса Российской Федерации (ст. 84 СК РФ), закрепляющая право на взыскание алиментов на детей, оставшихся без попечения родителей.

Алиментные выплаты — это важная часть для обеспечения достойной жизни ребёнка. Установление законодательством определённых сроков и сумм лишь упорядочивает систему выплат. Наиболее распространенный вид алиментов в России — ежемесячные денежные перечисления. Но возможна также единовременная выплата в виде передачи имущества или определенной денежной суммы при заключении алиментного соглашения.

Нормами семейного законодательства РФ (ст. 107 СК РФ) предусмотрены следующие формы уплаты алиментов по соглашению:

- в долевом соотношении к доходам лица, обязанного выплачивать алименты;
- в твердой денежной сумме, уплачиваемой периодически;
- в твердой денежной сумме, уплачиваемой единовременно;
- путем предоставления имущества;
- иными способами по соглашению сторон.

Сумма алиментов, выплачиваемая по соглашению, не должна быть менее размера, предусмотренного ст. 81 СК РФ.

Размер выплат на одного ребенка в КНР в процентах к доходу в среднем составляет 25%. В твердой денежной сумме алименты регулируются уровнем прожиточного минимума на ребёнка в конкретном регионе. По сложившейся правовой практике сумма алиментов составляет от 20 до 30% от заработка, но может быть увеличена или уменьшена судом Китая в зависимости от конкретных обстоятельств.

В России судебные приставы применяют к должникам по алиментам различные меры принудительного исполнения, обусловленные Федеральным законом «Об исполнительном производстве» [12] и СК РФ. Наиболее частая мера — ограничение в праве выезда за пределы Российской Федерации. Еще одна мера воздействия, предусмотренная указанным законом — ограничение на пользование специальным правом на управление транспортным средством (ст. 67.1). Так же может быть назначено административное наказание по ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3]. В соответствии со ст. 157 Уголовного кодекса РФ должник может быть привлечен к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов [10]. Санкция данной статьи предусматривает исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на тот же срок, либо арест на срок до трех месяцев, либо лишение свободы на срок до одного года.

При неисполнении установленных законом норм по уплате алиментов, законодательством КНР предусматривается уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет, краткосрочного ареста или надзора (ст. 261 Уголовного кодекса КНР) [11].

Китайской Народной Республикой на государственном уровне разработаны законодательные нормы, обеспечивающие охрану прав женщин и детей, равенство и взаимоуважение супругов, ответственность за непочитание старших. Таковым, например, является Закон КНР об охране здоровья матери и ребенка, который был принят в 1994 г. [2]

В России семейное законодательство обязывает родителей содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи (ст. 85 СК РФ). В Китае нетрудоспособные дети имеют право потребовать от родителей выплаты расходов по содержанию (ст. 21 Закона КНР о браке).

Семья в Китае, как и в большинстве стран мира, меняет свою форму и содержание. Трансформация традиционной семьи приводит к необходимости трансформации семейного законодательства, о чем свидетельствуют многократные разъяснения Верховного Суда Китая. Так первое Разъяснение Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке», принятое в 2001 г., определяет, какие совершеннолетние дети являются нетрудоспособными и могут требовать выплаты алиментов от родителей (а также расходы детей, которые должны оплачиваться родителями) [6]. В свою очередь третье разъяснение Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» принятое в 2011 г. содержит разъяснения норм Закона КНР «О браке» и правила применения их судами в части выплаты алиментов детям родителями, не выполняющими обязанность по содержанию детей в период существования брака [7].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г., № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [5] и в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) [4] дает разъяснения о порядке взыскания алиментов на содержание как несовершеннолетних, так и совершеннолетних детей.

Сравнивая алиментные обязательства в России и Китае хочется отметить их сходство и различие. Так и в Российской Федерации, и в КНР действует законодательство, регулирующее семейные правоотношения, то есть отношения, которые возникают из факта брака, родства и принадлежности к семье. В России, начиная с 1993 г., принято более 200 нормативно-правовых актов, касающихся всех сфер жизнедеятельности брака, семьи и детей, в том числе нацеленных на расширение мер их социальной защиты, алиментных обязательств. В Китае количество принятых в последнее время нормативно-правовых актов, касающихся семейных правоотношений: 9 законов, 18 административно-правовых правил, 428 официальных судебных толкований, 182 внутриведомственных постановления.

Что касается размера алиментных выплат, то в обеих странах они схожи. Россия и Китай, кроме семейно-правовой ответственности, предусматривают административное и уголовное наказание за нарушение алиментных обязательств, уклонение от алиментных выплат. В то же время алиментное законодательство России более полно отвечает требованиям времени и постоянно модернизируется с учетом общей правовой ситуации в стране, в то время как алиментное право Китая более консервативно и обновляется не так часто.

Дела о взыскании алиментов являются одной из распространенных категорий дел, рассматриваемых и разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим особое значение приобретает задача повышения эффективности действующего законодательства, регулирующего алиментные обязательства, решение которой напрямую связано с обеспечением жизненных интересов миллионов наименее защищенных членов общества. Из вышеизложенного следует, что законодательство об алиментных обязательствах в исследуемых странах, безусловно, требует дальнейшего изучения в целях его совершенствования в интересах детей, которые нуждаются в материальном обеспечении.

Литература

1. О браке: закон КНР [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch1 (дата обращения: 20.04.2020).
2. Об охране здоровья матери и ребёнка: закон КНР, 1994 г. Пекин, 2003.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г., № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.
5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление пленума Верховного суда РФ от 26.12.2017 г., № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
6. О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» (№ 1): разъяснение Верховного народного суда // Толкование законодательства. 2001. № 30.
7. О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» (№ 3) [Электронный ресурс]: разъяснение Верховного народного суда. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 20.04.2020).
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г., № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
9. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 270 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://legal-way.ru/other45.php> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 г., № 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Сравнительный анализ развития правового обеспечения микрофинансовой деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

© К. А. Шушакова
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
Россия, г. Екатеринбург
Solikcity2000@inbox.ru

Статья посвящена такой актуальной теме, как микрофинансовые организации и их законодательное регулирование. Анализируя причины популярности микрофинансовых учреждений, делается вывод об их роли сегодня. Рассматриваются основные нормативные акты, регулирующие институт микрофинансирования. Акцентируется внимание на сходствах и различиях в процессе урегулирования МФО.

Ключевые слова: микрофинансирование; микрофинансовые организации; правовое регулирование; законодательная база; Россия; Китай.

The article is devoted to such a topical topic as microfinance organizations and their legislative regulation. Analyzing the reasons for the popularity of microfinance institutions, we conclude about their role today. The main normative acts regulating the microfinance institution are considered. Attention is focused on the similarities and differences in the process of settlement of MFIs.

Keywords: microfinance; microfinance organizations; legal regulation; legal framework; Russia; China.

Прообразы современных микрофинансовых организаций появились еще в средневековье, когда большой популярностью обладали ростовщический кредит, выдаваемый под большой процент и монашеские ломбарды, выдающие займы под наименьший процент, однако с условием залога. Вообще, микрокредитование в первую очередь было направлено на сельское население, так как им были недоступны крупные городские банки, а необходимость средств на развитие сельского хозяйства была высока. Первые организации были образованы с помощью благотворительных взносов, позже они развились в кредитные союзы и кооперативные банки, целью которых было снижение зависимости фермеров от ростовщиков и повышение их благосостояния [2].

Нынешняя популярность МФО объясняется несколькими факторами: во-первых, человеческая жизнь очень непредсказуема, а ситуации, которые требуют немедленных вложений возникают спонтанно и неожиданно, например, срочная госпитализация или необходимость в починке сломанной вещи, покупке новой и так далее. В таких случаях сразу тяжело сориентироваться даже людям со стабильным заработком, а если учесть, что многие получают заработную плату за количество выполненных работ или отработанных часов, то сама мысль взять средства до первой возможности вернуть не кажется такой далекой и несурзадной. Думая о здоровье, близких, о благополучии семьи, люди и обращаются в МФО. Во-вторых, микрофинансовые организации часто предлагают достаточно выгодные условия, а заманчивая реклама как бы наталкивает покупателей на «быстрые и легкие» денежные средства. В-третьих, шаговая доступность, а зачастую и доступность в сети Интернет, делает микрозаймы привлекательными для студентов, людей с низким уровнем заработной платы. Для оформления микрозайма не требуется поручитель и большое количество документов, достаточно лишь предоставить копию паспорта и персональные данные.

Сегодня микрофинансирование уже не является финансовым институтом, содействующим малому бизнесу, предоставляя средства под низкий процент. Постепенно такие организации все больше отходят от своей первоначально социально значимой цели. Их деятельность в большей степени направлена на предоставление средств в более удобной и быстрой, чем в банках, форме. Основными клиентами теперь являются не предприниматели, желающие развить бизнес, а физические лица, не имеющие постоянный доход или имеющие неподтвержденный источник дохода. Это связано с тем, что население ввиду роста цен и отсутствия роста доходов ощущает нехватку свободных денежных средств, которые необходимы им для покрытия ряда своих потребностей [1]. Рассмотрев деятельность МФО с экономической точки зрения, можно сделать вывод, что она направлена на привлечение прибыли учредителями такой микрофинансовой организации и предоставление небольших сумм физическим и юридическим лицам на возмездной основе с выплатой процентов на короткий срок. Если экономических механизмов схож во всех странах, то правовое регулирование имеет существенные различия. Начнем анализ законодательного обеспечения микрофинансовой деятельности с России. Для начала стоит отметить, что деятельность МФО не регулируется законами о банковской деятельности. Микрофинансирование в РФ обладает своей законодательной базой. Основным законом, регулирую-

щим деятельность МФО, является ФЗ N 151 «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Он устанавливает основные условия и порядок осуществления деятельности микрофинансовых организаций, включая обязанность вносить сведения в гос. реестр МФО, а также состоять в одной из саморегулируемых организаций. Важные особенности деятельности МФО также закреплены в федеральных законах, устанавливающих основы защиты прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности, в нормативных актах по противодействию легализации доходов. Такие законы, как ФЗ «О персональных данных», ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» тоже содержат нормы, регулирующие деятельность МФО. Так как основным видом деятельности является выдача относительно небольшой суммы денежных средств, то необходимым элементом правового обеспечения являются такие законы как «О кредитных историях» и «О потребительском кредите». Микрофинансовые организации в России довольно свободны в своих действиях, закон устанавливает невмешательство органов власти в их деятельность, однако надзор за соблюдением законодательства осуществляется Банком России, которому принадлежат такие полномочия, как ведение госреестра, запрос и проверка информации о деятельности МФО, направление обязательных для исполнения предписаний. В нынешних реалиях, в Российской Федерации все организации, специализирующиеся на микрофинансировании, в зависимости от объема, сроков, целевой аудитории, разделили рынок микрофинансирования на три части. Чаще всего организации выбирают основным видом деятельности предоставление кредитов до зарплаты. Иные МФО предпочитают выдавать потребительские кредиты физическим лицам, к третьей же группе относятся организации, специализирующиеся на займах для предпринимателей. На конец 2019 г. в реестре Микрофинансовых организаций находятся более 1900 МФО, осуществляющих свою деятельность на территории РФ. Ограничения предельного размера долга по займу, а также процентной ставки привели к уменьшению количества организаций на рынке. Центробанк же, говоря об изменении в конъюнктуре рынка микрофинансирования, отмечает, что компании, имеющие большой опыт и определенную клиентскую базу, постепенно переходят из сегмента займов до зарплаты к займам физическим лицам. Из положительных тенденций следует отметить, что многие фирмы полностью осуществляют свою деятельность на интернет-платформах, что уменьшает риск получения «ненужных» займов в местах массового скопления людей, также на государственном уровне ведется борьба с фирмами-пустышками через установление повышенных требований к уставу, к членству в СРО, безусловно, важным моментом в нормализации и легализации деятельности МФО стала законодательно закреплённая защита заемщиков от коллекторов.

Говоря о нынешнем уровне развития микрофинансирования в Китае, следует отметить, что на сегодняшний день, в виду отсутствия легального определения в законодательстве Китая, не до конца установлен правовой статус МФО. Прежде всего следует сказать о том, что комиссия по регулированию банковской деятельности Китая не относит микрофинансовую компанию к числу финансовых организаций, то есть микрофинансовая компания является обычным обществом с ограниченной ответственностью или акционерным обществом, которая занимается микроссудной деятельностью. Однако если обратиться к Административным мерам «Об инструкции пилотных микрофинансовых компаний», то можно найти упоминание о том, что микрофинансовая компания является финансовой компанией [3]. Изначально микрозаймы на небольшой срок предоставлялись как средство борьбы с бедностью, в основном на селе. Сегодня МФО действуют как в организационно-правовой форме сельских банков, так и в форме микрокредитных компаний и компаний по предоставлению кредитных гарантий, которые предоставляют средства для физических лиц и малого бизнеса. По мере увеличения популярности МФО, значительно выросло и их количество. Начиная с 2007 г. рынок увеличивался больше, чем на 200% в год. До определенного времени такая тенденция устраивала властей, так как ей сопутствовало значительное увеличение потребления. Главным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность микрофинансовых организаций, является документ под названием «Руководящие мнения Комиссии по регулированию банковской деятельности КНР и ЦБ КНР о тестировании МФО». Описывая основные принципы деятельности МФО такие, как способ формирования капитала или же подконтрольность Народному Банку, документ не установил ни ограничения по кругу лиц получения займа, ни способы истребования задолженности, ни пределы процентной ставки по займу. Такая неурегулированность привела к негативным последствиям, МФО для возврата займа в качестве залога брали обнаженные фото студентов-заемщиков, нанимали людей, которые возле дома должника рассказывали всем о его нечестном поведении, доходило до того что в качестве коллекторов выступали ВИЧ-инфицированные сотрудники, обещавшие заразить в случае неуплаты долга. Выдача микрозаймов студентам и безработным, следовательно, людям, не имеющим постоянного фиксированного дохода, приводила к невозможности уплаты ими долга и процентов, что подталки-

вало их на самоубийства. Оценив всю остроту проблемы, глава Китайского Народного Банка, говоря о поощрении развития МФО, отметил необходимость перехода от слабого контроля за их деятельностью к умеренному. Сегодня в КНР осуществляют свою деятельность около 2,5 тыс. МФО. Народный Банк и финансовые регуляторы, объединившись, приняли документ «Уведомления об упорядочивании и регулировании деятельности микрофинансовых организаций». Документ установил ограничение годовой процентной ставки в районе 36%, обязал микрофинансовые организации устанавливать и указывать в договоре именно годовую ставку, а не суточную, что вводило в заблуждение заемщиков. Организации лишили права предоставлять микрозаймы лицам, не имеющим стабильного дохода, а для проверки платежеспособности их обязали использовать новые технологии, например, большие данные. Народный банк Китая приостановил выдачу лицензий, а те компании, что получили ее ранее, подверглись повторным проверкам на соответствие законодательству. Не смотря на наличие серьезных проблем в деятельности МФО, власти Китая все же видят в данном институте перспективу. Стимулирование микрофинансовых компаний, расширение каналов финансирования МФО являются пунктами программы развития финансовой системы, а также содержатся в государственном плане социально-экономического развития на 2016–2020 гг.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономические механизмы деятельности и в России, и в Китае схожи, однако правовое регулирование такого института, как микрофинансирование отличается. Прежде всего это связано с различием в подходах к организационно-правовой форме МФО, так как в отличие от России в Китае микрофинансовые учреждения осуществляют свою деятельность наравне с обществами. Развитие законодательного обеспечения МФО в России и в Китае имеет не мало схожих моментов. Так, и в одной и в другой стране правовые акты принимаются не как инструмент предупреждения правонарушений, а скорее, как ответная реакция на их злоупотребления.

Литература

1. Замалева Л. Р. Развитие микрофинансовых организаций в кредитной системе России / Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова // Современные проблемы и перспективы развития банковского сектора: материалы IV Всерос. науч.-практ. (заочной) конф. / отв. ред. Я. Ю. Радюкова. 2019. С. 32–38.
2. Захкин А. А. Микрофинансирование на рынке финансовых услуг: история вопроса и мировой опыт / Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов // Банковские услуги. 2013. С. 8–14.
3. Хаожнань Ч. Вопрос о субъектах кредитного договора Китая и России / Сибирский федеральный университет // Аллея науки. 2018. С. 173–177.

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Ответственность за нарушение закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний по уголовному праву КНР

© Ван Ли
магистрант
Китайский политико-юридический университет
КНР, г. Пекин

В статье представлен анализ уголовно-правового противодействия преступному нарушению закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний в контексте борьбы с коронавирусом в Китае. Рассмотрены проблемы толкования и применения соответствующих криминообразующих признаков. В результате предложены некоторые рекомендации при правовой оценке общественно опасных деяний.

Ключевые слова: уголовное наказание, распространение коронавируса, нарушение закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний

The article presents an analysis of the criminal law countering the criminal violation of the law on the prevention and treatment of infectious diseases in the context of the fight against coronavirus in China. The problems of interpretation and application of the corresponding criminals are considered. As a result, some recommendations were proposed for the legal assessment of socially dangerous acts.

Keywords: criminal punishment, spread of coronavirus, violation of the law on the prevention and treatment of infectious diseases.

В декабре 2019 г. в городе Ухань Китая был зафиксирован новый тип коронавируса (2019-nCoV), вызывающий быстрое развитие пневмонии и характеризующийся передачей между людьми. Ситуация осложнилась тем, что в конце — начале года народы массово путешествуют по стране, навещая своих близких. В этот критический момент борьбы с эпидемией небольшое число людей умышленно скрывали свою болезнь, симптомы, неправильно информировали об истории поездок, проживания и тесных контактах, в результате этих действий многие люди и даже медицинский персонал были инфицированы или попали в карантин [1], что способствовало дальнейшему распространению инфекции и созданию угрозы общественной безопасности.

10 февраля 2020 г. Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура, министерство общественной безопасности и министерства юстиции КНР, совместно опубликовали «Мнения о наказаниях за преступления, связанные со вспышкой нового типа коронавируса в соответствии с законом» (далее именуемые «Мнения») [2], подчеркивая суровое наказание за преступления, подрывающие борьбу с эпидемией. По состоянию на 26 февраля 2020 г. Верховная народная прокуратура Китая в итоге опубликовала сведения о 21 типичных случаях преступлений [3] на фоне эпидемии, из чего 7 случаев относятся к нарушению закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний. Напомним, что указанное преступление впервые было добавлено в ст. 330 [4] УК КНР в 1997 г. На фоне предотвращения и контроля 2019-nCoV актуальным становится применение вышеуказанного уголовного права.

1. Назначение наказания за преступления, наносящие вред профилактике и борьбе с коронавирусом на основании «Мнений»

«Мнения» предусматривают, что преднамеренная передача возбудителей новой коронавирусной пневмонии, в одной из следующих ситуаций, согласно ст. 114 [5] УК и п. 1 ст. 115 [6] УК КНР, рассматривается как преступление против общественной безопасности опасными способами: 1) Пациенты, у которых диагностировали коронавирус, и носители патогена, кто отказывается от карантина и лечения, или самовольно подрывает порядок по контролю эпидемии, а также посещает общественные места и транспорт; 2) Лица с подозрением на болезнь, совершившие упомянутые действия, которые привели к распространению заболевания. За угрозу безопасности неопределённого числа людей предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до десяти лет. В том случае, если действия приводят к серьёзным травмам или гибели других лиц либо к значительному ущербу государственной и частной собственности, нарушителю грозит лишение свободы на срок более десяти

лет, пожизненное заключение или смертная казнь [7]. Другие виды отказа от проведения профилактических и контролируемых мероприятий в соответствии с требованиями санитарно-эпидемиологических органов, выдвигаемыми согласно законоположению о профилактике инфекционных заболеваний, вызвавшие распространение или создавшие серьезную угрозу распространения эпидемии должны быть осуждены и наказаны в соответствии со ст. 330 УК КНР за нарушение закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний арестом или лишением свободы на срок до 3 лет, но срок может быть увеличен до 7 лет при особо серьезных последствиях.

2. Характеристики преступного нарушения закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний

В целях уголовно-правовой характеристики нарушения закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний представляется целесообразным обратиться к анализу признаков состава этого преступления, традиционно начав его с объекта [8]. Законодатель поместил ст. 330 УК КНР в §5 «Преступления против общественного здравоохранения», гл. 6 «преступления против порядка управления и общественного порядка», тем самым признается, что непосредственным объектом выступает общественный порядок, т. е. законоположении о профилактике и лечении инфекционных заболеваний. Поскольку последствием является распространение инфекционного заболевания, создавшее серьезную угрозу жизни и здоровья неопределённого числа личностей, дополнительным объектом преступления следует считать общественную безопасность.

С объективной стороны состав в ст. 330 УК характеризуется, прежде всего, нарушением законоположений о профилактике и лечении инфекционных заболеваний, которые содержатся в различных источниках права, так, «Закон КНР о профилактике и лечении инфекционных заболеваний» от 29 июня 2013 г., «Закон КНР о реагировании на чрезвычайные ситуации» от 30 августа 2007 г. и пр.; во-вторых, совершением любого из перечисленных действий, в зависимости от целевой направленности разделённых на четыре группы: питьевую воду, инфекционное вещество, условия труда и профилактические требования; и последствиями — распространением инфекционного заболевания первой категории [9] или серьёзной опасностью распространения такого заболевания.

Что касается субъективных признаков состава анализируемого преступления, то любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, на которое законом возложена обязанность соблюдения закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний, включая организации и учреждения любых форм собственности. С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 330 УК КНР, характеризуется неосторожной (легкомысленной или небрежной) формой вины. В противном случае умышленное заражение эпидемией составляет преступление против общественной безопасности опасными способами.

3. Особенности квалификации преступления на практике борьбы с коронавирусом

В рамках предупреждения 2019-nCoV особое значение приобретают такие формы бездействия, как отказ от применения карантинных мер, не принятие защитных мер при посещении публичных мест или общественного транспорта, скрывание своей болезни, симптомы, истории поездок, проживания и тесных контактов, в результате чего вызывают передачу коронавируса или существенный риск его распространения.

Для квалификации распространения коронавируса по ст. 330 УК КНР необходимо установить, что оно носило массовый характер, являлось следствием нарушения конкретных правил о профилактике и лечении инфекционных заболеваний. Если это привело к причинению вреда отдельной личности, то ответственность наступает по ст. 234 УК КНР «Умышленное причинение вреда здоровью другого человека». Под распространением инфекций обычно понимается как результат подозреваемого или подтвержденного диагноза других лиц, тем не менее выявить и доказать наличие «серьезной опасности распространения» не всегда представляется возможным. Как правило, это объясняется как большая вероятность заразиться коронавирусом, для этого требуется проведения судебной экспертизы включительно медицинской или экологической.

Как уже указывалось, что криминальными последствиями могут быть либо фактические передачи нового коронавируса, либо угроза его передачи. При вынесении приговора следует учесть степени тяжести нанесённого вреда, а высшая мера только применяется в крайних случаях. Стоит отметить, что нарушение закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний является административным преступлением. Следовательно, создание лишь правонарушения без указанных серьёзных последствий не может повлечь уголовной ответственности.

Во время возникновения эпидемии, наиболее значимым обеспечением общественного здравоохранения представляются уголовно-правовые меры, при этом уголовная ответственность по ст. 330 УК КНР наступает только в случае нарушения соответствующего закона, создавшего массовое забо-

ление, при этом неосторожного отношения виновного к общественно опасным последствиям. При квалификации деяний важно обеспечить строгую дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от ряда обстоятельств: формы вины, общественно опасных последствий, и причинной связи между нарушением закона и массовым заболеванием.

Литература

1. Говорится в сообщении Второго народного суда третьей ступени Пекина.
2. URL: https://www.spp.gov.cn/xwfbh/wsfbt/202002/t20200210_454180.shtml?from=timeline&isappinstalled=0
3. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/xwfbh/wsfbh/202002/t20200226_455289.shtml
4. Статья 330 УК КНР [Совершение любого из нижеперечисленных действий, вызвавших распространение инфекционного заболевания первой категории или создавших серьезную угрозу распространения такого заболевания в нарушение законоположений о профилактике и лечении инфекционных заболеваний, — наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом; то же деяние, повлекшее за собой особо тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет:.....4. отказ от проведения профилактических и контролируемых мероприятий в соответствии с требованиями санитарно-эпидемиологических органов, выдвигаемыми согласно законоположений о профилактике и лечении инфекционных заболеваний.....Круг инфекционных заболеваний первой категории определяется на основании «Закона Китайской Народной Республики о профилактике и лечении инфекционных заболеваний» и соответствующих постановлений Государственного Совета]
5. Статья 114 УК КНР [Поджог, затопление, взрыв, а также распространение ядовитых и радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний или иных веществ, угрожающих функционированию фабрик, шахт, нефтяных разработок, гаваней, рек, источников воды, складов, жилых домов, лесов, ферм, пастбищ, важных трубопроводов, общественных зданий или любой другой общественной или частной собственности, либо использование других опасных способов, угрожающих общественной безопасности, но не повлекших серьезных последствий, — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет.]
6. Пункт 1 Статья 115 УК КНР [Поджог, затопление, взрыв, а также распространение ядовитых и радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний или иных веществ, либо использование других опасных способов, повлекшие тяжкие телесные повреждения или смерть либо причинившие серьезный ущерб общественной или частной собственности, — наказываются лишением свободы на срок 10 лет и более, пожизненным лишением свободы или смертной казнью. Деяния, указанные в части первой настоящей статьи, совершенные по неосторожности, — наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет; те же деяния, совершенные при смягчающих обстоятельствах, — наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом.]
7. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/02/2020/5e48ea7c9a7947151acfd55>
8. Власенко С. С. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил как альтернативное средство противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36347-ugolovnaaya-otvetstvennost-narushenie-sanitarno-ehpidemiologicheskikh-pravil-alternativnoe>
9. В ст. 3 Закона КНР о профилактике и лечении инфекционных заболеваний классифицированы инфекционные заболевания на три категории, в том числе первая категория являются наиболее тяжелыми, также профилактика и контроль этой категории являются самыми серьезными. К таким заболеваниям относятся только два типа: чумы и холера. 20 января 2020 г. новая коронавирусная пневмония была включена в список инфекционного заболевания второй категории, но профилактика и контроль её критериям первой категории. Тем более, согласно решению Верховной народной прокуратуры и министерства общественной безопасности уже 2008 г., за распространения болезней этого режима предусмотрена ответственность вплоть до семи лет лишения свободы, что лежит в основе применения данной нормы в борьбе с коронавирусом.

Торговля людьми: сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм в законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан

© А. А. Доброхотова

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Россия, г. Иркутск
anastdobrokhotoва@list.ru

Статья посвящена анализу российского и казахстанского уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за торговлю людьми.

Ключевые слова: противодействие, торговля людьми, купля-продажа уголовное законодательство, анализ, несовершенство законодательства, торговля детьми, эксплуатация, преступная деятельность.

The article is devoted to the analysis of Russian and Kazakhstani criminal legislation providing for liability for human trafficking.

Keywords: counteraction, human trafficking, purchase and sale of criminal legislation, analysis, imperfection of legislation, trafficking in children, exploitation, criminal activity.

Масштабы глобализации торговли людьми требуют от представителей законодательной власти разных стран усиленно противодействовать этому явлению. Возникает необходимость в гармонизации российского и зарубежного законодательства. Компаративистский анализ имеет прогностические цели: критически осмысливая подходы к установлению уголовно-правовых запретов в законодательствах других стран, он намечает перспективные направления развития национального нормотворчества.

В законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан имеются идентичные, за исключением некоторых отличий, нормы уголовного права. Это статья 128 «Торговля людьми», статья 133 «Торговля несовершеннолетними» УК Республики Казахстан и статья 127 часть 1 «Торговля людьми» и статья 127 часть 2 «Использование рабского труда» УК Российской Федерации.

Статья 127 часть 1 УК РФ соответствует международным стандартам, подробно раскрывает состав преступления, перечисляет все деяния, попадающие под действие нормы.

Анализируя диспозицию статьи 127 части 1 УК РФ, мы видим, что в нее включено не только правовое понятие «купля-продажа человека», именно оно составляет содержание определения «торговля людьми», но и такие действия как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека. Сложность применения статьи в этой формулировке заключается в том, что изложенные в норме в данном виде понятия не имеют единой, логически выверенной структуры. Так, чтобы совершить куплю-продажу человека возникает необходимость в посреднических действиях (перевозке, укрывательстве и т.д.). Данные действия с жертвой при определенных обстоятельствах могут квалифицироваться по другим статьям УК РФ (например, по статье 126 «Похищение человека»). Таким образом, если результат посреднических действий — купля-продажа человека, то статья 127 часть 1 должна быть сформулирована таким образом: «Перевозка, передача, укрывательство или получение человека с целью последующей торговли, а именно его купли-продажи» [3]. При данной формулировке такие правовые понятия, как перевозка, передача, укрывательство и получение тесным образом связаны с определением «торговля людьми» и образуют с ним единое целое.

При анализе норм уголовных законодательств Республики Казахстан и Российской Федерации в области торговли людьми можно выделить еще один аспект.

По Уголовному кодексу РК, в статье 128 торговля людьми определяется как посягательство на права и свободы личности. В части первой этой статьи дано определение торговли, как «купли-продажи или совершения иных сделок в отношении лица, а равно его эксплуатации либо вербовки, перевозки, передачи, укрывательства, получение, а также совершения иных деяний в целях эксплуатации» [9].

В первом пункте статьи 3 УК РК разъяснено, что к эксплуатации человека среди прочего относится «использование виновным занятия проституцией другим лицом или иных оказываемых им услуг с целью присвоения полученных доходов, степени принуждения лица к оказанию услуг сексуального характера без преследования виновным этой цели» [9].

Ряд исследователей считают, что указание на специальную цель эксплуатации в уголовных законодательствах РФ и РК является избыточным, так как у лиц, задействованных в осуществлении незаконной сделки, такая цель может отсутствовать [2]. Например, у лиц, которые являются посредни-

ками, т.е. участвуют в передаче, принудительном перемещении, сокрытии человека, нет корыстной мотивации. В таком случае будет затруднительно установить цель эксплуатации жертвы.

Объединение под одним наименованием в одной статье разных по смыслу терминов показывают очевидный разрыв между заголовком уголовно-правовой нормы «Торговля людьми» и изложением ее сути в диспозиции.

Очевидно, что норма требует переименования. Специалисты предлагают изменить формулировку статьи следующим образом: «Торговля людьми и иные сделки против свободы человека». Такое название статьи УК безусловно устранило несоответствие заглавия анализируемой правовой нормы и фактического ее содержания, признавая торговлей людьми любое отчуждение человека независимо от цели его эксплуатации [2].

Изложенные в статье 128 УК РК отягчающие и особо отягчающие признаки не демонстрируют различий со статьей 127 частью 1 УК РФ, исключение составляет неоднократность и применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также установление за все виды торговли людьми (простая, квалифицированная) конфискации имущества.

Учитывая повышенный уровень опасности для общества такого деяния как торговля людьми, в кодексах ряда государств наблюдается принципиально иной подход, нежели в уголовном законодательстве РФ.

В уголовном праве Казахстана, дифференцируется торговля людьми против совершеннолетних лиц и детей. В статье 133 УК РК устанавливается уголовная ответственность за торговлю несовершеннолетними.

Однако среди юристов Республики Казахстан есть другой взгляд на проблему существования отдельной нормы «Торговля несовершеннолетними». Доктор юридических наук С. М. Рахметов считает недостатком уголовного законодательства Казахстана существование двух схожих по содержанию норм (статьи 128 и 133): «В связи с внесением изменений в ст. 128 УК можно было бы исключить из УК ст. 133. Достаточно в качестве квалифицирующих признаков предусмотреть в части второй ст. 128 совершение указанных в части первой этой статьи действий в отношении несовершеннолетнего. Тогда необходимость в существовании ст. 133 УК отпадет» [7].

Таким путем пошли российские законодатели. Введение статей 127 части 1 и 127 части 2 изменило положения иных норм, ранее определявших отдельные аспекты указанных преступных действий. В частности, произошла отмена статьи 152 УК РФ, предусматривавшей уголовную ответственность за торговлю детьми. Данная норма включала описание преступного деяния, совершенного в отношении ребенка: торговлю несовершеннолетними с различными отягчающими обстоятельствами (смерть, использование органов); вывоз за рубеж противозаконным способом; осуществление преступного замысла группой лиц и другие действия в отношении несовершеннолетних, предполагающие куплю-продажу человека, как товара.

Но и в российском сообществе юристов существует другая точка зрения на отмену 152 статьи УК РФ. Сторонники изменения законодательства отмечают, что торговля детьми (ребенком) на данный момент предусмотрена в статье 127 УК РФ частью 2, пунктом б. Таким образом, законодателю и российской общественности важно в первую очередь, что преступное деяние совершено в отношении ребенка, который в отличие от взрослого не в состоянии помочь себе: не может сбежать, защитить себя как физически, так и психологически. Следовательно, лицу только за то, что он совершил сделку по купле-продаже несовершеннолетнего, не важно, с какой целью и независимо от рецидива, может быть назначено суровое наказание.

В статье 152, часть 2, УК РФ излагались различные квалифицирующие признаки, которые определяли наказание от 3 до 10 лет тюрьмы. В действующей норме, уже сам по себе возраст потерпевшего является особым обстоятельством и квалифицирующим признаком. Смерть жертвы в новом положении предусматривает для преступника заключение на срок от 8 до 15 лет [8]. В части третьей статьи 152 УК РФ: смерть потерпевшего наказывалась сроком от 5 до 15 лет. Таким образом, в новой правовой норме нижняя граница находится ближе к максимальному наказанию, так как это преступление особо тяжкое.

Противники исключения статьи 152 из УК РФ отмечают, что это привело к декриминализации сделок купли-продажи несовершеннолетних, при условии отсутствия цели их эксплуатации. Доказать наличие перечисленных в статье 127 части 1 УК РФ целей у продавца ребенка, у посредника и пособника преступного деяния, в большинстве случаев практически невозможно. Преступник может не знать, не интересоваться целью приобретения или получения, а также дальнейшего использования проданного или полученного им живого товара и, конечно же, будет на этом настаивать. Поэтому ряд исследователей, отмечая повышенный уровень общественной опасности посягательств на несовер-

шеннолетних, предлагает исключить пункт «б» из статьи 127 части 2, и восстановить в прежней редакции статью 152 «Торговля несовершеннолетними» [6].

Проведение анализа уголовно-правовой нормативной базы по борьбе с торговлей «живым товаром» показало схожесть правового регулирования ответственности за торговлю людьми в Российской Федерации и Республике Казахстан. Совпадают понятие, признаки купли-продажи, квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки данного преступления.

Исследование уголовно-правовых норм Республики Казахстан, направленных на противодействие торговли «живым товаром» позволило выявить их значительное сходство с российским уголовным законодательством. Это можно объяснить существованием в прошлом единого правового поля. Вместе с тем, имеются и вполне самостоятельные подходы к построению соответствующих правовых норм и включенности их в структуру национальных уголовных кодексов.

Литература

1. Некоторые проблемы квалификации торговли людьми по законодательству Республики Казахстан / Т. И. Ау [и др.] [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 1. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12097> (дата обращения: 9.04.2020).

2. Алихаджиева И. С. Проблемы квалификации торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией // Современное право. 2008. № 11. С. 91–95.

3. Зайдиева Д. Я. Ответственность за торговлю людьми // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 3. С. 4.

4. Копенкина Л. А. О совершенствовании ст. 127-1 УК РФ (торговля людьми) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

5. Онхонова О. А. Торговля несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. URL: <https://moluch.ru/archive/124/34106/> (дата обращения: 10.02.2020).

6. Пристанская О. В. Выступление на круглом столе «Взаимодействие государственных структур и исправительных организаций — эффективная стратегия противодействия торговле людьми» 14 ноября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 23.12.2019).

7. Рахметов С. М. Уголовная ответственность за торговлю людьми [Электронный ресурс] // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 4. URL: <http://www.zqai.kz/ru/page-vestnik-journals> (дата обращения: 10.04.2020).

8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.02.2020).

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adilet.kz> (дата обращения: 10.04.2020).

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за отмывание денежных средств по законодательству Монголии и России

© Дорж Энхтур

адъюнкт Академии Управления МВД России,
старший следователь Следственного департамента
по городу Улаанбаатар Главного управления
полиции Монголии, старший лейтенант полиции
Монголия, г. Улаанбаатар
d.enkhtur@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, добытого преступным путем, в российском и монгольском уголовном законодательстве. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил выявить недостатки уголовно-правового запрета и определить направление его перспективной корректировки.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, отмывание денежных средств, легализация имущества.

The article discusses some of the problems of applying criminal law rules governing the responsibility for the legalization (laundering) of money and property obtained by criminal means in the Russian and Mongolian criminal legisla-

tion. The comparative legal analysis revealed the shortcomings of the criminal law prohibition and determine the direction of its prospective adjustment.

Keywords: crime, criminal liability, money laundering, legalization of property.

В системе противодействия отмыванию денег важную роль играет сбалансированное сочетание применения уголовно-правовых инструментов и финансового мониторинга. С помощью первых обеспечивается выявление и пресечение незаконных действий; с помощью второго — превентивное воздействие, затрудняющее вывод из-под контроля и последующее обналичивание финансовых активов [0, с. 10]. Практика применения положений об уголовной ответственности за совершение отмывания денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, в целом не является единообразной. Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ дважды — в 2004 и 2015 гг. — обращался к положениям ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, неправильная квалификация содеянного как легализации (отмывания) по-прежнему сохраняется. В Монголии положения ст. 18.6 УК (как ранее и положения ст. 163 УК 2002 г.) в данный момент находятся в стадии практической апробации, причем ее темпы едва ли можно назвать удовлетворительными.

Так, за период действия ст. 163 УК Монголии, приговоры судами практически не выносились. Единственным исключением стало уголовное дело, рассмотренное в отношении семи сотрудников авиакомпании, которые аккумулировали денежные средства, вырученные от страхования пассажиров, на специальном счете, с которого осуществляли переводы, истрачиваемые по своему усмотрению. Судом первой инстанции в отношении двух из них был вынесен приговор по ст. 163 УК Монголии, однако апелляционная инстанция его отменила, указав, что все перечисленные действия образуют состав единого продолжаемого преступления. Более того, при распоряжении деньгами, находящимися на банковском счете, виновный не реализует цель придания правомерного вида своим действиям [0]. В данный момент положения ст. 18.6 УК Монголии в опубликованных приговорах не получили отражения.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что четкое определение форм легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, способствовало направлению правоприменителя на верный путь квалификации [0, с. 124]. Иными словами, установление в диспозиции альтернативных действий — совершение финансовых операций или заключение иных сделок — избавило правоприменителей от необходимости в каждом конкретном случае самостоятельно определять событие легализации (отмывания). Соглашаясь с этим, следует отметить, что тем самым сузилась и сфера поисковой деятельности, посредством чего возможности для выявления не только предикатного преступления, но и факта легализации, полученного от его совершения дохода, расширились.

В этой связи логичным выглядит предложение о том, чтобы изменить диспозиции ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, применив характеристику финансовых операций только к отмываемым денежным средствам, а сделок — только к имуществу [0, с. 522]. Однако его реализация на практическом уровне затруднительна. Во-первых, любая возмездная сделка может предполагать внесение платы, т.е. совершение финансовой операции. Во-вторых, в соответствии с нормами гражданского законодательства сделки могут заключаться и в отношении имущества, и в отношении финансовых средств. В этой связи более обоснованным представляется предложение исключить из диспозиции рассматриваемых норм слово «иные» [0, с. 73–75], четко разграничив финансовые операции и сделки, которые могут совершаться в целях придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами и иному имуществу.

В данном контексте можно упомянуть о том, что в российской правовой доктрине вносились предложения о декриминализации части действий, охватывающихся составом отмывания денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем. В частности, предлагалось исключить из кодекса ст. 174.1, поскольку она «устанавливает ответственность за действия, внешне сходные с отмыванием» [0, с. 92]. Некоторые авторы считают, что ст. 174.1 УК РФ отражает продолжение преступной деятельности виновного, и поэтому такие действия не приобретают самостоятельной общественной опасности [0, с. 123]. Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что вопрос об ответственности за легализацию денежных средств и имущества, полученных в результате совершения лицом преступления, не получил однозначного толкования в юридической науке. Между тем, сохранение в перечне уголовно наказуемых деяний преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, является, на наш взгляд, превентивной антикоррупционной мерой, имеющей право на существование.

Аргументируя это, укажем, что коррупция в Монголии и России признается одной из серьезнейших угроз национальной безопасности. Для эффективного противодействия ей разработан норматив-

ный инструментарий, неотъемлемой частью которого является система коррупционных преступлений, выявление и пресечение которых выступает насущной необходимостью. Поскольку коррупционные связи приносят материальный доход, который может быть впоследствии легализован в экономических отношениях, положения ст. 174.1 УК РФ являются охранительным средством, потенциал которого еще в полной мере не раскрыт.

В то же время, достаточно спорным и потенциально порождающим дисбаланс правоприменительной деятельности представляется предложение установить в ст. 174.1 УК РФ разные (по сравнению со ст. 174 УК РФ) формы общественно опасного деяния. Так, предлагается в качестве наказуемого по ст. 174.1 УК РФ деяния признать фальсификацию (создание видимости) законных оснований происхождения денежных средств или иного имущества, способом чего могут быть совершение финансовых операций или других сделок [0, с. 119–120]. При реализации данного предложения в одном составе легализации финансовые операции и сделки будут характеризовать сущность деяния, а во втором — только способа его совершения.

Исходя из ранее действовавшей ст. 163 УК Монголии, можно заключить, что в ней была установлена ответственность за оба случая легализации: когда предикатное преступление совершено другим лицом, и когда субъекты предикатного преступления и легализации совпадают. В ст. 18.6 действующего УК Монголии использован аналогичный подход, что видно из установленной в ней цели преступления. Однако для уточнения уголовно-правовых признаков отмыывания денежных средств и имущества, приобретенного преступным путем, представляется необходимым провести дифференциацию форм преступного поведения, разграничив как самостоятельные преступления названные виды криминальной активности. Вопрос такого содержания ставился нами участникам социологического опроса, в котором участвовали монгольские правоприменители. В результате было выявлено, что 62% респондентов отмечают неполноту уголовно-правовых положений, а 59% признают необходимость самостоятельной криминализации отмыывания денежных средств и имущества, полученного лицом в результате совершения преступления.

В правоприменительной деятельности в России и Монголии существует одна общая коллизия, связанная с интенсивностью использования уголовно-правовых инструментов, направленных на пресечение отмыывания денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем. Она заключается в том, что при расследовании уголовного дела соответствующее обвинение предъявляется, не будучи основанным на достаточном объеме доказательств. В России она сложилась непосредственно с момента начала действия положений нового уголовного закона об ответственности за отмыывание денег: уже в 1997 г. было зарегистрировано несколько сотен таких преступлений, при том, что за их совершение осуждено всего четыре человека [0, с. 71]. Иными словами, во время расследования преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, вменялось только на основании распоряжения виновным денежными средствами, полученными в результате совершения преступления.

Литература

1. Верховный Суд Монголии смягчил наказание бывшим менеджерам авиакомпании «МИАТ» [Электронный ресурс] // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/news/924> (дата обращения: 09.02.2020).
2. Волеводз А. Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика). М.: Юрлитинформ, 2000. С. 71.
3. Зубков В. А., Осипов С. К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. М.: ИД «Городец», 2007. С. 10.
4. Клепицкий И. А. Хозяйственные преступления. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 92.
5. Лопашенко Н. А. Экономические преступления: монография: в 2 т. М.: Норма, 2007. Т. 2. С. 522.
6. Лупырь М. В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмыывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Омск, 2019. С. 119–120.
7. Русанов Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Норма, 2011. С. 123.
8. Шнурина Ю. Р. Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики легализации (отмыывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем // Научный поиск. 2017. № 1. С. 73–75.
9. Якимов О. Ю. Легализация (отмыывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2004. С. 124.

Сравнительный анализ взяточничества в странах АТР

© С. Ш. Дууза

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
duuzas@icloud.com

В статье рассматривается взяточничество в странах АТР. Автор сравнивает наказание за взяточничество в таких странах как: Россия, Япония и Китай. Анализируя взяточничество, автор делает выводы о значимости уголовной ответственности за данное преступление.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, взятка, наказание, преступление, противодействие.

The article considers bribery in the Asia-Pacific countries. The author compares the punishment for bribery in countries such as: Russia, Japan and China. Analyzing bribery, the author draws conclusions about the importance of criminal liability for this crime.

Keywords: corruption, bribery, bribe, punishment, crime, counteraction.

Во всем мире пришло понимание того, что одной из главных проблем в обществе является борьба с коррупцией и создание нормативно-правовых документов [4], которые бы могли противодействовать ей. Масштаб, с которым распространение коррупции негативно влияет на условия жизни общества, дискредитирует власть и всерьез угрожает защищенности экономических, политических и нравственных основ государства.

В различных странах, которые входят в состав Азиатско-Тихоокеанского региона предметом дачи взятки в основном являются денежные средства. Так, например, в Российской Федерации согласно ст. 291 УК РФ [1] предмет посягательства определяется собирательным понятием «взятка» и содержит указание на ее разновидности в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера. Также согласно уголовному кодексу Китайской Народной Республики и Японии предметом взяточничества являются денежные средства.

Хотелось бы отметить, что несмотря на то, что предметом взяточничества в странах АТР является одно и то же, то наказание за данное преступление отличается. Например, за взяточничество в соответствии с УК РФ наказываются штрафами, лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, а также лишением свободы [1]. В Японии за взяточничество предусмотрены такие виды наказания, как штраф, каторга и лишения свободы с принудительным физическим трудом. В Китае наказание за взяточничество в особо крупном размере наказываются не только лишением свободы, но и пожизненным лишением свободы, также смертной казнью, тем самым хотелось бы сказать, что законодательство Китая таким образом борется с данным преступлением достаточно строгими мерами, что вызывает двоякое мнение. В России действует мораторий на смертную казнь с 1999 г., из этого можно сделать вывод, что наказание в РФ за взяточничество по сравнению с Китаем более мягче. Тем самым можно сделать вывод, что, возможно, то или иное наказание влияет на дальнейший ход развития или спада количества взяточничества.

Статистика показывает, что за 2019 г. в России [7] зафиксировано 13 867 преступлений по статьям 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ (получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество). «В целом по стране возросло на 14% (с 3,5 тыс. в 2018 г. до 3,9 тыс. в 2019 г.) число деяний, предусмотренных статьей 290 УК РФ («Получение взятки»)». Количество преступлений, предусмотренных статьей «Дача взятки», выросло на 21,5%. По статье о посредничестве во взяточничестве статистика выросла на 32,5% — с 979 до 1297. По статистике КНР в 2018 г. в центральном управлении было 23 человека замешано во взяточничестве, а в 2019 г. 21 человек, в партийных кадрах и государственных органах, государственных предприятиях в 2018 г. было 15 человек, в 2019 г. выросло на 47 человек, но больше всего доля взяточничества приходится на администрации провинций, что за 2018 г. составляет 354 человека, а в 2019 г. уже 408 человек. По индексу восприятия коррупции, которые были составлены по состоянию на 2019 г. и были опубликованы в январе 2020 г., Япония находится на 20 месте, Китай на 81 месте и Россия, которая находится на 144 месте, на что хотелось бы сказать, что России [6] есть к чему стремиться и есть чему поучиться у стран АТР.

Регулирование ответственности за взяточничество в японском уголовном праве характеризуется его оригинальностью. Так, в Японии состав взятки указан в ст. 197 Уголовного кодекса («Уголовный кодекс Японии») [5]. В этом стандарте ответственность должностного лица или арбитра за получение

ние, запрос или предварительное согласие на получение взятки установлена. Такие действия наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом в течение трех лет. Квалифицированный тип получения взятки признается условием, если совершается преступное деяние или нарушение, судебный иск. Ст. 197 Уголовного кодекса Японии предусматривает уголовную ответственность за это преступление лиц, которые ранее были государственными должностными лицами или арбитрами которые принимают или требуют взятки, или соглашаются давать взятки, поскольку они ранее получали запрос на обслуживание и совершали незаконное обслуживание или не совершали судопроизводство. Уголовный кодекс Японии, как и в России и во многих других зарубежных странах, установил независимое уголовное положение, регулирующее ответственность для посредничества взяточничества.

В соответствии со ст. 198. (Предоставление взятки и предоставление взятки за помощь) Уголовный кодекс Японии, лицо, представившее заявку или обещавшее взятку государственному должностному лицу или арбитру, будет наказан лишением свободы на срок до трех лет или штрафом в размере до двух миллионов пятисот тысяч иен. В отличие от российского уголовного законодательства, Уголовный кодекс Японии предусматривает независимую уголовную ответственность за получение вознаграждения за услуги, предоставляемые посредником, который является государственным должностным лицом. В ст. 197 [5] (Получение взятки за посредничество) УК Японии предусматривает, что «государственный служащий, который получил взятку в обмен на помощь, предоставленную для того, чтобы заставить другого публичного должностного лица совершить незаконную службу или не совершать законное правонарушение, будет наказан лишением свободы с применением принудительного физического воздействия до трех лет.

В китайском уголовном законодательстве ответственность за взятки установлена в ст. 385–388 УК РФ [8]. Термин «получение взятки» относится к требованию о передаче имущества государственными служащими (шантаж) или незаконному принятию соответствующих льгот для них, а также незаконному получению номинальной комиссии государственными служащими; плата за посредничество (статья 385 Уголовного кодекса Китая); взимание незаконной оплаты с государственных служащих в виде взятки (статья 386 Уголовного кодекса Китая); также действия органов государственной власти, государственных компаний, предприятий, промышленных организаций и общественных объединений, в зависимости от обстоятельств, незаконного захвата собственности третьих лиц, незаконного принятия других начисляемых им имущественных выгод; получение незанятых денежных сумм, обход текущего счета и получение номинальной комиссии или комиссии от имени агента (статья 387 Уголовного кодекса Китая); действия государственных служащих по использованию служебных полномочий (статья 388 Уголовного кодекса Китая).

Дача взятки предусмотрена ст. 389 [8] Уголовного кодекса Китая, такие как передача активов государственному служащему с целью получения незаконных выгод, а также незаконный вопрос о вознаграждении или вознаграждении агенту государственного служащего при осуществлении хозяйственной деятельности. За взятку в виде срочного заключения до 5 лет. Если имели место отягчающие обстоятельства или был причинен общественный интерес материальный ущерб, то согласно ст. 390 Уголовного кодекса Китая, максимальное наказание увеличено и может быть назначено на срок от 5 до 10 лет, особенно с отягчающими обстоятельствами — на срок более 10 лет, либо возможен и бессрочное лишение свободы с конфискацией имущества или без таковой.

В уголовном законодательстве Китая субъектами за получение и дачу взяток являются и признаются не только физические, но и юридические лица. В отличие от российского Уголовного кодекса в китайском Уголовном кодексе ответственность за взяточничество определяется не только при передаче, но и различными способами государственными органами, учреждениями и т.д. Ст. 391 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает, что в случае передачи имущества государственным органам, государственным компаниям, предприятиям или выдачи различных комиссий обвинения в посредничестве за предоставленные незаконные привилегии, то наказываются лишением свободы на срок 3 года или краткосрочным арестом. Если такое правонарушение совершено организацией (юридическим лицом), то на нее и ее руководителей налагаются штрафы, а другие ответственные лица наказываются в соответствии с ч. 1 ст. 391 УК РФ.

Ст. 392 Уголовного кодекса Китая регламентирует его ответственность за посредничество при даче взятки гос. служащему при отягчающих обстоятельствах.

Как и в большинстве зарубежных стран, было введено в действие уголовного законодательства Китая условия [2] и специальные основания, при которых лицо, предоставившее взятку или посредник в получении взятки, может уменьшить срок наказания или быть освобожденным. Согласно ст. 390 и ст. 392 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, которое по собственной инициативе

до начала уголовного преследования сообщило о даче взятки или опосредованном получении взятки, может быть освобождено от наказания.

Принимая во внимание положительный опыт разработки законодательных норм уголовного права, касающихся ответственности за взяточничество, российский законодатель может рекомендовать более дифференцированную ответственность за получение взяток в зависимости от того, были ли переданы действия (бездействие), из-за которых незаконное вознаграждение было передано, получатель взятки. Кроме того, очевидно, что если должностное лицо, совершившее преступление (бездействие), получает незаконное вознаграждение, которое, хотя и связано с этим деянием («благодарность за взятки»), не было predetermined, тогда степень общественной опасности такой коррупции значительно меньше по сравнению с заданными взятками. Поэтому было бы логично выделить специальный состав поручения предварительно не обусловленной взятки в уголовно-правовой норме с менее суровыми наказаниями.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Годунов И. В. Международная коррупция от А до Я. Большой энциклопедический словарь. М.: Перспектива, 2017. С. 888.
3. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. М.: Альфа, 2017. С. 350.
4. Роуз-Аккерман Сьюзан. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2018. С. 356.
5. Шурыгин Ф. Ф. Антикоррупционная политика Японии // Молодой ученый. 2019. № 30(268). С. 92–96.
6. Государственная политика в области противодействия коррупции с учетом требований международных норм [Электронный ресурс]. URL: http://academy-skrf.ru/science/publishing/collection_of_forums/2019
7. Статистика взяточничества в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2020/01/28/V_2019_godu_v_Rossii_na_1
8. Уголовный закон о взяточничестве КНР [Электронный ресурс]. URL: http://www.360doc.com/content/19/0217/09/4320559_815479257.shtml
9. Статистика взяточничества в КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1654653640852283135&wfr=spider&for=pc>

Противодействие нацизму и расовой дискриминации в Австралии

© **К. М. Кравченко**,
адъюнкт 2-го года обучения
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический
институт Министерства внутренних
дел Российской Федерации»
Россия, г. Хабаровск
white_owk@mail.ru

В статье рассматриваются особенности федерального и регионального законодательства Австралии по противодействию расовой дискриминации, нацизму и антисемитизму. Автором проведен сравнительный анализ норм австралийского и российского уголовного права по схожим составам преступления. Сделан вывод об отрицательных и положительных сторонах правовых норм Австралии, регламентирующих ответственность за преступления, совершенные на почве ненависти.

Ключевые слова: Австралийский Союз, расовая дискриминация, ненависть и вражда, унижение человеческого достоинства, реабилитация нацизма, Холокост, уголовная ответственность юридических лиц, корпорация.

The article discusses the features of Australian federal and regional laws to combat racial discrimination, Nazism and anti-Semitism. The author conducted a comparative analysis of Australian and Russian criminal law standards for similar offenses. The conclusion is made about the negative and positive aspects of Australian law, providing for liability for hate crimes.

Keywords: Australian Union, racial discrimination, hatred and enmity, humiliation of human dignity, rehabilitation of Nazism, Holocaust, criminal liability of legal entities, corporation.

Австралия является успешно развитой многонациональной страной с приоритетным направлением государственной политики по развитию социального благополучия. По значению индекса человеческого развития (далее — ИЧР) Австралия занимает 6 место из 189 стран (в период с 1990 по 2018 гг. значение ИЧР в Австралии увеличилось на 8,3%). Меры, направленные на развитие социальной сферы общества, превращают Австралию в одну из самых привлекательных стран для регулярного притока иммигрантов в поисках благоприятных условий для жизни [7, с. 2].

Согласно данным Австралийского бюро статистики в 2019 г. население Австралии составило 25 464 116 человек, что на 1,5% больше в сравнении с предыдущим годом, при этом 62,5% годового роста населения обусловлено иммиграцией [13].

В марте 2017 г. Федеральным правительством Австралии издана декларация «Мультикультурная Австралия — единая, сильная, успешная», регулирующая условия интеграции иммигрантов в австралийское общество, осуждающая проявления расовой ненависти и дискриминации [8].

Несмотря на декларируемую государственную политику мультикультурализма, целью которой является устранение межэтнических, межкультурных и межконфессиональных конфликтов, в Австралии продолжают действовать ультраправые организации националистического толка, такие как «Сопrotивление антиподов» (Antipodean Resistance), «Австралийская лига прав» (The Australian League of Rights), «Общество ребят» (True Blue Crew), пропагандирующие идеи Третьего Рейха и одобряющие Холокост как практику антисемитизма [16, с. 12].

В последнее время в стране зафиксирован рост фактов проявления антисемитизма. В период времени с 1 октября 2018 г. по 30 сентября 2019 г. добровольными общественными группами безопасности Австралии зарегистрировано 368 антисемитских инцидентов, из них 225 нападений и 143 угроз жизни или причинения вреда здоровью. Увеличилось число зарегистрированных фактов, связанных со словесными оскорблениями евреев, угрозами их преследования, количество таких случаев с 2018 по 2019 г. возросло с 88 до 114 [9, с. 25].

4 июня 2019 г. Австралия стала членом Международного альянса памяти жертв Холокоста. В период времени с 2018 по 2022 гг. основным направлением деятельности экспертов альянса является сохранение и исследование исторических данных, касающихся событий Холокоста, а также противодействие искажению исторических фактов периода Второй мировой войны [14]. Российская Федерация членом названного альянса не является, тем не менее осуществляет практику противодействия реабилитации нацизма на международном уровне путем заключения соглашений со странами-партнерами и участия в работе других международных организаций.

Так, 5 ноября 2019 г. Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ), участником которой является Российская Федерация, были приняты рекомендации по совершенствованию национального законодательства членов ОДКБ в части юридического определения нацизма и нормативной фиксации перечня его проявлений [1].

В Австралийском Союзе проблема противодействия нацизму, расовой дискриминации, возбуждения ненависти и вражды регулируется двухуровневой правовой системой — федеральной и региональной (на уровне штатов).

Федеральный Уголовный кодекс Австралийского Союза (далее — УК АС) предусматривает ответственность за публичные призывы к насильственным действиям в отношении «расовых, национальных, этнических, религиозных, политических групп» (ст. 80.2А), а также в отношении члена одной из таких групп (ст. 80.2В) [4]. Диспозиции названных статей содержат квалифицирующий признак, выраженный в наличии угрозы «миру, порядку и добросовестному управлению Содружеством», что влияет на увеличение срока уголовного наказания, назначенного физическому лицу. Согласно § 3 ст. 80.2А и § 4 ст. 80.2В УК АС, формой вины, характерной для таких составов преступлений, является «безрассудство», когда лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но не желает их наступления [10, с. 29]. В уголовном праве России такой форме вины соответствует конструкция косвенного умысла.

В УК РФ ответственность за похожее преступление предусмотрена ст. 280 УК РФ, субъективная сторона которого характеризуется прямым умыслом [2].

Помимо Уголовного кодекса, Федеральным Парламентом Австралии приняты законы, защищающие граждан от любой дискриминации, в том числе совершаемой по расовому, национальному и этническому признаку.

Федеральный закон о расовой дискриминации 1975 г. [5] (измененный и дополненный Федеральным законом о расовой ненависти № 101 от 1995 г.) осуществляет обязательства Австралийского Союза в соответствии с международным законодательством, где дискриминация признается расовой в случае ее осуществления по признаку цвета кожи, расового, родового, национального или этниче-

ского происхождения. В России ответственность за нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (дискриминация) предусмотрена ст. 136 УК РФ, при этом расовый признак не включает в себя остальные, а существует самостоятельно, наряду с признаками, отраженными в диспозиции вышеупомянутой статьи.

Оскорбительные действия на почве ненависти по законодательству Австралии не всегда признаются преступлением, а лишь только в том случае, если это предусмотрено законом (ст. 18С) [5]. В некоторых случаях потерпевшее лицо имеет право реализовать гражданские средства правовой защиты путем подачи жалобы в Австралийскую комиссию по правам человека.

Важно отметить, что по австралийскому федеральному законодательству оскорбительные высказывания не будут считаться противозаконными, в случае их оглашения по любому вопросу, представляющему общественный интерес, в том числе в научных и художественных целях, а также в ходе выражения истинного убеждения автора высказывания. Публикация таких комментариев считается совершенной «разумно, справедливо и добросовестно» (ст. 18 D) [5]. Перечисленные исключения, по замыслу законодателя, призваны реализовать право граждан на свободу слова и выражение мнений. В австралийской научной литературе отмечается, что на практике комментирующему лицу зачастую крайне сложно доказать истинность своих убеждений по обсуждаемому общественно значимому вопросу. Тем не менее, исключения, отраженные в ст. 18 D Федерального закона о расовой дискриминации 1975 г. призваны защищать право на свободу мнений и их свободное выражение в соответствии с нормами международного права.

В российском уголовном праве принцип «истинности убеждений» в ходе совершения преступлений «ненависти» не предусмотрен, что, на наш взгляд, является верной позицией отечественного законодателя. В целях обеспечения реализации права каждого на свободу мысли и слова, предотвращения незаконного привлечения к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, в ч. 1 ст. 282 УК РФ установлена административная преюдиция и приняты изменения относительно порядка определения состава преступления [3]. В научной литературе встречаются мнение о целесообразности применения подобных изменений и к другим нормам УК РФ, которыми защищаются права граждан, предусмотренные ст. 29 Конституции РФ, например, в ст. 354¹ УК РФ, регламентирующей ответственность за реабилитацию нацизма [14, с. 41].

Глава 4 Федерального закона о расовой дискриминации Австралии предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению лицом функций и полномочий по защите прав человека (§1 ст. 27), а также за дискриминацию лица, защищающего свои права в соответствии с законом о Комиссии по права человека Австралии (§2 ст.27) [5].

В первом случае к ответственности привлекается физическое лицо с применением наказания в виде денежного штрафа. В отношении такого лица используется принцип абсолютной (строгой) ответственности, когда уголовная ответственность может наступить за сам факт совершения общественно опасного деяния, то есть без установления вины. Российское же уголовное законодательство не допускает ответственность за невиновное причинение вреда (ч.2 ст. 5 УК РФ).

Во втором случае, к уголовной ответственности может привлекаться не только физическое, но и юридическое лицо (корпорация). Австралийский законодатель исходит из того, что корпорация подлежит уголовной ответственности, потому что своей «культурой», политикой, практикой, управлением или другими способами поощряет или допускает совершение преступления [11, с. 328–332]. Отметим, что российское законодательство не предусматривает корпоративную (коллективную) уголовную ответственность. К юридическим лицам могут применяться лишь меры административно-правового воздействия, например, за правонарушения, предусмотренные ст. 20.3, 20.3.1, 20.29 КоАП РФ.

Кроме того, в нашей стране существует теория о так называемой квазиуголовной ответственности, то есть к деяниям, объявленным законодателем преступлением, применяются административно-правовые меры воздействия [12, с. 55–61]. Например, юридические лица являются субъектами такого административного правонарушения как дискриминация (ст. 5.62 КоАП РФ), а лицо, которое, совершит данное деяние с использованием своего служебного положения от имени или в интересах коллективного образования, будет привлекаться к уголовной ответственности по ст. 136 УК РФ.

Региональное законодательство Австралии по противодействию расовой дискриминации содержится в каждом штате и представляет собой систему различных законов, предусматривающих уголовную и гражданскую ответственность за преступления, совершенные на почве ненависти. В Уголовном кодексе штата Западная Австралия предусмотрена ответственность за осуществление преследования (угрозы, оскорбления, насмешки) и разжигание расовой ненависти (ст. 76–80) [6]. При назначении наказания лицу, в случае его нападения с целью причинения телесных повреждений или умышленного уничтожения имущества потерпевшего, а также при угрозе убийством, суд учитываетотягчающее обстоятельство «ра-

сового обострения», при котором преступник демонстрирует враждебность к жертве на почве расовой ненависти. В УК РФ к обстоятельствам, отягчающим наказание, относится факт совершения преступления по мотивам, предусмотренным п. «е» ст. 63.

В Австралии закон ограничивает разжигание ненависти и вражды двумя основными способами — путем привлечения физических и юридических лиц (корпораций) к гражданской и уголовной ответственности. Система правового регулирования в Австралии осуществляется на федеральном и региональном уровне, при этом каждый штат имеет свои нормативные правовые инструменты для пресечения дискриминации. При этом отсутствие единого подхода между федеральным и региональным законодательством к видам правонарушений и преступлений, совершенных на почве ненависти, а также формам ответственности за них, на практике приводит к неэффективности применения уголовных правовых норм за преступления указанной группы [17, с. 646].

Интересной представляется позиция австралийского законодателя в установлении института корпоративной уголовной ответственности за преступления, совершенные на почве ненависти, а также за расовую дискриминацию. На наш взгляд, в отечественном уголовном праве также целесообразно рассмотреть вопрос о возможности применения уголовно-правовых мер воздействия к юридическим лицам за преступления экстремистской направленности.

Литература

1. О проекте Рекомендаций по совершенствованию национального законодательства государств – членов ОДКБ в сфере противодействия распространению нацизма и его проявлений: постановление Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 5 ноября 2019 г., № 12-5.3 // Парламентская Ассамблея ОДКБ. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sovershenstvovaniyu-natsionalnogo-zakonodatelstva-gosudarstv-108>

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 18 февраля 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. К проекту федерального закона 558345-7 «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации»: пояснительная записка. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

4. Criminal Code Act № 12. 1995 / пер. К. М. Кравченко. Уголовный кодекс Австралии № 12. 1995 // Федеральный реестр законодательных актов правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00235>

5. Racial Discrimination Act № 52. 1975 / пер. К. М. Кравченко. Закон о расовой дискриминации № 52. 1975 г. // Федеральный реестр законодательных актов правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C00089>

6. Criminal Code Act Compilation Act 1913 / пер. К. М. Кравченко. Уголовный кодекс Западной Австралии 1913 г. / Министерство юстиции Западной Австралии. URL: https://www.legislation.wa.gov.au/legislation/statutes.nsf/law_a196_currencies.html

7. Briefing note for countries on the 2019 Human Development Report. 9 p. / пер. К. М. Кравченко. Информационная записка для стран по Докладу о развитии человека за 2019 г. 9 с. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://hdr.undp.org/en>

8. Multicultural Australia – One, Strong, Successful. 2017. / пер. К. М. Кравченко. Декларация «Мультикультурная Австралия – единая, сильная, успешная» от 2017 г. // Департамент внутренних дел Австралии. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/mca/Statements/english-multicultural-statement.pdf>

9. Report on antisemitism in Australia 2019. 256 p. / пер. К. М. Кравченко. Доклад по антисемитизму в Австралии 2019. 256 с. // Исполнительный совет Австралийской еврейской общины. URL: <https://www.ecaj.org.au/condensed-version-of-the-ecaj-2019-antisemitism-report/>

10. Аль-Байти М. А. А. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решения: дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2019. 175 с.

11. Антонова Е. Ю. Австралийская модель корпоративной уголовной ответственности // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (1–2 октября 2013 г.) / Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2013. С. 328–332.

12. Антонова Е. Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. (29–30 мая 2014) / Дальневосточ. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2014. С. 55–61.

13. URL:<https://www.abs.gov.au>

14. URL:<https://www.holocaustremembrance.com/about-us/our-approach>

15. Тисен О. Н. Уголовная ответственность за возбуждение вражды и ненависти в сети Интернет. Что проверять прокурору и суду // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 34–41.

16. Campion K.A. «LunaticFringe»? The Persistence of Right Wing Extremism in Australia // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13, № 2. P. 2–20 / пер. К. М. Кравченко. К. Кэмптон. «Безумный край»? Настойчивость правого экстремизма в Австралии // Перспективы терроризма. 2019. Т. 13, № 2. С. 2–20.

17. Sackville R. Anti-Semitism, hate speech and Pt II A of the Racial Discrimination Act // Australian Law Journal. 2016. Vol. 90. R. 9. P. 631–648 / пер. К. М. Кравченко. Саквилл Р. Антисемитизм, разжигание ненависти и Раздел II A Закона о расовой дискриминации // Австралийский юридический журнал. 2016. Т. 90, вып. 9. С. 631–648.

Борьба с коррупцией в Российской Федерации и Сингапуре: сравнительно-правовой анализ

© **Е. М. Линхоева**

студент 3 курса

юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»

Россия, г. Улан-Удэ

elinhoeva99@mail.ru

В настоящей статье затрагивается одно из сложных социально-политических и социально-правовых явлений как противодействие коррупции, меры по борьбе с коррупцией, которые используются в Сингапуре, потому что это страна демонстрирует хорошие показатели по борьбе с ней.

Ключевые слова: коррупция, зарубежный опыт, противодействие.

This article touches on one of the complex socio-political and socio-legal phenomena as anti-corruption, anti-corruption measures that are used in Singapore, because this country shows good indicators in the fight against it.

Keywords: corruption, foreign experience, counteraction.

*«Чтобы побороть коррупцию, начните с того,
что посадите трех своих друзей.
Вы точно знаете за что, и они знают за что»*

Ли КуанЮ

Оценивая уровень коррупции в мире, можно говорить об условной градации всех стран на две большие категории — те, которые успешно справляются с этой проблемой, и те, для которых коррупция представляет собой непреодолимую трудность. В этих условиях международное сотрудничество по борьбе с коррупцией стало острой необходимостью.

На сегодняшний день проблема коррупции в России стала одной из самых серьезных проблем. Принято немало нормативно-правовых актов, регулирующие сферу противодействия коррупции, однако, несмотря на это с каждым годом уровень коррупции растет.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ за 2019 г. были совершены 25 004 преступления коррупционной направленности, вынесены обвинительные приговоры в отношении 15 562 лиц. Если сравнить число осужденных с предыдущим годом, то показатель снизился, в 2018 г. он составлял 16 607 лиц [2].

В изучении мер по борьбе с коррупцией в азиатских странах, первой в очереди страной, чей опыт стоит рассмотреть, находится Сингапур. Эта страна оценивается рейтингами Transparency International как одна из стран с самым низким уровнем коррупции в Азиатско-Тихоокеанском регионе благодаря высокоэффективному специализированному антикоррупционному агентству, эффективному общественному обслуживанию, культуре, нетерпимости к коррупции и сильной политической воле к борьбе с коррупцией.

Для сравнения, приведем показатели Индекса восприятия коррупции, подготовленного международной неправительственной организацией «Transparency International» за 2019 г., согласно которому, Россия занимает 137-е место (28 баллов) из 180 стран, поднявшись на одну позицию выше по сравнению с данными 2018 г., в то время как Сингапур находится в одной из лидирующих позиций и занимает 4 место [3].

Сингапур — это жесткая авторитарная страна, в которой существуют жестокие санкции за любое правонарушение, а уж тем более преступление и поэтому ее опыт дает нам широкие возможности для исследования стратегий и механизмов снижения проявлений коррупции. На сегодняшний день власти Сингапура смогли создать эффективный механизм борьбы с коррупцией, который реально действует и дает результаты.

Анализируя нормативно-правовое регулирование антикоррупционного законодательства Сингапура, следует отметить, что по сравнению с Россией оно наиболее развито. Во-первых, нужно отметить наличие Закона «О предупреждении коррупции», принятого в 1960 г., с изменениями и дополнениями действующего в настоящее время. Настоящий закон определяет уголовно-наказуемым деянием незаконное получение вознаграждения, к которому относятся не только деньги, вещи и предметы, но и любые услуги, оказание благосклонности, предоставление любой защиты от любого наказания или воздержание от исполнения любого властного воздействия.

Тем самым, законодатель Сингапура криминализировал в качестве коррупционного преступления, в том числе незаконное получение выгоды нематериального характера, что в корне отличает указанный закон от определения коррупции, данного в ст. 1 российского Закона «О противодействии коррупции». В качестве субъекта преступления выступают: любой государственный служащий Сингапура, торговый агент, менеджер, управляющий, администратор и иное должностное лицо негосударственной структуры.

Другой акт — Уголовный кодекс Сингапура (Singapore Penal Code) — имеет в своем составе главу IX «Правонарушения, связанные с государственными служащими» (Offences by or relating to public servants), где предусматриваются наказания для чиновников за совершение деяний, связанных с получением незаконных преимуществ за: совершение или несвершение действий, связанных с исполнением служебных обязанностей, оказание или не оказание благосклонности кому-либо или оказание влияния на действия другого; побуждение или подстрекательство другого государственного служащего к нарушению закона; попытку или получение ценной вещи для себя или другого лица без возмещения или с неадекватным возмещением от лица, находящегося с получателем в зависимых служебных отношениях, либо от лица, на кого распространяются служебные функции (управленческие или контрольные) или от подчиненного; намеренное причинение ущерба другому лицу; умышленное составление документа, электронных данных, плана или перевода, содержащих искаженную и недостоверную информацию с целью причинения ущерба другому лицу; незаконное занятие торговой деятельностью (при наличии прямого запрета на подобную деятельность для государственного служащего); незаконную покупку собственности или незаконное предложение цены (при наличии прямого запрета для чиновника) на свое имя или имя другого; умышленную выдачу себя за руководителя государственного органа.

Еще один акт — Закон «О Парламенте (привилегии, иммунитет и полномочия)» (Parliament (Privileges, Immunities and Powers) Act) — предусматривает ответственность за правонарушения, совершаемые членами Парламента [5]. Последним запрещено участвовать в работе любых комитетов и обсуждать что-либо, в том числе принимать участие в голосовании, если это прямо касается личных интересов, запрещено получать, требовать или одобрять подарки, подношения или вознаграждения, заем, награду, компенсацию или иное в целях одобрения или неодобрения законопроекта, резолюции или иного решения, если это относится к законодательным процедурам. В случае совершения подобного виновный наказывается лишением свободы до 7 лет и (или) штрафом до 10 тыс. SD.

Закон «О политических пожертвованиях» (Political Donations Act), принятый в 2000 г., регламентирует поступление пожертвований для политических ассоциаций, кандидатов и их представителей на выборах, а также запрещает поступление подобных пожертвований из других стран или анонимных источников [6]. Положения закона направлены на предупреждение существования «политической коррупции», влияющей, в первую очередь, на формирование высшей законодательной и исполнительной власти Сингапура, включая выборы президента. Закон определяет «политическое пожертвование» как: подарок или деньги, любое имущество; прямая или косвенная оплата расходов кандидата, его доверенного лица или политической ассоциации; предоставление займа, собственности, услуг или оборудования, за исключением предоставления на общих коммерческих условиях; спонсорская помощь в связи с выборами.

Как вы знаете, такой закон в российском законодательстве отсутствует. Говоря о субъектах противодействия коррупции, на которых государство возлагает обязанность выявлять, предупреждать, пресекать, а также иными способами бороться с коррупцией, следует обратить внимание на то, что в России борьба с коррупцией «разбросана» по различным ведомствам, таким как органы прокуратуры, Следственный комитет РФ, ФСБ, МВД, и не определена государственная структура, которая является «головной» в деле организации подобного противодействия с применением оперативно-розыскных мер и уголовно-процессуальных средств. В Сингапуре же противодействием коррупции занимается Бюро расследования коррупционной деятельности.

Бюро является специализированным государственным органом, уполномоченным на выявление и расследование коррупции, обладает исключительным правом, в сравнении с другими правоохранительными структурами Сингапура, проводить оперативно-розыскные и следственные мероприятия в области борьбы с коррупцией, отвечая перед Парламентом, государством и обществом за результативность противодействия коррупционным правонарушениям. Руководителем этого органа является директор, непосредственно ответственный перед премьер-министром. Это означает, что никакой министр не может вмешаться, чтобы остановить расследование или как-либо повлиять на него.

К числу ключевых направлений противодействия коррупции в Сингапуре относятся:

1. Установлена презумпция виновности государственного служащего в совершении им коррупционного правонарушения в случае передачи ему или получении им вознаграждения от лица, заинтересованного в сотрудничестве с правительством; возлагается обязанность на государственного служащего доказать, что средства им получены не коррупционным путем.

2. Образовано независимое Бюро по расследованию случаев коррупции. Бюро уполномочено расследовать случаи коррупции в отношении любого лица вне зависимости от занимаемого им положения. Независимость Бюро обеспечивается тем, что директор бюро прямо подотчетен премьер-министру Сингапура.

3. Проводятся систематические проверки доходов и расходов чиновников и членов их семей.

4. Государственные служащие обязаны заполнять специальную декларацию на отсутствие долгов, наличие которых подразумевает риск поддаться коррупции.

5. Установлены высокие зарплаты для государственных служащих, что способствует переходу на государственную службу служащих из частного сектора. Особенно высоки зарплаты в секторах, в которых беспристрастность и неподкупность стратегически важны. Например, годовая заработная плата судей Верховного Суда Сингапура составляет 234 600 сингапурских долларов (далее — СД), судей Апелляционного Суда — 253 200 СД, а Главного Судьи — 347 400 СД.

6. С целью повышения эффективности оказания государственных услуг в Сингапуре были введены ресурсы, которые упрощают процессы получения лицензий, регистрации и открытия бизнеса, получения необходимых разрешений. Например, на портале License1 можно получить лицензию, загрузив необходимые документы, которые система после загрузки отправляет в соответствующие департаменты. Благодаря этой системе время получения лицензии сократилось с 21 до 8 дней.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности борьбы с коррупцией в России, представляется необходимым перенять опыт Сингапура, в части, касающейся ужесточения уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности. Необходимо ввести в действие норму о конфискации имущества, приобретенного за счет незаконных доходов, как вид наказания, а не мера государственного принуждения.

Кроме того, представляется необходимым повышать уровень правовой культуры и правового воспитания молодого поколения, прививая им нетерпимость коррупции. Полагаем, что любая победа с коррупцией возможна в том случае, если будущее поколение будет воспитываться соответствующим образом. К примеру, в Сингапуре, в рамках дошкольной и основной образовательной программы предусмотрена постановка спектаклей, проведение форумов и конференций на тему коррупции. Для студентов разработана видеоигра «Неподкупный боец», сняты фильмы о борьбе с коррупцией, просмотры которого, являются обязательным.

Повысить уровень открытости судопроизводства, сделать его открытым через сети Интернет, данная мера в любом случае понизит взяточничество судей и других должностных лиц. Несмотря на то, что в России открытость судопроизводства ведется, однако неэффективно, это требует более новых технологий в данной сфере.

Изучив основные способы противодействия коррупции такой страны как Сингапур, необходимо обратить внимание на положительный опыт в противодействии коррупции, чтобы определять, какие меры наиболее эффективны. Учет такого опыта позволит нашей стране существенно снизить уровень коррупции во всех сферах.

Литература

1. Луданова В. Г. Опыт противодействия коррупции в азиатских странах // Символ науки. 2019. № 10. С. 58–59.
2. Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям УК РФ по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 18.07.2019).
3. Трансперенси интернешнл. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii> (дата обращения: 08.02.2019).
4. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г., № 273-ФЗ (в ред. от 30.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
5. О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг.: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г., № 378 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.
6. Агатимова Э. И., Макаренко Г. И. Борьба с коррупцией в России: законодательный аспект // Правовая информатика. 2016. № 2. С. 28–33.
7. Манукян А. Р., Хаджиев Т. Д. Антикоррупционная стратегия Сингапура: ориентация на результат // Право и управление. 2018. № 1. С. 117–123.

Уголовно-правовые меры, не связанные с наказанием, по уголовному законодательству Китайской Народной Республики

© Н. С. Луценко
адъюнкт 3-го года обучения
ФГКОУ ВО «Дальневосточный
юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»
Россия, г. Хабаровск
[nadezdar1010@mail.ru](mailto:nazedastar1010@mail.ru)

Предметом исследования настоящей статьи являются нормы права, регламентирующие применение уголовно-правовых мер, не связанных с наказанием, по законодательству Китайской Народной Республики. Автор проводит сравнительный анализ уголовно-правовых мер, альтернативных наказанию, по законодательству Китая с видами освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных уголовным законодательством России. В ходе исследования выявлены отличительные характеристики иных уголовно-правовых мер в законодательстве обеих стран, в выводе предложена авторская система уголовно-правовых мер, не связанных с наказанием, по уголовному законодательству Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: уголовно-правовые меры, освобождение от уголовной ответственности, преступление, компенсация, ущерб.

The subject of this article is the rule of law governing the application of non-punitive criminal law measures under the laws of the People's Republic of China. The author conducts a comparative analysis of criminal legal measures alternative to punishment under the laws of China with the types of exemption from criminal liability provided for by the criminal legislation of Russia. The study revealed the distinctive characteristics of other criminal legal measures in the laws of both countries, in the conclusion, the authors proposed a system of criminal legal measures that are not related to punishment under the criminal law of the People's Republic of China.

Keywords: criminal law measure, exemption from criminal liability, crime, compensation, damage.

Китайская Народная Республика (далее — КНР) — удивительная страна с тысячелетней историей, богатой культурой и высокими темпами развития экономики, макроэкономические показатели валового внутреннего продукта которой уже обогнали Соединенные Штаты Америки. Развитие социально-экономической сферы страны невозможно без урегулирования и совершенствования законодательства, в том числе и уголовного. Актуальным и интересным представляется исследование в уголовном законодательстве Китайской Народной Республики как государства, продолжающего стоять на позициях социализма с коммунистической идеологией, вопроса, касающегося развития таких уголовно-правовых мер, которые не связаны с наказанием.

Действующий Уголовный кодекс Китая, принятый 14 марта 1997 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва и вступивший в законную силу 1 октября 1997 г., не содержит отдельной главы, посвященной каким-либо иным уголовно-правовым мерам, однако вклю-

чает ряд статей, предусматривающих меры, альтернативные наказанию. Статья 13 УК КНР гласит, что все деяния, за которые в Уголовном кодексе предусмотрено уголовное наказание, являются преступлениями. Однако явное малозначительное, неопасное деяние не может быть признано преступлением.

Китайский законодатель не раскрывает критерии определения таких малозначительных деяний, однако предусматривает ряд мер, не связанных с уголовным наказанием. Итак, статья 37 УК КНР регламентирует, что к лицам, совершившим незначительные преступления, за которые нет необходимости привлекать к уголовной ответственности, уголовное наказание может не применяться. С учетом конкретных обстоятельств дела к таким лицам могут применяться следующие меры:

- 1) вынесение общественного порицания,
- 2) обязательство раскаяться в письменной форме,
- 3) обязательство принести извинения,
- 4) возмещение ущерба, причиненного преступлением,
- 5) наложение компетентным органом административного взыскания [4].

По своему наименованию приведенные китайские уголовно-правовые меры, не связанные с наказанием, схожи с рядом видов освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству:

– обязательство раскаяться — освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ);

– обязательство принести извинения — освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ);

– обязательство возмещения ущерба — вышеперечисленные виды освобождения от уголовной ответственности и другие основания такого освобождения, предусмотренные статьями 76¹, 76², 90 УК РФ.

Такие уголовно-правовые меры, применяемые в Китае, как вынесение общественного порицания и наложение административного взыскания схожи с ранее действовавшими видами освобождения от уголовной ответственности, закрепленными в УК РСФСР 1960 г. (ст. 50¹ — освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, ст. 51 — освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд) [5].

Вместе с тем нельзя не отметить отличительную особенность китайских уголовно-правовых мер, не связанных с наказанием: данные меры применяются к лицу без привлечения его к уголовной ответственности в силу малозначительности преступления, что следует из диспозиции статьей 13, 37 УК КНР. Прерогатива такого решения в Китае относится к Народному суду. Например, если человек украл вещи стоимостью 1000 юаней в школьном общежитии, ему следует наложить меру, не связанную с наказанием; а кражу вещей стоимостью менее 50 юаней, что явно соответствует незначительному деянию и причинению небольшого ущерба, не следует рассматривать как преступление [6]. Факт не привлечения виновного к уголовной ответственности, на наш взгляд, объясняется тем, что в уголовном законодательстве Китая отсутствует институт снятия и погашения судимости. Статья 100 УК КНР предусматривает, что «лица, в соответствии с законом подвергнувшиеся уголовному наказанию, при поступлении на работу, военную службу должны правдиво сообщать в соответствующие органы, что подвергались уголовному наказанию» [4]. Получается, гражданин КНР пожизненно обязан информировать соответствующие инстанции о понесенном уголовном наказании за ранее совершенное преступление [2, с. 159]. Логично предположить, что вследствие отсутствия норм, предусматривающих снятие и погашение судимости, в уголовном законе КНР нет и института освобождения от уголовной ответственности, которая по законодательству данной страны реализуется только посредством назначения наказания, а иные уголовно-правовые меры вовсе применяются без привлечения к уголовной ответственности.

По российскому же уголовному законодательству только факт привлечения лица к уголовной ответственности влечет за собой применение каких-либо уголовно-правовых мер. В случае, если деяние, хотя формально и содержит признаки преступления, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ такое деяние преступлением не является, а органами предварительного расследования выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое не имеет каких-либо правовых последствий для лица, его совершившего. Схожие же с «китайскими» уголовно-правовыми мерами «российские» основания освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям осуществляются исключительно после признания деяния преступлением и установления факта виновности лица в его совершении. При этом, к освобожденному лицу ни в коем случае не могут быть применены нормы погашения и снятия судимости, а также иные обязательства, в том числе и по выплате процессуальных

издержек, связанных с ведением уголовного судопроизводства. Исключение лишь составляет освобождение от уголовной ответственности с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, который исполняется освобожденным лицом в добровольном порядке. Помимо этого, как разъясняет постановление Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г., № 19, освобожденное от уголовной ответственности лицо в случае очередного совершения преступления признается лицом, впервые его совершившим [1].

В рамках настоящей статьи нельзя не проанализировать ст. 36 УК КНР, которая закрепляет положение о том, что вследствие нанесения экономического ущерба в результате преступного поведения, кроме уголовной ответственности, исходя из обстоятельств совершенного преступления, для виновного лица предусматривается гражданская ответственность в виде компенсации материального ущерба. «Преступный элемент, несущий гражданскую ответственность в виде компенсации, одновременно наказывается штрафом. Если его имущества недостаточно, чтобы произвести полную выплату, или у него нет имущества, он должен прежде выполнить обязанность по компенсации причиненного вреда» (ч. 2 ст. 36 УК КНР) [4]. Гражданская ответственность китайцев в виде выплаты компенсации причиненного вреда напоминает российскую обязательную процедуру признания лица, привлекаемого к уголовной ответственности, гражданским ответчиком на сумму причиненного ущерба, заявленного гражданским истцом (потерпевшим), в рамках уголовного дела. Можно сказать, что предусмотренная в уголовном законодательстве Китая компенсация материального ущерба является иной уголовно-правовой мерой, назначаемой с наказанием, тем самым напоминая принудительный платеж в Республике Казахстан, являющийся своеобразным «налогом на преступление» по каждому уголовному правонарушению [3, с. 26].

Подводя итог изложенному, отметим, что, несмотря на отсутствие в УК КНР отдельной главы, посвященной иным мерам уголовно-правового характера, система таких мер все-таки существует. Анализ уголовного законодательства Китая в рамках данной статьи позволил выявить два вида мер, не связанных с наказанием: 1) мер, применяемых к виновному лицу без привлечения его к уголовной ответственности (вынесение общественного порицания, обязанность раскаяться в письменной форме, обязанность принести извинения, возмещение ущерба и привлечение к административному взысканию), и 2) меры в виде компенсации, назначаемой в результате привлечения к уголовной ответственности одновременно с наказанием в виде штрафа. Данная система уголовно-правовых мер выглядит достаточно либеральной и прагматичной, а также вполне оправдана в силу отсутствия института погашения и снятия судимости. С уверенностью можно сказать, что Китай, который всегда уделял большое внимание преступлению и наказанию за его совершение, прилагает большие усилия для развития мер, не связанных с наказанием. Представляется, что установление и развитие таких мер может помочь лицам, совершившим незначительные преступления, вернуться в общество и будет способствовать оптимизации работы органов, связанных с уголовным судопроизводством.

Литература

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г., № 19 (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. 2013. № 145.
2. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2(87). С. 151–199.
3. Плаксина Т. А. Принудительный платеж как иная мера уголовно-правового воздействия по законодательству Республики Казахстан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. К. Бурякова. Барнаул: Изд-во Барнаульского юрид. ин-та МВД России, 2019. Ч. 1. С. 25–26.
4. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае». URL: [https://asia-business.ru/law/law1/criminal code/](https://asia-business.ru/law/law1/criminal%20code/) (дата обращения: 28.03.2020).
5. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
6. 曾志濱中國內地與澳門非監禁刑罰執行制度比較研究 // «一國兩制» 2015 年第 2 期(總第 24 期). 页面 149-154. / пер. Н. С. Луценко. ЦзэнЖибин. Сравнительное исследование мер, не связанных с тюремным заключением, в материковом Китае и Макао // Исследование «Одна страна, две системы». 2015. № 2(24). С. 149–154.

Особенности уголовной ответственности за хищение банковских и иных платежных карт по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики

© В. А. Лютов

преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса
юридического факультета

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

Россия, г. Чита

lyutovva89@gmail.com

В статье автором проведен сравнительный анализ положений уголовного законодательства России и Китая в части установления уголовной ответственности за противоправные действия, совершенные с использованием банковских и иных платежных карт. Выявленные различия в правовом регулировании обуславливают разную практику правоприменительной деятельности и влияют на ее эффективность.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, хищение, банковская карта, кража.

The article the author provides a comparative analysis of the provisions of the criminal legislation of Russia and China regarding the establishment of criminal liability for unlawful acts committed using bank and other payment cards. The revealed differences in legal regulation determine the different practice of law enforcement and affect its effectiveness.

Keywords: crime, criminal liability, theft, bank card, theft.

На сегодняшний день популярность расчетов с использованием банковских и иных платежных карт чрезвычайно велика. Рынок оборота этих платежных средств бурно развивается: в 2019 г. в России было эмитировано свыше 272 миллионов банковских карт [1], в Китае их количество уже в конце 2017 г. превысило 6,5 миллиардов [2]. Естественно, что при таких обстоятельствах банковские карты (а точнее, денежные средства, находящиеся на их балансе и принадлежащие владельцу или банку, выпустившему карту) становятся привлекательным предметом для хищения и противоправного завладения.

В уголовном законодательстве Китая ответственность за незаконные действия с кредитными картами появилась в 1997 г. Ст. 196 УК КНР устанавливает ответственность за пользование фальсифицированной или просроченной кредитной картой, а также картой, выданной третьему лицу или похищенной у законного владельца. Наказания за совершение этих действий являются весьма строгими и могут превышать десять лет лишения свободы (либо оно может назначаться бессрочно). Пользование украденной кредитной картой квалифицируется по общей норме о хищении (ст. 264 УК КНР) и может наказываться смертной казнью. На этих примерах может быть проиллюстрирована сверх репрессивная роль уголовного закона в Китае и тенденция признания исключительной общественной опасности за деяниями, в действительности ею не обладающими. Более того, современное развитие технологий обеспечения безопасности платежей с использованием банковских карт позволяет пресечь значительное количество подозрительных операций и не допустить хищения денежных средств.

В уголовном законодательстве России в 1996 г. были криминализованы незаконные действия, связанные с изготовлением и последующим оборотом банковских и иных платежных карт. По сути, это было правильное решение, целью которого было установление контроля над использованием фальсифицированных банковских карт для получения доступа к счетам граждан, оформивших банковские карты и пользующихся ими на законных основаниях. Только в 2018 г. законодатель включил в систему квалифицирующих признаков кражи такой, как кража с банковского счета или в отношении электронных денежных средств [3]. Хотя уголовная ответственность за мошенничество с использованием банковских карт существовала уже с 2012 г., законодатель разграничил два названных преступления, руководствуясь правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ. Пленум Верховного Суда РФ, в свою очередь, в ноябре 2017 г. разъяснил, что не мошенничеством, а кражей является хищение с использованием ранее похищенной или поддельной платежной карты, а равно хищение с использованием идентификационных данных, полученных от владельца карты обманным путем [4].

В этой связи произошло ужесточение ответственности, которое коснулось, в первую очередь, лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и совершающих с помощью средств мобильной связи обман случайных лиц — держателей банковских карт с последующим распоряжением денежными средствами, находящимися на балансе карты. Особенностью противоправных действий в данном случае является то, что они совершаются без зрительного контакта с жертвой и не затрагивают

напрямую интересы учреждений отбывания наказания, поэтому обладают высочайшей латентностью, могут совершаться длительное время и повлечь причинение ущерба сотням законопослушных доверчивых граждан [5, с. 58–63]. Очевидно, что здесь речь идет не о завладении банковской картой, а о получении обманным путем информации о доступе к финансовым ресурсам, находящимся на ее балансе. Перевод денежных средств или их использование для оплаты покупок товаров и услуг совершается без ведома держателя карты. Из действующей редакции ст. 159.3 УК РФ такая криминальная активность выведена, и независимо от суммы похищенного, она признается тяжким преступлением. Как известно, по ч. 3 ст. 158 УК РФ может быть назначено наказание вплоть до шести лет лишения свободы. Если виновный уже отбывает наказание, то срок его пребывания в исправительном учреждении неминуемо увеличивается, поскольку окончательное наказание в данном случае назначается по совокупности приговоров.

Внесенное законодателем разграничение кражи и мошенничества, сопряженных с незаконным доступом к банковским или иным платежным картам, влечет ужесточение уголовной ответственности. Однако высокую степень общественной опасности это преступление имеет только до тех пор, пока держатели кредитных и иных карт будут проявлять безграмотность в части общения с мнимыми «сотрудниками банков» и иными лицами, стремящимися получить доступ к их реквизитам. При условии широкого информирования общественности о безопасном обращении с банковскими картами вероятность успешного совершения преступных действий будет существенно понижена. Кроме того, развитие технологий, позволяющих выявлять подозрительные операции и останавливать их совершение, также минимизирует возможность причинения ущерба. Например, при локализации места запроса подтверждения операции; при отправке проверочных кодов на номер мобильного телефона держателя карты; при использовании дополнительных средств защиты самой карты (наподобие приемов, используемых на некоторых моделях телефонов: идентификация по изображению, отпечатку пальца и пр.). Все эти способы, скорее всего, получают практическую апробацию в ближайшем будущем. В этой связи криминализация пользования украденной кредитной картой по примеру ст. 196 УК КНР в России нецелесообразна, а дальнейшее ужесточение наказания за незаконное завладение безналичными денежными инструментами не имеет перспективы.

Литература

1. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями // Центробанк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet013.htm (дата обращения: 01.12.2019).
2. Число банковских карт, выпущенных банками Китая, превысило 6,5 млрд единиц [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао. Русская версия. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1219/c31518-9305849.html> (дата обращения: 24.01.2020).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23.04.2018 г., № 111-ФЗ [принят Гос. Думой 10.04.2018] // Рос. газ. 2018. 25 апр.
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 г., № 48 // Рос. газ. 2017. 11 дек.
5. Акчурин А. В., Шауктаева Г. Х. О некоторых обстоятельствах совершения мошенничества осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 58–63.

Уголовно-правовая охрана бюджетных средств в Монголии и Российской Федерации

© А. А. Пастушенко
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный
университет экономики и права»
Россия, г. Хабаровск
Gotthard89@rambler.ru

В статье на примере установленного правового регулирования в Российской Федерации и Монголии рассматривается наиболее серьезный инструмент правовой охраны общественных отношений в сфере использования бюджетных средств — уголовная ответственность. Проведен комплексный сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации и Монголии, а также положений иных отраслей права. Результатом исследования является выявление общих и специфических черт в подходе к решению вопроса уголовно-правовой охраны бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджетные средства, Уголовный кодекс Монголии, нецелевое расходование, бюджет

The article uses the example of established legal regulation in the Russian Federation and Mongolia to consider the most serious instrument of legal protection of public relations in the sphere of using budget funds — criminal liability. A comprehensive comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and Mongolia, as well as the provisions of other branches of law. The result of the research is to identify common and specific features in the approach to solving the issue of criminal legal protection of budget funds.

Keywords: budgetary funds, Mongolian Criminal Code, misappropriation, budget

Мировое сообщество давно признало коррупцию одной из проблем и угроз безопасности общества. Примером такого признания является принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [2]. Конвенцией предусмотрен как широкий спектр правонарушений объединенных общей категорией «коррупция», так и инструментарий, позволяющий если не искоренить данный «недуг», то минимизировать его проявление в различных сферах общественных отношений. Одним из нарушений, за которые Конвенция предлагает наиболее суровую форму ответственности, является нецелевое использование публичным должностным лицом какого-либо имущества, публичных или частных средств (статья 17).

В широком смысле «имущество» включает в себя денежные средства. При этом для публичной власти характерна особая форма облечения денежных средств — бюджетные средства. Таким образом, одним из проявлений коррупции являются неправомерные действия, допускаемые должностными лицами при использовании бюджетных средств, а именно нецелевое расходование бюджетных средств. Если признание данной проблемы на уровне международных документов носит больше декларативный характер, то на уровне отдельно взятого государства жизненно важной необходимостью является формирование комплексного механизма уголовно-правовой охраны бюджетных средств.

При этом формирование такого механизма в его окончательном виде не говорит о его изолированности от иных субъектов мирового сообщества. Постоянные интеграционные процессы, в том числе, в сфере уголовно-правового регулирования порождают необходимость изучения опыта противодействия преступлениям в других странах. Речь идет не только об опыте практического применения установленных законоположений, но и способах изложения уголовно-правовых запретов.

В рамках настоящей статьи проведем сравнительный анализ уголовного законодательства РФ и Монголии. Выбор уголовного законодательства Монголии в качестве объекта для сравнения обусловлен не только общими историческими и территориальными связями этих стран, но и прежде всего выделением в Уголовном кодексе Монголии самостоятельного состава преступления, связанного с нецелевым расходованием бюджетных средств.

Уголовный кодекс Монголии принятый 03 декабря 2015 г. (далее — УК Монголии) [4] предусматривает специальную норму, предусматривающую уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств — статья 22.8 «Нецелевое расходование бюджетных средств».

Данная норма не является новеллой для уголовного закона Монголии. Так, ранее действовавший Уголовный кодекс Монголии от 03 января 2002 г. также предусматривал отдельную норму, определяющую нецелевое расходование бюджетных средств как уголовно-наказуемое деяние (статья 273).

Таким образом, переход на специальное правовое регулирование в данной области произошел в Монголии раньше, чем в Российской Федерации, для которой этот путь исчисляется со дня вступле-

ния в силу Федерального закона от 08 декабря 2003 г., № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (11 декабря 2003 г.).

Статья 22.8 УК Монголии включает сложносоставную диспозицию. Так, часть 1 указанной статьи содержит шесть пунктов, каждый из которых отражает самостоятельную форму незаконного расходования средств государственного бюджета: вопреки их назначению (п. 1.1); приобретение товаров, работ и услуг по ценам выше среднерыночных (п. 1.2); приобретение товаров в размерах, превышающих потребности под предлогом создания запасов, тем самым блокируя поток денежных средств (п. 1.3); преднамеренное увеличение цены товаров в целях создания дефицита бюджета (п. 1.4); продажа имущества государства и бюджетной организации по цене ниже рыночной (п. 1.5); незаконное присвоение средств с помощью низкокачественных товаров и продуктов в области строительства и строительных работ, выполненных из государственного бюджета или собственного финансирования (п. 1.6).

В отличие от российского аналога норма УК Монголии построена по принципу перечисления конкретных действий, которые входят в категорию «нецелевое расходование бюджетных средств».

Статья же 285¹ УК РФ по изложению схожа только с действием, указанным в п. 1.1 ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии. Однако если обратиться к практике применения ст. 285¹ УК РФ, то можно найти примеры, когда по указанной статье квалифицируются действия, отраженные в пунктах 1.2–1.4 ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии.

Относительно действий, описанных в пунктах 1.5–1.6 ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии, отметим, что эти действия не подпадают под действие ст. 285¹ УК РФ. В российском правовом поле их, в зависимости от ситуации, можно квалифицировать по ст. 285, 286 УК РФ.

Считаем способ изложения нормы, избранный монгольским законодателем некорректным, так как определение исчерпывающего перечня деяний может привести к уходу от ответственности лиц, действия которых причинят вред бюджетной системе, но не будут подпадать под указанный перечень. Продолжая оценивать ст. 22.8 УК Монголии, обратим внимание на то, что в отличие от ст. 285¹ УК РФ нецелевое расходование бюджетных средств в Монголии является материальным составом преступления.

Так ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии содержит конструкцию «повлекшее ущерб», а ч. 2 ст. 22.8 УК Монголии, являясь квалифицированным составом, предусматривает формулировку «повлекшее крупный ущерб».

Системное толкование ч. 4 ст. 2.5 и ч. 3 ст. 5.3 УК Монголии позволяет прийти к выводу о том, что монгольское уголовное законодательство классифицирует ущерб на три вида: незначительный ущерб (от 300 000 тугриков и более); значительный ущерб (от 10 000 000 тугриков и более); крупный ущерб (от 50 000 000 тугриков и более).

Буквальное трактование конструкции «повлекшее ущерб» в отличие от применяемой в ст. 285¹ УК РФ «совершенное в крупном размере» указывает именно на наличие обязательных последствий, как криминообразующего элемента. При этом применяемая в УК РФ формулировка является характеристикой предмета посягательства, а не объективной стороны.

Субъектом ст. 22.8 УК Монголии является бюджетный управляющий. Для полноценного сравнения указанного субъекта с «получателем бюджетных средств», предусмотренным диспозицией ст. 285¹ УК РФ, обратимся к бюджетному законодательству Монголии.

Согласно ч. 4.1.35 ст. 4 Закона Монголии «О бюджете» от 23 декабря 2011 г.[1] бюджетный управляющий это главный бюджетный управляющий, управляющий центральным бюджетом и непосредственный управляющий бюджетом.

Анализ ч. 4.1.36–4.1.38 ст. 4, ст. 14–16 Закона Монголии «О бюджете» от 23 декабря 2011 г., в которых раскрывается содержание трех подкатегорий бюджетного управляющего и их полномочия показал, что это должностные лица уполномоченные планировать бюджет, осуществлять распределение его средств, распоряжаться им и отчитываться в его исполнении.

Если провести аналогию с бюджетным законодательством РФ, то бюджетный управляющий это субъект, объединяющий в себе три российские категории: «главный распорядитель бюджетных средств», «распорядитель бюджетных средств» и «получатель бюджетных средств».

Отметим, что подход к определению субъекта нецелевого расходования бюджетных средств, предложенный в УК Монголии является более эффективным, поскольку под защиту взяты отношения, в которых участвует не отдельно взятые участники бюджетного процесса, а все лица, непосредственно распоряжающиеся бюджетными средствами. Так, российское научное сообщество неоднократно высказывалось о дефектности узкого подхода к отражению субъекта нецелевого расходования в ст. 285¹ УК РФ, в частности о необходимости распространения данной нормы на главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств.

Важным параметром, по которому необходимо провести сравнительное исследование, является мера ответственности, которые законодатель предусмотрел за допущенное нарушение.

За совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии, могут быть назначены следующие виды наказания:

– лишение права быть назначенным на государственную должность сроком до 3 лет со штрафом в размере от пяти тысяч четырехсот единиц до двадцати семи тысяч единиц (от 5 400 000 до 27 000 000 тугриков);

– ограничение права передвижения на срок от одного года до пяти лет;

– лишение свободы на срок от одного года до пяти лет.

Часть 2 ст. 22.8 УК Монголии наказывается лишением свободы на срок от 2 до 8 лет.

Видовое разнообразие наказаний не отличается от тех, которые предусмотрены в российском законодательстве. При этом обращает на себя внимание размер указанных наказаний. Для сравнения возьмем лишение свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 285¹ УК РФ оно составляет срок до двух лет, по ч. 2 до пяти лет. Соответственно верхний предел по УК Монголии выше. Однако размер такого вида наказания как лишение свободы не имеет значения, поскольку как показывает практика применения ст. 22.8 УК Монголии и ст. 285¹ УК РФ лишение свободы не применяется. Предпочтение отдано таким мерам наказания как штраф и лишение права занимать должности.

Так, М. Б. за совершение преступления, предусмотренного п. 1.1 ч. 1 ст. 22.8 УК Монголии был приговорен к лишению права быть назначенным на государственную должность сроком на 1 год и штрафу в размере 5 400 000 тугриков [3].

Подводя итог, отметим следующее:

1) выделение нецелевого расходования бюджетных в качестве отдельного состава преступления указывает на актуальность охраны бюджетных правоотношений для Монголии. Кроме того, свидетельствует о желании законодателя иметь эффективную систему уголовно-правовой охраны бюджетных средств, что особенно актуально для периодов проявления кризисных явлений в экономике;

2) способ изложения диспозиции ст. 22.8 УК Монголии полагаем специфичным. При этом не исключаются риски ухода от ответственности лиц, чьи преступные действия с бюджетными средствами не будут подпадать под перечень, предусмотренный ст. 22.8 УК Монголии;

3) избрание в качестве субъекта преступления должностного лица, которое осуществляет не только функции исполнения бюджета, считаем удачным и в значительной степени повышающим коэффициент полезности нормы;

4) определенные в УК Монголии виды и размеры наказаний находим разумными как с точки зрения объекта уголовно-правовой защиты, так предупредительного потенциала нормы.

Литература

1. О бюджете: закон Монголии от 23 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/12254> (дата обращения: 04.04.2020).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 04.04.2020).

3. Резолютивная часть приговора Межсумского суда в Замиин-Уудском суме Дорноговского аймака от 8 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.shuukh.mn/eruaanhan/15322/view> (дата обращения: 04.04.2020).

4. Уголовный кодекс Монголии от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/11634> (дата обращения: 04.04.2020).

Сравнительно-правовой анализ досрочного освобождения от отбывания наказания в КНДР и РФ

© А. А. Пахорук, магистрант 1-го курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова» Россия, г. Улан-Удэ
pahorukov1997@mail.ru

© А. Н. Мяханова, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова» Россия, г. Улан-Удэ
alex27-m@mail.ru

В статье рассматривается ряд норм северокорейского и российского уголовного законодательства, которые регулируют досрочное освобождение от отбывания наказания. Проанализированы предусмотренные уголовным законодательством виды наказаний и досрочное освобождение от отбывания наказания и их содержание. Обращается внимание на применение амнистии, помилования, а также досрочного освобождения от отбывания наказания. Также показана северокорейская система уголовных наказаний.

Ключевые слова: досрочное освобождение от отбывания наказания, амнистия, помилование.

The article discusses a number of norms of North Korean and Russian criminal legislation that govern early release from serving a sentence. The types of punishments provided for by criminal law and the early release from serving a sentence and their content are analyzed. Attention is drawn to the application of amnesty, pardon, as well as early release from serving a sentence. The North Korean criminal punishment system is also shown.

Keywords: parole, amnesty, pardon.

Законодательный опыт в решении вопросов об уголовных наказаниях и досрочного освобождения от отбывания наказания в Корейской Народно-демократической Республике (далее — КНДР) и Российской Федерации (далее — РФ) представляется на сегодняшний день чрезвычайно актуальным. Законодательству Северной Кореи в российской литературе не уделялось достаточного внимания. Если же говорить об уголовном законодательстве КНДР, в том числе в области досрочного освобождения от отбывания наказания, то этим занимается крайне ограниченный круг специалистов. В последнее время в уголовном законодательстве КНДР произошли значительные изменения, которые требуют анализа.

Уголовный кодекс КНДР принят 3 марта 1950 г. на V сессии Верховного народного собрания I созыва. Действующий УК КНДР 1987 г. имеет 161 статью, которые составляют 13 глав и 8 разделов. При этом, в структуре УК КНДР отсутствует деление на Общую и Особенную часть. Но, к Общей части могут быть отнесены: Раздел 1 «Основные принципы» (ст. 1–9) и Раздел 2 «Общие положения» (ст. 10–59). К Особенной части: Раздел 3 «Преступления против государства и народа» (ст. 60–73); Раздел 4 «Преступления, нарушающие приказы о национальной обороне» (ст. 74–90); Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» (ст. 91–182); Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» (ст. 183–208); Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» (ст. 209–245); Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» (ст. 246–265); Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» (ст. 265–290) [1, с. 85].

В УК Северной Кореи указаны такие виды наказаний как: 1) смертная казнь; 2) пожизненные исправительно-трудовые работы; 3) исправительно-воспитательные работы; 3) лишение избирательного права; 4) конфискация имущества; 5) штраф; 6) лишение квалификации; 6) лишение квалификации на определенный срок [2, с. 22]. При этом, необходимо обратить внимание на то что УК КНДР не дает легального определения наказания и его целей. Система наказаний Северной Кореи отличается от российской. К примеру:

- конфискация имущества в КНДР является видом наказания. В тоже время в РФ конфискация имущества является иной мерой уголовно-правового характера;

- в КНДР отсутствуют некоторые наказания, которые применяются в РФ (ограничение свободы, лишение специального, воинского или почетного звания и т. д.);
- в УК КНДР предусмотрены наказания, которые отсутствуют в РФ (лишение избирательного права).

Статьи УК КНДР, регламентирующие досрочное освобождение от отбывания наказаний, структурно входят в главу «Наказания», в частности: специальное помилование и амнистия; сокращение срока наказания и досрочное освобождение; правовой статус лица, отбывшего наказание. Установлено, что осужденный освобождается от наказания на основании помилования или амнистии.

Статьи УК РФ, регламентирующие досрочное освобождение от отбывания наказаний, входят в главу «Освобождение от наказания». УК РФ предусматривает различные виды досрочного освобождения от отбывания наказания: условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение в связи с болезнью осужденного, амнистия, помилование и др.

Помилование в Северной Корее осуществляется Председателем Государственного совета КНДР, а амнистия — Президиумом Верховного народного собрания. Помилование в РФ осуществляется Президентом РФ, а амнистия Государственной Думой РФ. Помилование и амнистия в КНДР аналогичны российскому. Так, в РФ и КНДР помилование применяется в отношении индивидуально определенного лица, а амнистия в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. По законодательству рассматриваемых стран амнистия и помилование должны применяться безотносительно к видам отбываемого наказания. Законодательно определено, что они могут применяться в отношении всех осужденных.

Следует отметить, что в УК КНДР предусмотрено досрочное освобождение от наказания в связи с чистосердечным раскаянием в совершенном преступлении и «достойным» поведением, которое подтверждает намерение осужденного исправиться и жить, не нарушая закон [3, с. 94].

Кроме этого, северокорейский законодатель ориентирован на применение досрочного освобождения при отбывании исправительно-трудовых работ. Объясняется это тем, что оно является наиболее часто применяемым наказанием [4, с. 188–190; 5, с. 75–82]. Это наказание отбывается в лагерях и иных учреждениях, т.е. фактически это является аналогом вида наказания «лишение свободы» в УК РФ. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что законодательство КНДР, в отличие от российского, не знает таких видов досрочного освобождения от отбывания наказания, как замена неотбытой части наказания, более мягким видом наказания и освобождение от наказания в связи с болезнью осужденного.

Таким образом, северокорейский законодатель, в отличие от российского подхода, выделяет и регулирует только несколько видов досрочного освобождения от отбывания наказания. А именно, помилование, амнистию, а также сокращение срока наказания и досрочное освобождение. Это свидетельствует об актуальности дальнейшего сравнительно-правового анализа уголовного законодательства КНДР и РФ.

Литература

1. Ковш А. В. Сравнительный анализ отдельных положений уголовных кодексов КНДР и РК // КНДР и РК — 70 лет. 2018. С. 84–93.
2. Скиба А. П., Ковш А. В., Мяханова А. Н. Виды наказаний и их содержание по уголовному кодексу Корейской Народно-Демократической Республики (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами российского законодательства) // Юридическое образование и наука. Юрист. 2018. № 10. С. 20–23.
3. Скиба А. П., Ковш А. В., Мяханова А. Н. Досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Корейской Народно-Демократической Республики и Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1.
4. Иванов А. М., Корчагин А. Г. Законодательный опыт решения вопроса об уголовных наказаниях в соседних странах: Краткий обзор УК КНДР и УК Республики Корея // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2. С. 188–190.
5. Сабитов Т. Р. Принципы уголовного права стран Дальнего Востока: сравнительно-правовой анализ на примере КНР, Японии и КНДР / Новосибирский государственный университет, 2008.

Особенности имплементации института наказания России и Китая

© В. С. Рослова
ЮУрГУ (Южно-Уральский
государственный университет)
Россия, г. Челябинск
roslova-violetta@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института наказания в российском и китайском уголовном праве, раскрываются вопросы имплементации международно-правовых норм в уголовное законодательство РФ и КНР. Уделяется внимание проблемным вопросам темы исследования, формулируются рекомендации по их разрешению.

Ключевые слова: законодательство, институт, кодекс, конфискация, международное право, наказание, имплементация.

In article is conducted relatively-legal analysis of the institute of the punishment in russian and chinese criminal right, open the questions an имплементации international-legal rates in criminal legislation RF and KNR. It Is Spared attention to problem-solving questions of the subject of the study, are formulated recommendations upon their permit.

Keywords: legislation, institute, code, forfeiture, international right, punishment, implementation.

Институт уголовного наказания занимает центральное место в системе мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие и борьбу с преступностью.

Институт уголовного наказания в РФ регламентируется нормами УК РФ от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ. В основе норм УК РФ находятся конституционно-правовые нормы и общепризнанные международно-правовые нормы и принципы. В нормы УК КНР от 01 октября 1997 г. также имплементированы некоторые нормы международного права.

Имплементация норм, предусмотренных в международных договорах, может осуществляться либо посредством включения в национальные нормативно-правовые акты определенных международно-правовых норм, либо посредством прямой реализации соответствующих международно-правовых норм уполномоченными национальными органами государства, в том числе, судебными органами [2, с. 210]. Таким образом, международно-правовые нормы и принципы являются частью внутреннего права как в РФ, так и в КНР.

Институт уголовного наказания в РФ и в КНР характеризуется некоторыми общими и отличительными признаками [4, с. 219].

Деление уголовных наказаний на основные и дополнительные предусмотрено как в нормах российского, так и в нормах китайского уголовного законодательства. Основные виды уголовных наказаний предусмотрены в ст. 33 УК КНР [5], в их числе: надзор, краткосрочный арест, срочное лишение свободы, бессрочное лишение свободы, смертная казнь. В свою очередь, штраф, конфискация имущества и лишение политических прав законодателем КНР отнесены к дополнительным видам уголовных наказаний. В отношении иностранных граждан, совершивших на территории КНР преступление, также предусмотрено наказание в виде высылки из КНР.

УК РФ в ст. 45 [1] предусматривает основные и дополнительные уголовные наказания. Проанализировав основные и дополнительные наказания, предусмотренные в ст. 45 УК РФ, можно прийти к выводу о том, что российский законодатель выделяет больше видов уголовных наказаний относительно законодателя КНР. При этом, положительной стороной китайской системы уголовных наказаний является наличие такого вида, как конфискация имущества.

В РФ как самостоятельный вид уголовного наказания конфискация имущества была исключена в 2003 г. с принятием ФЗ от 08 декабря 2003 г., № 162-ФЗ. В 2016 г. конфискация имущества была включена в раздел 6 УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». Необходимость возврата данного правового института в российское законодательство была обусловлена положениями некоторых международных конвенций ООН: против коррупции, против транснациональной организованной преступности и др. При этом, отнесение конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера вместо системы наказаний как в научной среде, так и на правоприменительном уровне вызвало многочисленные споры и дискуссии [3, с. 263]. Как иная мера уголовно-правового характера конфискация имущества на практике подтвердила свою неэффективность, что наталкивает на мысль о необходимости исключения данного института из перечня иных мер уголовно-правового характера с одновременным включением его в систему наказаний.

Таким образом, институт уголовного наказания как в России, так и в Китае сформирован с учетом имплементации международно-правовых норм в национальное уголовное законодательство. Системы уголовных наказаний России и Китая характеризуются как общими, так и отличительными признаками. Положительной стороной системы наказаний КНР является наличие такого вида наказания, как конфискация имущества. В рамках проведенного исследования многие ученые склоняются к тому, что систему уголовных наказаний РФ следует дополнить конфискацией имущества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.
2. Жабский В. А. Проблемы имплементации норм международного права в национальное законодательство России (на примере уголовных наказаний) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 210–215.
3. Казакова В. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(4-1), № 3. С. 263–267.
4. Яндыбаева А. С. Сравнительный анализ уголовных наказаний России и Китайской Народной Республики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4. С. 219–223.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 1 октября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: ukknr.ucoz.ru (дата обращения: 06.03.2020).

Мошенничество при получении материнского (семейного) капитала: проблемы уголовно-правового противодействия в России и Китае

© С. Н. Салишев,
магистрант
Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского
Томского государственного университета
Россия, г. Новосибирск
chumakov-alexey-nsk@yandex.ru

© А. В. Чумаков,
канд. юр. наук, доц. кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского
Томского государственного университета
Россия, г. Новосибирск,
chumakov-alexey-nsk@yandex.ru

Авторами рассмотрены отдельные особенности уголовно-правового противодействия мошенничеству при получении материнского (семейного) капитала в России и КНР, выявлены и проанализированы некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации преступных деяний обозначенной категории. В работе также представлен краткий обзор современных тенденций развития КНР в части реализации социальной политики.

Ключевые слова: мошенничество, государственная социальная помощь, выплаты, уголовно-правовая квалификация, мошенничество при получении выплат, материнский (семейный) капитал.

The Author are considered separate particularities criminal-legal reluctance fraud at reception maternal (household) of the capital in Russia and KNR, are revealed and analysed some problems criminal-legal qualification of the criminal children marked to categories. Synopsis modern trend developments KNR is also presented In work in a part of the realization social politicians.

Keywords: fraud, state social help, payments, criminal-legal qualification, fraud at reception of the payments, maternal (household) capital.

В настоящее время совершенствование уголовно-правового механизма противодействия экономическим преступлениям является одним из наиболее приоритетных направлений уголовной политики не только в Российской Федерации, но и в других странах мира. Анализ мировых показателей пре-

ступности свидетельствует о значительной распространённости отдельных преступлений экономической направленности, в том числе различных мошеннических посягательств. Данные преступления характеризуются значительным объёмом извлекаемой прибыли, высокой степенью латентности, наиболее часто совершаются в составе организованных преступных групп и, в большинстве своём, сопряжены с совершением различных коррупционных преступлений [8; с. 5].

Бесспорным представляется следующее: в целях организации противодействия указанным преступным посягательствам необходимо обеспечить активный обмен опытом на международном уровне. Так, Россию и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) связывает единство подходов к развитию человеческой цивилизации, между Россией и АТР давно ведётся насыщенный и многоплановый диалог в сфере международной и региональной безопасности [4]. Именно оценка перспектив взаимного развития государственных правовых систем и выявление возможных направлений совершенствования законодательства является основой для эффективного противодействия экономической преступности. Для целей настоящего исследования хотелось бы акцентировать внимание на Китае (далее — КНР), как стране АТР с наиболее выдающимися показателями экономического роста.

Анализируя особенности уголовно-правового противодействия мошенничеству при получении материнского (семейного) капитала в России и КНР хотелось бы отметить, что данные преступные посягательства квалифицируются в соответствии со ст. 159.2 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), введённой Федеральным законом от 29 ноября 2012 г., № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Законодатель выделил данную разновидность мошеннических посягательств из общей нормы о мошенничестве (предусмотренной ст. 159 УК РФ). В соответствии с положениями действующего УК РФ, мошенничество при получении выплат представляется собой хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путём умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат [7; с. 109–114].

Обратимся к Уголовному кодексу КНР (далее — УК КНР), для выявления его характерных особенностей в области квалификации мошеннических посягательств. М. Н. Романовская в своих трудах указывает: «Мошенничеству или мошенническим деяниям в действующем Уголовном кодексе КНР от 14 марта 1997 г. посвящены 15 статей (ст. 167, 187, 192 — 198, 266, 269, 287, 319, 382, 406). Учитывая структуру Уголовного кодекса, состоящего из Общей и Особой частей, каждая из которых, в свою очередь, разделена на титулы (разделы), включающие соответствующие статьи, мошенничество и мошеннические деяния не связаны родовым признаком и встречаются в разных титулах (разделах): преступления против социалистической рыночной экономики (ст. 140–231), имущественные преступления (ст. 263–276), преступления против порядка управления (ст. 277–367), преступления против коррупции (ст. 382–396), должностные преступления (ст. 397–419)» [3]. Конкретизируя сказанное, хотелось бы отметить, что в УК КНР нет прямого указания на мошеннические посягательства, совершаемые при получении выплат (в том числе материнского (семейного) капитала), однако указанные общественные отношения, в большей степени, охвачены диспозициями статей 192, 266 УК КНР. Так, в соответствии с УК КНР ответственность за мошеннические действия в отношении бюджетных средств наступает по статье 192 УК, в которой говорится о том, что накопление капитала мошенническими противозаконными способами в целях незаконного владения, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным лишением свободы, а также штрафом в размере от 20 до 200 тыс. юаней. Статья 266 УК КНР говорит об ответственности за «завладение путём мошенничества государственным или частным имуществом в сравнительно крупном размере, которое наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором» [6].

Нужен ли Уголовному кодексу КНР самостоятельный состав, регламентирующий наступление уголовной ответственности за совершение мошенничества при получении материнского (семейного) капитала? Отвечая на этот вопрос, хотелось бы упомянуть дискуссию, связанную с введением нормы о мошенничестве при получении выплат в уголовном законодательстве РФ. После введения соответствующей статьи в Уголовный кодекс в научном сообществе сформировалось несколько точек зрения. Так, А.В. Шеслер [9, с. 67] поддержал принятие законодательных новелл и аргументировал свою позицию повышением эффективности работы правоохранительных органов в сфере противодействия мошенническим посягательствам. В.И. Тюнин [5, с. 35–41] и ряд других авторов выразили скептическое отношение по данному вопросу и не согласились с целесообразностью создания подобных статей, поскольку практические работники сталкиваются с целым рядом проблем в правоприменении, а

юристы находят десятки неточностей и несоответствий в самом тексте новоиспечённых норм. Анализ следственной и судебной практики по делам данной категории, а также применение метода экспертных оценок позволили сделать вывод о наличии значительных сложностей при выявлении, раскрытии и расследовании мошеннических посягательств, связанных с получением социальных и иных выплат. В контексте анализа мошенничества при получении материнского (семейного) капитала хотелось бы отметить, что данные преступные посягательства наиболее часто совершаются путём заключения «псевдо-легальных» или же мнимых гражданско-правовых сделок, что существенно осложняет процесс выявления признаков преступления и отграничения его от законных действий. Также сложности у сотрудников правоохранительных органов возникают в части отграничения преступления от основного состава мошенничества (ст. 159 УК РФ), выявления сопутствующих преступлений (к числу которых относятся преступления, предусмотренные ст. 158, 160, 285, 290, 291, 292, 293 УК РФ) и т.д. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что введение специальной нормы о мошенничестве при получении материнского (семейного) капитала в уголовное законодательство КНР должно быть основано на всестороннем анализе практики выявления и расследования данной категории преступлений в других странах, а также значительным ростом финансирования отдельных категорий населения в Китае. Приведём несколько аргументов в обоснование необходимости введения ответственности за совершение мошеннических посягательств в отношении средств государственной социальной помощи в УК КНР. Так, в Плане социально-экономического развития Китая на 2020 г. [1] одним из ключевых направлений обозначена «ликвидация нищеты и построение общества среднего достатка». В рамках реализации данного направления запланировано проведение мероприятий, направленных на осуществление дополнительного финансирования малообеспеченных категорий населения, создание благоприятных условий для получения детьми общего среднего образования, поддержание уровня материального благосостояния населения. В свете провозглашения решения Пленума ЦК КПК об отмене правила «одна семья — один ребёнок», действовавшего с 1970 по 2015 г., представляется что КНР в обозримом будущем акцентирует внимание на проблеме оказания адресной социальной помощи молодым семьям в связи с рождением детей. Предполагаем, что указанные направления развития КНР предопределяют необходимость внедрения механизмов защиты государства от преступных посягательств в данной сфере.

Обобщая сказанное, а также подводя итоги проведённого анализа некоторых положений уголовного законодательства России и Китая в области предоставления гражданам государственной социальной помощи, можно сделать ряд выводов. Во-первых, на сегодняшний день уголовное законодательство КНР не содержит специальной нормы о мошенничестве при получении материнского (семейного) капитала, но, одновременно с этим, мошеннические действия, совершенные в отношении средств государственной социальной помощи, могут быть квалифицированы по целому ряду составов, где объектом совершения преступления выступают социально-ориентированные бюджетные средства, направленные на оказание финансовой поддержки некоторым категориям граждан, имеющих право на её получение. Во-вторых, включение специальной нормы о мошенничестве при получении материнского (семейного) капитала в Уголовный кодекс КНР видится возможным и необходимым только в случае значительного увеличения количества зарегистрированных преступлений, связанных с получением соответствующих социальных выплат, а также в случае увеличения целевого финансирования данной сферы жизни современного общества в КНР.

Литература

1. Китай определил задачи развития на 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/30/v-2020-godu-v-kitae-razrabotaiut-plan-reformy-gospredpriiatij-na-3-goda.html> (дата обращения: 17.04.2020).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.11.2012 г., № 207-ФЗ: принят ГД ФС РФ 23 ноября 2012 г., одобрен СФФС РФ 28 ноября 2012 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.
3. Романовская М. Н. Мошеннические деяния по уголовному праву Китайской Народной Республики // Евразийский Союз Ученых. 2017. № 4-2(37) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennicheskie-deyaniya-po-ugolovnomu-pravu-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 18.04.2020).
4. Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион: новые измерения интеграции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2018-11-26--rossija-i-aziatsko-tihookeanskij-region-novye-izmerenija-integracii-39770> (дата обращения: 17.04.2020).

5. Тюнин В. И. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничества // Уголовное право. 2013. № 2. С. 35–41.
6. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 17.04.2020).
7. Чумаков А. В. Основные цели и направления расследования мошенничества при получении выплат // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 109–114.
8. Чумаков А. В., Гармаев Ю. П. Расследование мошенничества при получении выплат: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 5.
9. Шеслер А. В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 67.

О возвращении в российское законодательство уголовного проступка: pro и contra

© **В. Н. Сизова**,
ведущий сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России
кандидат юридических наук, докторант
Россия, г. Москва,
svnn@inbox.ru

В статье подвергаются анализу вопросы, связанные с возвращением в российское законодательство категории уголовного проступка, что послужит снижению уровня уголовной репрессии, реализации принципа справедливости уголовного закона, обеспечению доступа граждан к правосудию, установлению реальных показателей преступности.

Ключевые слова: российское уголовное законодательство, уголовно-правовая система, уголовно-правовые тенденции, уголовный проступок.

The article analyzes issues related to the return of the category of criminal misdemeanor to the Russian legislation, which will serve to reduce the level of criminal repression, implement the principle of fairness of the criminal law, ensure citizens' access to justice, and establish real crime indicators.

Keywords: russian criminal legislation, criminal legal system, criminal legal trends, criminal misdemeanor.

В результате острых дискуссий, возникающих при обсуждении вопросов, связанных с возвращением в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка, особое значение приобретают отдельные элементы данной проблемы, к которым относятся:

- необходимость снижения уровня уголовной репрессии;
- должное внимание предложениям со стороны представителей научной общественности [2, с. 28–34; 7–8] и практикующих юристов [4, с. 66] о необходимости изъятия из Кодекса об административных нарушениях противоправных деяний, являющихся по степени общественной опасности на «границе» административного правонарушения, например, ст. 7.27 КоАП РФ;
- важность рассмотрения вопроса об исключении из ч.2 ст. 14 УК РФ категории малозначительности деяния, не представляющего общественной опасности, наличие которой обуславливает возможность ежегодного принятия до 7 млн. решений об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях, нарушая тем самым право граждан на их доступ к правосудию и возмещению причиненного ущерба;
- недопущение искажения данных о состоянии преступности, способствующих росту латентной преступности.

Важную роль в разрешении указанных вопросов играет возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации категории уголовного проступка [11]. При этом, рассматривая обусловленность возвращения категории уголовных проступков в российское уголовное законодательство необходимо отметить важность и значимость детального анализа современного состояния преступности, включая изучение ее основополагающих тенденций, сложившихся в нашей стране за последние десятилетия.

Особое внимание должно быть обращено на трансформацию форм и видов современной преступности, которая стала более общественно опасной, с присущей ей организованностью и профессионализмом. Вместе с тем, становится очевидной на сегодняшний день потребность государства и общества в гуманном отношении к лицам, совершающим менее опасные преступления, исправление кото-

рых возможно без применения наказаний в виде лишения или применения мер, заменяющих данные наказания.

Дискуссионному обсуждению на сегодняшнем этапе развития российской уголовно-правовой политики подлежат вопросы дальнейшей гуманизации и либерализации уголовно-правовых норм, снижения уровня их репрессивности [1, с. 26–40; 22–25]. При этом следует отметить возникающие сложности при осуществлении криминологической характеристики тех преступных деяний, которые в силу своей небольшой общественной опасности могли бы быть включены в категорию уголовных проступков. В качестве одной из причин этого выступает отсутствие должного отражения в уголовно-правовой статистике преступлений небольшой тяжести.

Так, данные, полученные в результате проведенного Б.Я. Гавриловым и Е.В. Роговой анализа преступлений, за которые максимальный срок лишения свободы составляет три года [3, с. 7–45], дали основание для формулирования определенных выводов о состоянии преступности, не относящейся к тяжкой: в 2005–2009 гг. в России ежегодной регистрации подвергался 1 млн. преступлений небольшой тяжести, что составляло 35–36% в структуре зарегистрированной преступности, а, начиная с 2012 г., явной стала сформировавшаяся тенденция увеличения их удельного веса до 46,2%. Несмотря на то, что в 2016–2019 гг. количественный показатель преступлений небольшой тяжести уменьшился, что обуславливалось и декриминализацией их отдельных видов, однако удельный вес в структуре общей преступности сохраняется. При этом доля осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести увеличилась, превышая на сегодняшний день уровень 50% от общего числа осужденных.

В этой связи Б. Я. Гаврилов отмечает, что изучение указанной категории преступлений демонстрирует их массовый характер и подверженность латентности, указывая на то, что значительное количество таких деяний не получают соответствующей уголовно-правовой оценки, формируя условия для безнаказанности и порождая новые преступления [3, с. 7–45]. Подтверждением этому служат проводимые социологические опросы граждан, в результате которых были получены данные, свидетельствующие о том, что в правоохранительные органы не обращается практически каждый второй пострадавший [6, с. 8, 61–62].

Вышеизложенное дает основание для формулирования вывода о необходимости отнесения значительной части преступлений небольшой тяжести к категории уголовных проступков, совершение которых не подлежит учету при признании рецидива и не влечет ответственности за покушение на них. Также представляется обоснованным положение, согласно которому:

- совершение уголовного проступка не должно влечь за собой судимости;
- лица, виновные в совершении уголовного проступка подлежат освобождению от уголовной ответственности при примирении с потерпевшим либо деятельном раскаянии.

Особое место категория уголовного проступка занимает и в вопросе дифференциации уголовной ответственности. Так, еще в 60-х гг. XX в. Н. Ф. Кузнецовой было сформулировано определение уголовного проступка, как «умышленного либо неосторожного малозначительного по характеру и степени общественной опасности деяния, за которое по закону предусмотрено максимальное лишение свободы на срок до одного года либо другое, более легкое наказание, либо в санкции предусмотрена альтернативная форма ответственности: уголовное наказание или меры общественного воздействия» [8, с. 530]. На сегодняшний день, по прошествии нескольких десятилетий, научное и правовое осмысление категории уголовного проступка напрямую обусловлено юридической природой общественно опасных деяний, подлежащих законодательному выделению в рассматриваемую автором категорию противоправных деяний.

В рамках проводимого исследования отметим две сформировавшихся позиции касательно категории уголовного проступка: *в соответствии с первой законодательной позицией, уголовный проступок представляет собой разновидность преступления* [13, с. 78].

По мнению автора, юридическая сущность уголовного проступка заключается в том, что он (уголовный проступок) представляет собой определенный вид преступления и подлежит законодательному закреплению в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Идею о закреплении в действующем УК РФ категории уголовных проступков озвучивает в своих работах С. В. Максимов [9, с. 130], указывая на то, что концептуальной особенностью будущего Уголовного кодекса должна стать разработка Кодекса уголовных проступков, с последующим его внедрением в структуру единого кодифицированного акта [10, электронный ресурс].

Согласно высказанной профессором В. Ф. Цепелевым идеи, необходимо внесение изменений в действующее российское уголовное законодательство о декриминализации и отнесении к категории административных правонарушений преступлений с максимальным наказанием до одного года лишения свободы, что положительно сказалось бы на дифференциации ответственности. При этом

преступные деяния с максимальным сроком лишения свободы до двух лет следует оставить в Уголовном кодексе Российской Федерации так, как они существуют сегодня в качестве преступлений небольшой тяжести с одновременным отнесением их к категории уголовных проступков с указанием на положения ст. 15 УК РФ [12, с. 632].

Другая позиция состоит в понимании под уголовным проступком непроступного правонарушения, совершение которого должно влечь за собой применение мер административного или общественного воздействия, но не уголовного наказания [7, с. 3].

Одновременно необходимо отметить, что среди ученых-юристов есть и противники идеи закрепления уголовных проступков. Например, И.М. Гальперин указывал на то, что признание категории уголовных проступков привело бы лишь к изменениям терминологического характера [4, с. 66]. Вместе с тем, по нашему мнению, возвращение в российское уголовное законодательство данной категории имеет целью не только концептуальные изменения в терминологическом инструментарии, но, что является наиболее важным с позиций принципа справедливости, и в уголовно-правовых последствиях для лиц, совершивших данные деяния.

Исходя из изложенного, представляется возможным сделать вывод о важности и необходимости дальнейшей работы по теоретическому и практическому обоснованию законодательного закрепления категории уголовного проступка в российском уголовном законодательстве, определению его роли в классификационной системе преступлений и правонарушений. При этом, закрепляя уголовные проступки в качестве самостоятельного вида противоправных деяний, но с меньшей по сравнению с преступлениями степенью общественной опасности, следует отметить, что видами наказаний за их совершение целесообразно было бы предусмотреть такие, которые не связаны с лишением свободы, а именно: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест.

Литература

1. Босхолов С. С. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 28–35; Зубарев С. М. Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: некоторые аспекты гуманизации карательной политики // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 26–40; Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 22–25.
2. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28–34; Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 7–8.
3. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4(32). С. 7–45.
4. Гальперин И. М. Социальные и иные основы депенализации // Советское государство и право. 1980. № 33. С. 66.
5. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 4–5.
6. Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. М., 2001. С. 8; Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. М., 2011. С. 61–62.
7. Кодекс уголовных проступков: проект. М., 1974. С. 3.
8. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 530.
9. Максимов С. В. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы: монография. М.: Изд-во Ин-та государства и права РАН, 2009. С. 130.
10. Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 7 июня. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html>.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: постановление пленума Верховного суда РФ от 31.10.2017 г., № 42-П.

12. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 632.

13. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма: тез. докл. науч. конф. Л., 1961. С. 78.

Сравнительно-правовой анализ оснований освобождения от наказания или его отбывания в некоторых странах АТР

© А. А. Соколов

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
ФКОУ ВО Академия ФСИН России

Россия, г. Рязань

sasha_sokol95@mail.ru

В данной статье рассматриваются некоторые основания освобождения от наказания в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Сравниваются схожие группы норм уголовного права Монголии, Китая и Японии с аналогичными институтами российского законодательства.

Ключевые слова: освобождение от наказания, основания освобождения от отбывания наказания, УК Монголии, УК КНР, УК Японии.

This article discusses some of the reasons for release from punishment in the countries of the Asia-Pacific region. The article compares similar groups of norms of Mongolia, China and Japan with similar institutions of Russian legislation.

Keywords: release from punishment, grounds for release from serving a sentence, criminal code of Mongolia, criminal code of China, criminal code of Japan.

Освобождение от наказания является одним из важнейших институтов уголовного права. Применение данной группы норм возможно и в условиях фактического отбывания наказания. Уголовно-исполнительные правоотношения подчинены различным нормативно-правовым актам. В процессе исполнения уголовного наказания неизбежно возникают вопросы, регулируемые смежными областями права, приводящие к коллизиям. Решение теоретических и практических задач по устранению проблем в правовом регулировании, трудно представить без интеграции положительного зарубежного опыта. Россия, являясь страной на стыке двух цивилизаций — Европейской и Азиатской — несомненно, может имплементировать положительный опыт соседних государств. Для устранения отдельных коллизий национального законодательства проведем сравнительно-правовой анализ институтов освобождения от наказания или его отбывания некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). Первоочередная задача в изучении законодательства зарубежных стран состоит в анализе правового опыта приграничных государств, вследствие общности мировоззрения и менталитета граждан, проживающих на данных территориях. Для этого рассмотрим вопросы освобождения от наказания в Монголии, Китайской Народной Республике (далее — КНР) и Японии.

Новый Уголовный кодекс Монголии (далее УК Монголии) был принят в 2002 г., при его разработке использовались достижения собственной науки уголовного права, а также опыт уголовного законодательства Германии, Франции, России, и ряда других стран [1, с. 102]. Основания для освобождения от наказания содержатся в главе 13 УК Монголии. Следует отметить, что ранее, в УК СССР 1960г., указанный институт закреплялся вместе с освобождением от уголовной ответственности, что порождало споры в теории науки о юридической природе этих групп норм. В настоящее время в УК РФ данному институту также посвящена отдельная глава.

Видами освобождения от наказания в соответствии с УК Монголии являются:

- 1) досрочное освобождение;
- 2) освобождение от наказания в связи с болезнью;
- 3) освобождение от наказания по истечении срока исполнения приговора;
- 4) освобождение от наказания по амнистии или помилованию.

Нормы права, содержащие в себе основания освобождения от наказания и от его отбывания, в УК Монголии не столь многочисленны, в сравнении с УК РФ. Данное обстоятельство позволяет избе-

жать некоторых коллизий при применении той или иной нормы. Вместе с тем, возможно возникновение отдельных пробелов в правовом регулировании.

Нормы уголовного права КНР представляют неподдельный интерес, так как сочетают в себе положения социалистического права, современные европейские решения и традиции восточной культуры. Интересным основанием освобождения от наказания в УК КНР [3] является совершение преступления вне территории страны, срок наказания за которое не превышает 3 года. Таким образом, законодатель приходит к выводу о малозначительности деяния, в том случае, если не затронуты интересы Китая или его граждан (ст. 7 УК КНР).

Особо следует отметить норму об обратной силе закона. Так, ст. 12 УК КНР устанавливает, что уже вступивший в силу приговор не изменяется в силу вновь принятого закона, даже и устраняющего, либо смягчающего наказание за данное деяние. Напомним, что в РФ положение об обратной силе закона предусматривает освобождение от отбывания наказания в случае принятия закона, устраняющего преступность деяния, либо смягчающего наказание за него (ст. 10 УК РФ, ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Еще одним основанием освобождения от отбывания наказания является проявление особых заслуг осужденным. Так, ст. 68 УК КНР устанавливает, что «если преступным элементом проявлены большие заслуги, то можно уменьшить или отменить наказание; если после совершения преступления преступник является с повинной и к тому же проявляет большие заслуги, можно назначить наказание ниже низшего предела либо освободить от наказания».

Отдельного внимания заслуживает глава о смягчении наказания (глава 6 УК КНР). Так, если судом будет установлено, что осужденные в процессе отбывания наказания действительно раскаялись и изменились к лучшему, либо имеют заслуги, срок наказания может быть снижен. Проявлением таких заслуг может служить:

- 1) пресечение другого тяжкого преступления;
- 2) донесение о тяжком преступлении, подготавливаемом в местах лишения свободы или за их пределами, что при проверке окажется верным;
- 3) изобретение новшества или технического усовершенствования;
- 4) проявление самопожертвования в обычной жизни и работе;
- 5) проявление примерного поведения во время борьбы с природными катастрофами или ликвидации больших аварий;
- 6) наличие крупных заслуг перед государством и обществом.

После смягчения срока наказания реально отбытый срок лишения свободы не может быть ниже половины первоначально назначенного срока; бессрочного лишения свободы — не ниже 10 лет. Соответственно, лица, срок наказания которых после смягчения судом в установленном порядке истек — освобождаются от дальнейшего отбывания наказания.

Наряду с вышеуказанными основаниями освобождения от наказания УК КНР предусматривает и сходные с российской правовой действительностью институты, такие как:

- 1) условно-досрочное освобождение — глава 7 УК КНР;
- 2) условное осуждение — глава 5 УК КНР;
- 3) истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности — глава 8 УК КНР (при этом истечение срока давности обвинительного приговора не указано как основание освобождения от отбывания наказания, таким образом законодатель КНР не признает возможность утраты официального документа — приговора).

Ведущая роль КНР в мировой экономике, бесспорно, влияет и на правовое (уголовно-правовое) регулирование в азиатском регионе в целом. Изучение указанного положительного опыта, в частности, в уголовно-исполнительной сфере, позволит в дальнейшем имплементировать в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ нормы, которые помогут устранить проблемы в правовом регулировании уголовно-исполнительных правоотношений.

Япония — ещё одно государство АТР, граничащее с Россией. Быстрое развитие страны в конце XIX — начале XX в. обусловило и создание современной правовой системы, основанной на разработках юридической науки ведущих европейских стран. В УК Японии [2] положения, касающиеся принципов обратной силы закона, созвучны с аналогичным институтом в РФ. Статья 6 УК Японии закрепляет, что «если новый закон устанавливает более мягкое наказание за совершенное преступление, то оно должно быть применено». Особенностью является то обстоятельство, что освобождение из мест лишения свободы происходит на следующий день после окончания назначенного срока по приговору суда (ст. 24 УК Японии). Разновидностью освобождения от фактического отбывания наказания является отсрочка (ст. 25 УК Японии). Также существует особый «защитный надзор», который

позволяет применять положения указанной статьи и в отношении лица, которое в течении пяти лет после окончания исполнения наказания не совершило нового преступления, наказанием за которое является лишение свободы без привлечения к труду или более тяжкое. Условно-досрочное освобождение предусмотрено в ст. 28 УК Японии. Отличием в регулировании данного института является тот факт, что сроки, которые необходимо отбыть осужденному к лишению свободы для возможности применения к нему указанного вида освобождения, равны одной трети назначенного наказания, а при бессрочном лишении свободы — десять лет. Эта норма значительно отличается от аналогичной, установленной в ст. 79 УК РФ. На наш взгляд, такой подход к определению времени, которое необходимо отбыть, обусловлен принципом экономии уголовной репрессии и гуманизмом. Вместе с тем, необходима градация возможности представления ходатайства на досрочное освобождение в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Практический интерес представляет статья 30 УК Японии, предусматривающая возможность условного освобождения осужденных из арестного или рабочего дома (аналог исправительного центра в РФ). В указанной статье закреплено, что минимально отбытый срок для условного освобождения определяется администрацией данного учреждения. Еще одним основанием освобождения от отбывания наказания является истечение сроков давности исполнения наказания (глава 6 УК Японии).

Рассмотренное уголовное законодательство стран АТР во многом созвучно кодифицированным законам ряда развитых европейских государств: Франции, Германии и др. При этом, существуют и свои особенности, обусловленные геополитическим положением рассмотренных стран, а в случае с Китаем — еще и политическим и государственным строем — здесь прослеживаются социалистические «ноты» (возможность освобождения от наказания за ударный труд, как это было в СССР). В целом, нормы об освобождении от уголовного наказания не столь обширны как в РФ. Имеется и ряд оснований для освобождения, которых в нормативно-правовых актах России нет. Таким образом, возможное сотрудничество рассмотренных стран, позволит в дальнейшем совершенствовать национальное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также устранить правовые коллизии и пробелы, в том числе при освобождении осужденных от наказания или его отбывания.

Литература

1. Галбат Гантомор. Новый Уголовный кодекс Республики Монголия 2002 г. // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2006. № 4. С. 102–109.
2. Уголовный кодекс Государства Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 03.04.2020).
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.ru/university/departments/faculties/uf/13244/13252/13362/13369> (дата обращения: 03.04.2020).
4. Уголовный кодекс Монголии [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/4179/file/Mongolia_CC_2002_en.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за террористические преступления по законодательству России и Китая

© В. С. Скурлатов,

А. В. Трудников

студенты 3-го курса

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации»

Россия, г. Санкт-Петербург

trudnikov2014@mail.ru,

sunnydunky@gmail.com

В статье проводится сравнительно-правовой анализ ряда составов преступлений террористической направленности УК РФ и УК КНР. Высказывается позиция о сближении нормативного регулирования, схожести правовых конструкций. Однако приводится ряд положений, определяющих недостатки сформированных юридических конструкций.

Ключевые слова: терроризм, общественная безопасность, Китай, Россия, УК РФ, УК КНР.

The article provides a comparative legal analysis of a number of terrorist crimes of the criminal code of the Russian Federation and the criminal code of the People's Republic of China. A position is expressed on the convergence of regulatory regulation, similarity of legal structures. However, there are a number of provisions that define the shortcomings of the formed legal structures.

Keywords: terrorism, public security, China, Russia, criminal code of the Russian Federation, criminal code of the PRC.

Противодействие терроризму в условиях глобализации, развития межгосударственного сотрудничества является одним из приоритетных направлений не только в обеспечении национальной безопасности западноевропейских стран, но и государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Одними из крупнейших политических и экономических центров являются Российская Федерация и Китайская Народная Республика, которые сформировали собственное кодифицированное уголовное законодательство, включающее, в том числе, и правовые нормы, устанавливающие запрет на осуществление террористической деятельности. Так, по официальным статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, число преступлений террористической направленности, совершенных на территории РФ в январе-феврале 2020 г., составило в сумме 318 деяний [2, с. 8]. В то же время учёные отмечают, что в Китае аналогичные преступления не превышают критического уровня [7, с. 3]. Безусловно, существует множество причин, по которым формируется уголовно-правовая политика РФ и КНР, определяются основные направления деятельности по противодействию терроризму. Важно проследить генезис такого противодействия, который складывается, в том числе и из норм Уголовных кодексов Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

В уголовном законодательстве РФ ответственность за совершение террористического акта предусмотрена статьей 205 УК РФ («Террористический акт»), китайский уголовный закон содержит аналогичную, однако непоименованную статью — 115 УК КНР [5]. При том, что в уголовной доктрине КНР (в отличие от РФ) критикуется классический четырехэлементный состав [6, с. 129] преступления. На наш взгляд, сравнительно-правовой анализ целесообразно проводить именно по объективным и субъективным признакам статей 205 УК РФ и 115 УК КНР. Так, не вызывает сомнений видовой и непосредственный объекты анализируемых составов: это общественная безопасность — общие условия безопасного функционирования общества. В то же время, при анализе диспозиций отмечаются различия в объективной стороне статьи 205 УК РФ и статьи 115 УК КНР: так, последняя предусматривает следующие способы совершения противоправного деяния — это поджог, затопление, взрыв, применение отравляющих веществ либо совершение иных опасных действий. Кроме того, указаны общественно-опасные последствия от перечисленных действий — это человеческие жертвы, тяжелые увечья или смерть, ущерб государственному и частному имуществу (в данном случае состав по своей конструкции — материальный). Интерес вызывают положения части 2 статьи 115 КНР, где фактически сформирован формальный состав («неудачная попытка совершения указанного преступления...»), в зависимости от этого устанавливаются пределы санкции статьи. Спецификой китайского уголовного законодательства, как отмечается и в доктрине, является отсутствие квалифицирующих признаков в статьях Особенной части [1, с. 159–161]. Данный фактор прослеживается в сравнении со ст. 205 УК РФ. Российский уголовный закон сразу ставит в основу указание на то, что данный состав является

формальным (это следует как из буквального толкования статьи 205 УК РФ, так и с учетом пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г., № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее — ППВС № 1)). Кроме того, расширен перечень способов совершения преступления: будучи схожим с китайской конструкцией, он уточняется в п. 3 ППВС № 1: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию и пр. УК КНР же, напротив, предусмотрел отдельные составы при совершении аналогичных действий (см. напр.: статьи 114, 117, 118 УК КНР).

Субъективные признаки обоих деяний характеризуются виной в форме прямого умысла, однако статья 205 УК РФ в отличие от статьи 115 УК КНР дополняется факультативным признаком — целью: «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений». В УК КНР указание на цель отсутствует, что, на наш взгляд, стирает грань между «убийством общеопасным способом» и «террористическим актом, повлекшим смерть человека», при том, что в УК РФ данные составы в силу наличия квалифицирующих признаков и указания на цель четко разграничены. Субъектом преступлений по анализируемым статьям является любое вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет.

Высказанная ранее позиция об отсутствии квалифицирующих признаков в УК КНР, в том числе и в статье 115, на наш взгляд, свидетельствует о несовершенстве юридической конструкции данного состава (не учитывается совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, причинение смерти по неосторожности и пр.). Полагаем, что заимствование российского опыта позволило бы сформировать упорядоченность норм, а также сделать удобным для правоприменителя квалификацию противоправных деяний.

Безусловно, сравнительно-правовой анализ особенностей уголовно-правовой квалификации преступлений по статьям УК России и Китая, предусматривающим ответственность за совершение террористического акта, играет весомую роль в выявлении и устранении пробелов законодательного регулирования в части уточнения формулировок объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава преступления. Проведение такого анализа способствует взаимному совершенствованию положений уголовного закона дружественных Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Вместе с тем представляется необходимым сопоставить положения уголовного законодательства названных стран, касающиеся совершения групповых преступлений террористической направленности, — организации террористической организации и участия в ней.

Примечательно, что 29 декабря 2001 г. на волне возникших осложнений мировой криминогенной обстановки, вызванных совершением террористических актов на территории США, в УК Китая был внесен ряд изменений, касающихся пенализации деяний, содержащих признаки организации и руководства террористической организацией [1, с. 132]. Таким образом, законодательный орган КНР отдельно подчеркнул общественную опасность терроризма, совершаемого в рамках специально учрежденных объединений преступников.

Статья 120 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за организацию, руководство, активное членство, а также простое участие в террористической организации. При этом законодатель указанного государства четко дифференцирует ответственность активных членов данной организации и «прочих» ее участников, одновременно приравнивая к активному членству организацию и руководство названным преступным объединением. В статье 205.5 УК РФ проводится четкое разграничение между организацией террористической организации и участием в ней, а термин «руководство» в названной норме не фигурирует. Степень такого участия российский законодатель, как это сделал законодатель Китая, не указывает. Следовательно, в части детализации объективной стороны анализируемого состава преступления положения УК Китая можно назвать более совершенными: деяния могут выражаться в организации, руководстве, активном участии, простом участии в организации террористического толка, тогда как в УК РФ предусмотрена ответственность только за организацию и руководство.

Однако можно справедливо заметить, что в части назначения наказания по УК Китая неважно, осуществляло лицо руководство террористической организацией либо принимало активное участие в ее противоправной деятельности, в то время как в УК РФ за участие в террористической организации предусмотрено менее суровое наказание, чем за ее руководство вне зависимости от степени такого участия. Кроме того, в УК КНР конкретно не указывается, что следует понимать под «активным участием» в террористической организации, что, на наш взгляд, может вызвать весьма серьезные про-

блемы при установлении в действиях подозреваемого признаков активного либо простого участия в организации террористической направленности. Для устранения данного пробела в УК КНР целесообразно было бы дополнить объективную сторону признаками, определяющими «активность» этого участия.

Более того, еще одной проблемой уголовно-правового регулирования ответственности за организацию, руководство, активное и простое участие в организации террористической направленности по УК КНР можно назвать отсутствие четких критериев признания той или иной организации террористической. Исходя из содержания статьи 120 УК Китая, можно заключить, что право определить, преследует ли организация, в которой состоит подозреваемый, террористические цели, принадлежит судебному органу. Такое положение дел может стать мощным подспорьем для злоупотреблений со стороны судей. На наш взгляд, предотвращение указанной проблемы возможно посредством внедрения формального признака, который поможет установить является ли организация террористической или нет. Таким формальным признаком, по аналогии со статьей 205.5 УК РФ, следует назвать внесение организации в национальные либо международные реестры (списки) террористических организаций, признание такой организации в соответствии с внутренним либо международным законодательством террористической.

Помимо всего прочего, уголовный закон Китая не содержит понятия «террористического сообщества». Вместе с тем в статье 205.4 УК РФ предусмотрена ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем. Вопрос о том, насколько целесообразно отграничение террористической организации от террористического сообщества на законодательном уровне, до сих пор является предметом острых научных дискуссий. Так, например, А.А. Теппеев отмечает, что разница между указанными объединениями заключается лишь в том, что организация признается террористической, если она внесена в единый федеральный список террористических организаций (формальный признак), а для квалификации создания террористического сообщества и участия в нем достаточно лишь тех признаков, которые перечислены в диспозиции части 1 статьи 205.4 УК РФ (материальный признак) [4, с. 190–191]. Соглашаться с такой позицией или нет, каждый ученый юрист выбирает сам.

Тем не менее, нельзя не отметить прогрессивность положения, закрепленного в абзаце 2 статьи 120 УК КНР. Данная уголовно-правовая норма отдельно регламентирует особенности квалификации организации террористической организации и совершения террористического акта по совокупности преступлений. Такое правило в Особенной части УК РФ не закреплено, а лишь разъясняется позициями Верховного Суда РФ.

Проблема противодействия терроризму является одной из наиболее актуальных проблем современности. Преодоление такой проблемы возможно лишь при объединении общих усилий государств, в том числе в сфере уголовно-правовой политики в части совершенствования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений террористической направленности. Между Россией и Китаем налажено тесное взаимодействие по противодействию терроризму в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) [3, с. 151]. Вместе с тем необходимо наладить обмен опытом законодательного строительства в сфере установления запретов на террористические преступления.

Литература

1. Лун Ч., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // *Lex Russica* (Русский закон). 2018. № 3(136). С. 128–142.
2. Состояние преступности в России за январь-февраль 2020 г. М., 2020. 52 с.
3. Сухаренко А. Н., Иванов Р. С. Российско-китайское сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 2. С. 150–154.
4. Теппеев А. А. Актуальные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 205.4, 205.5. и 208 УК РФ // *Социально-политические науки*. 2018. № 4. С. 190–192.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 04.04.2020).
6. Чанхай Лун. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // *Lex Russica*. 2016. № 9(118). С. 129–135.
7. Чжан До. Терроризм в КНР и противодействие ему (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2019. 28 с.

Сравнительно-правовой анализ института уголовной ответственности за хулиганство по законодательству зарубежных стран

© С. Л. Хетхенов
магистрант 2-го года обучения
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ, Россия
skhethenov@mail.ru

В настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации института уголовной ответственности за хулиганство в зарубежных странах. В рамках проведенного исследования рассматриваются особенности уголовной ответственности за совершение хулиганства по законодательству Российской Федерации, Турции, Монголии, Японии, Казахстана и Таджикистана. Отмечается, что уголовному законодательству исследуемых стран не известен такой состав преступления как хулиганство, при этом в большинстве из них содержится значительная группа деяний, нарушающих общественный порядок и общественное спокойствие. Обращается внимание на тот факт, что конструкции анализируемых составов преступлений содержат в своей основе объективные признаки — запрещенные уголовным законом формы опасного для граждан поведения виновного, а также место их совершения, но не содержат упоминаний о мотивах преступления.

Ключевые слова: хулиганство, уголовная ответственность, УК РФ, Азиатско-Тихоокеанский регион, сравнительное правоведение, компаративистский подход.

This article provides a comparative legal analysis of the legislative regulation of the institution of criminal liability for hooliganism in foreign countries. As part of the study, the features of criminal liability for committing hooliganism under the laws of the Russian Federation, Turkey, Mongolia, Japan, Kazakhstan and Tajikistan are considered. It is noted that the criminal law of the studied countries does not know such a crime as hooliganism, while most of them contain a significant group of acts that violate public order and public peace. Attention is drawn to the fact that the structures of the analyzed elements of crimes contain in their essence objective features - forms of behavior of the perpetrator that are dangerous for citizens, prohibited by the criminal law, as well as the place of their commission, but do not contain references to the motives of the crime.

Keywords: hooliganism, criminal liability, Criminal Code of the Russian Federation, Asia-Pacific region, comparative law, comparative approach.

В настоящее время в юридической науке широко используется компаративистский подход к исследованию правовых систем различных государств. Теоретическая и практическая значимость данного подхода обусловлена тем, что он дает возможность проанализировать как те или иные правовые категории, понятия, институты, регламентируются в законодательстве других государств, сопоставить полученные результаты, выявить имеющиеся сходства и отличия, недостатки и преимущества и на этой основе предложить эффективные меры по совершенствованию национальной правовой системы.

Приведенные обстоятельства предопределили выбор данного подхода при проведении настоящего исследования. Полагаем, что для совершенствования института уголовной ответственности за хулиганство целесообразно обратиться к опыту стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). В рамках настоящего исследования объектом научного интереса стали такие страны АТР, как: Япония, Монголия, Турция, Казахстан и Таджикистан.

В отечественном уголовном законодательстве состав хулиганства (ст. 213 УК РФ) закреплен в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX. «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» [4].

В свою очередь, в уголовном законодательстве Турции, раздел 5. «Преступления против общественного порядка», имеющий аналогичное название, не содержит состава хулиганства. Деяния, имеющие определенные сходства с составом хулиганства содержатся в разделе 3 «Преступления против общественной нравственности». В частности, ст. 571 и ст. 572 Уголовного кодекса Турции устанавливает уголовную ответственность за появление лица в публичном месте в состоянии опьянения, если при этом оно беспокоит окружающих, скандалит либо оскорбляет кого-либо и нарушает отдых людей. В первом случае, в отношении лица применяется наказание в виде легкого заключения на срок не менее 15 дней, а во втором — легкое заключение на срок не менее двух месяцев [6].

Заслуживает внимания и состав преступления, предусмотренный ст. 576 Уголовного кодекса Турции, устанавливающий уголовную ответственность лица, которое непристойно полностью или

частично обнажается в общественном месте перед людьми, а также словом, пением либо другими способами оскорбляет общественную мораль.

Полагаем, что в обозначенных составах преступлений имеются признаки, дающие основания квалифицировать их как хулиганские проявления. Далее обратимся к анализу Уголовного кодекса Японии. Анализируя уголовное законодательство Японии В. Г. Павлов, отмечает, что проведенная в стране послевоенная реформа уголовного законодательства была направлена на приведение Уголовного кодекса в соответствие с новой Конституцией 1946 г. и привела к декриминализации посягательств на общественное спокойствие и порядок [1, С. 42].

Совершенно иначе обстоят дела с регламентацией института уголовной ответственности за совершение хулиганства в странах бывшего социалистического лагеря, в частности, в Монголии. Понятие хулиганства в уголовном законодательстве Монголии было впервые закреплено в Уголовном уложении МНР 1926 г. Издание названного акта ознаменовало окончание действия Маньчжурского уголовного права и одновременно начало создания уголовного права социалистического типа [3].

В гл. 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК МНР 1961 г. содержится специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за совершение хулиганства. Согласно ст. 169 УК МНР «хулиганство представляет собой умышленные действия, которые грубо нарушают общественный порядок, а также правила социалистического общежития, которые выражают явное неуважение к обществу. При этом квалифицированный состав данного деяния устанавливал уголовную ответственность за совершение хулиганства, сопряженного с насилием по отношению к представителю власти или лицу, поддерживающему общественный порядок, совершенный с исключительным цинизмом и дерзостью, а также лицом, имеющим судимость за хулиганство [3]. В связи с этим, представляется важным отметить, что редакция ст. 169 УК МНР фактически воспроизводила ст. 206 о хулиганстве УК РСФСР 1960 г.

На сегодняшний день в Монголии действует новый Уголовный кодекс 2002 г. Ст. 181 Уголовного кодекса Монголии устанавливает уголовную ответственность за совершение хулиганства. Следует отметить, что обозначенная норма неоднократно претерпевала изменения, обусловленные социально-экономическими и политическими изменениями в стране и необходимостью предупреждения преступности.

Примечательно, что зачастую уголовная политика постсоветских стран ориентировалась на большой практический опыт подготовки и применения Уголовного кодекса России 1996г.

Определенные особенности в правовом регулировании института уголовной ответственности за хулиганство характерны для большинства среднеазиатских союзных республик постсоветского пространства.

Так, к примеру, в ч. 1 ст. 257 Уголовного кодекса Республики Казахстан содержалась следующая дефиниция понятия хулиганства: «хулиганство — это особо дерзкое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу, сопровождающееся применением насилия в отношении граждан или угрозой его применения, уничтожением либо повреждением чужого имущества, а также совершением непристойных действий, отличающихся исключительным цинизмом. Наказание за простое хулиганство — лишение свободы на срок до трех лет, общественные или исправительные работы либо арест от трех до шести месяцев» [2].

Представляется важным отметить, что основной состав хулиганства (ст. 257 УК Казахстана) предусматривает такой конструктивный признак как «совершение во время хулиганства непристойных действий, отличающихся исключительным цинизмом», характерный, как правило, для злостного хулиганства, указываемого во многих уголовных кодексах, рассмотренных нами ранее суверенных государств.

Ч. 2 ст. 257 УК Казахстана, устанавливает уголовную ответственность за злостное хулиганство, то есть деяние, совершаемое группой лиц или организованной группой, а также связанное с сопротивлением представителю власти или другому лицу, пресекающему нарушение общественного порядка, либо совершение данного преступления лицом, ранее судимым за хулиганство.

Ч.3 ст. 257 УК Казахстана устанавливает уголовную ответственность за особо злостное хулиганство, то есть деяние, совершаемое с применением огнестрельного или холодного оружия или предметов, специально приспособленных для причинения вреда здоровью, которое наказывается лишением свободы от трех до семи лет. Примечательно, что названные признаки злостного и особо злостного хулиганства аналогичны квалифицирующим признакам состава хулиганства, закрепленного в УК РСФСР 1960 г.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан устанавливает уголовную ответственность за хулиганство в Разделе X «Преступления против общественного порядка и нравственности». Согласно ст.

237 УК Республики Таджикистан «хулиганство представляет собой грубое нарушение общественного порядка, выражающее неуважение к обществу, которое сопровождается применением насилия к гражданам или угрозой применения такого насилия, а также уничтожением или повреждением чужого имущества. Наказывается простое хулиганство лишением свободы на срок до двух лет либо штрафом, или арестом» [5].

Основной состав хулиганства, предусмотренный ч. 1. ст. 237 УК Таджикистана в редакционном плане отличается от законодательной дефиниции понятия хулиганства, предусмотренного в ч. 1 ст. 257 УК Республики Казахстан, несмотря на то, что его содержание остается неизменным. При этом ч. 2 ст. 237 УК Таджикистана, содержит новый признак «причинение вреда здоровью средней тяжести», а ч. 3 данного состава преступления, предусматривает наказание в виде лишения свободы от 5 до 10 лет. В остальном ч.1 и ч.2 УК Республики Таджикистан совпадает с признаками ст.257 УК Республики Казахстан, предусматривающими ответственность за злостное и особо злостное хулиганство.

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому исследованию зарубежного уголовного законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за хулиганство, представляется важным отметить, что уголовному законодательству исследуемых стран не известен такой состав преступления как хулиганство. При этом в законодательстве большинства изученных стран содержится значительная группа деяний, нарушающих общественный порядок и общественное спокойствие. Примечательно, что конструкции составов хулиганства зарубежных стран содержат в своей основе объективные признаки — запрещенные уголовным законом формы опасного для граждан поведения виновного, а также место их совершения, но не содержат упоминаний о мотивах преступления.

Литература

1. Павлов В. Г. Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве зарубежных стран // Ленинградский юридический журнал. 2017. С. 175–189.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001.
3. Уголовный кодекс Монгольской народной республики. Улан-Батор, 2002.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Российская газета. 1996. № 113. 18 июня; 1996. № 114. 19 июня; 1996. № 115. 20 июня; 1996. № 118. 25 июня.
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001.
6. Уголовный кодекс Турции. СПб, 2003.
7. Уголовный кодекс Японии. СПб., 2012.

Уголовная ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним по законодательству РФ и США

© Д. А. Шагжаева
магистрант 2-го года обучения
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
darima.shagzhaeva@mail.ru

В статье представлен опыт борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота алкогольной продукции несовершеннолетним в Российской Федерации и США. Дан сравнительный анализ уголовного законодательства за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним.

Ключевые слова: алкогольная продукция, несовершеннолетние, незаконная продажа, уголовное законодательство, розничная торговля, уголовная ответственность.

The article presents the experience of combating crimes in the field of illicit trafficking in alcohol to minors in the Russian Federation and the United States of America. A comparative analysis of the criminal law for the sale of alcohol to minors is given.

Keywords: alcoholic beverages, minors, illegal sale, criminal law, retail, criminal liability.

В современном мире существует огромное количество угроз, одной из таких угроз является употребление несовершеннолетними алкогольных напитков. К сожалению, данная проблема коснулась не только России, но и всех остальных зарубежных стран. В настоящее время практически во всех

зарубежных странах установлен запрет на продажу алкогольной продукции. В большинстве стран такой запрет подкреплен нормами уголовного законодательства — это, пожалуй, практически единственное сходство между зарубежными странами в вопросе продажи алкогольной продукции.

Различия в нормах уголовного законодательства, касающихся ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним, в зарубежных странах объясняется рядом факторов:

- 1) исторические особенности становления государства;
- 2) культурные особенности страны;
- 3) уровень правосознания граждан;
- 4) особенности и значения религии;
- 5) уровень развития правовой системы.

В Соединенных Штатах Америки (далее — США), которая административно делится на 50 штатов с незаконным оборотом алкогольной продукции, борются как на федеральном уровне, так и на уровне штатов.

На федеральном уровне уголовное наказание за незаконный оборот алкогольной продукции в США представлен определенными нормативно-правовыми актами, например: Законом о крепких алкогольных напитках, отдельными нормами разделов 26 и 59 Свода законов США и другими законами США [2, с. 12].

В основном данные преступления в разрезе федерального законодательства относят к мисдиминарам — преступления небольшой тяжести, за которые предусмотрена мера наказания в виде одного года тюремного заключения либо штраф в размере до 1 000 долларов США.

Например, в соответствии с § 1262 Раздела 18 Свода законов США нельзя осуществлять поставку алкогольной продукции в район или штат, где такая продукция запрещена к торговле, кроме случаев, когда такая поставка была вызвана необходимостью: для научных целей, ритуальных или иных других целей, указанных в законодательстве США.

За нарушение данной нормы предусмотрена ответственность, а именно, штраф в размере до 1 000 долларов или лишение свободы сроком до 1 года, либо оба наказания одновременно.

Стоит отметить, что в США предусмотрена уголовная ответственность даже за перевозку по территории страны алкоголя в контейнерах без сопроводительных документов, а именно, товарно-транспортной накладной, а также документов, удостоверяющих личность грузополучателя или грузоотправителя [3, с. 110]. Данное преступление является примером мисдиминора, так как за его совершение предусмотрено наказание, характеризующее данную категорию преступных деяний.

В США существует специальное Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия Министерства финансов, на которое возложена обязанность по контролю производства и оборота алкогольной продукции на территории страны.

Также, параллельно с Бюро, с незаконным оборотом алкоголя борются таможенные службы, береговая охрана, полиция. Кроме перечисленных выше служб, с проблемой алкоголизации в США на уровне штатов борются специальные органы по контролю над производством и оборотом алкогольной продукции — контрольные комиссии, которые наделены достаточно широкими полномочиями.

Данные комиссии занимаются рядом вопросов: лицензирование в сфере производства и оборота алкогольной продукции, разработка и внедрение стандартизации качества алкоголя.

Контрольные комиссии имеют право провести проверки любого предприятия, которое занимается производством и продажей алкогольной продукции, если же в ходе такой проверки выявятся правонарушения, то комиссия должна провести полный анализ хозяйственно-финансовой деятельности организации.

Интересно, что в некоторых случаях для более полной проверки, комиссия может привлечь к ней сотрудников правоохранительных органов, например, шерифа, маршала.

Отметим, что административное деление территории США на 50 штатов влечет за собой различия в отношении санкций за незаконный оборот алкогольных напитков, данные различия представлены в разнообразии применяемых наказаний, а также в степени их суровости, но, в основном в США представлены и применяются наказания за совершение преступлений-мисдиминоров.

В одном из штатов США — Вермонт уголовным законодательством предусмотрена уголовная ответственность за ввоз на его территорию алкогольной продукции как физических, так и юридических лиц. За такое преступление Уголовным кодексом данного штата предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок до одного года, либо штраф в размере до 1 000 долларов США, либо оба наказания одновременно [4, с. 37].

Еще одним примером может служить Уголовный кодекс штата Небраска, там, если лицо, которое осуществляет продажу алкогольной продукции — не платит налоги, то его действия, точнее, бездей-

ствие подлежит уголовной ответственности, и карается конфискацией всей продаваемой продукции, а также штрафом в двойном размере неуплаченной суммы налога.

В России за вышеописанное преступное деяние, предусмотренное уголовным законодательством штата Небраска, уголовная ответственность наступает по ст. 171 УК РФ.

Как говорилось ранее, в США все, что касается законодательства в сфере продажи алкогольной продукции, принимается на уровне штатов.

При этом во всех американских штатах продажа алкоголя запрещена лицам, не достигшим 21 года [4, с. 38].

Между тем, в США нельзя в некоторых местах пить даже 18-летним. Например, в Канзасе, подростки могут выпивать «зерновые солодовые напитки», но только исключительно на своей собственности и под присмотром родителей.

Интересная ситуация в Луизиане, там употреблять алкогольные напитки можно лицам, которые еще не достигли 21-летия, но исключительно в религиозных целях. Данное положение закреплено в действующей Конституции штата.

Еще больший интерес вызывает закон штата Огайо: если один из супругов младше 21 года, а другой достиг 21-летия, то они спокойно могут выпивать друг с другом, ходить в рестораны и бары, то есть для данного штата достаточно того чтобы один из супругов (муж/жена) достиг 21 года. А, например, в том же Нью-Йорке 18-летнему мужу/жене придется ждать 21 года для того, чтобы можно было употреблять алкогольные напитки с 21-летней (м) женой/мужем. Более того, одного из супругов могут арестовать, если полиция выяснит, что он покупает алкогольные напитки для своего не достигшего 21 года супруга.

Проанализировав законодательство в сфере продажи алкогольной продукции в США, можно сделать вывод о том, что в данной стране при помощи буквы закона стараются искоренить современную проблему алкоголизации несовершеннолетних.

Что же происходит в России?

По данным Всемирной организации здравоохранения уровень потребления алкоголя в России вызывает серьезную угрозу, например, с каждым годом все больше увеличивается уровень потребления спиртных напитков на душу населения, что является очень опасным для здоровья населения, может вызвать сокращение продолжительности жизни у мужчин на 11 месяцев, у женщин на 4 месяца [1, с. 45].

Самым опасным является тот факт, что значительное количество подростков употребляет алкогольную продукцию, с каждым годом возрастной порог, с которого начинается употребление, снижается. Одной из целей государственной политики в интересах детей является их защита от факторов, негативно влияющих на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие несовершеннолетних.

Для достижения вышеуказанной цели уголовное законодательство Российской Федерации в 2011 г. было дополнено статьей 151.1 УК РФ, которая предусматривает ответственность за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции.

Под алкогольной продукцией понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции.

С 1 июля 2012 г. к алкогольной продукции относится пиво с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции.

При возникновении сомнения в возрасте покупателя продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, удостоверяющий личность, позволяющий установить его возраст.

Обязательным условием наступления уголовной ответственности по статье 151.1 УК РФ является неоднократная реализация несовершеннолетнему алкогольной продукции, под которой в соответствии с примечанием к указанной статье понимается ее реализация лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

В соответствии со ст. 4.6 Кодекса об административных правонарушениях лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления [4, с. 47].

К уголовной ответственности привлекается гражданин, непосредственно осуществивший отпуск алкогольной продукции несовершеннолетнему — продавец.

Преступление наказывается штрафом в размере от 50 тысяч до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до шести месяцев либо исправительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Нарушение запрета на продажу алкогольной продукции несовершеннолетним является основанием к аннулированию лицензии на розничную продажу алкоголя уполномоченным органом.

Для того, чтобы решить проблему подростковой алкоголизации странами принимаются меры по установлению уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Данная мера направлена, в первую очередь, на то, чтобы сделать покупку алкоголя для подростков как можно более недоступной.

Если взять во внимание зарубежный опыт в борьбе с алкоголизацией подростков то можно сделать вывод о том, что в методах и способах такой борьбы есть общие закономерности правового развития зарубежного законодательства с российским.

Практически во всех странах предусмотрена уголовная ответственность за реализацию алкоголя несовершеннолетним, также как и в России, что тем самым подтверждает обусловленность установления таких мер, несмотря на то, что способы описания такой ответственности в законе различны.

Не стоит сомневаться в том, что во все времена и во всех странах вопрос защиты и охраны жизни и здоровья подростков будет актуальным, так как подросток в своей не сформировавшейся и физически и, прежде всего, психологически личности, более подвержен негативным явлениям.

В связи с чем, уголовное законодательство, направленное на пресечение преступных деяний в сфере оборота алкогольной продукции должно носить всеобъемлющий и комплексный характер для того, чтобы в полной мере защитить подрастающее поколение от негативных факторов современного мира.

Литература

1. Берндт А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. Сургут: ПРОФИ, 2017. 88 с.
2. Зигмунт О. Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1(45). С. 11–17.
3. Коновченко К. Ю. Предупреждение незаконного оборота алкогольной продукции за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 110–115.
4. Соловьев О. Г. Грибов А. С. Опыт законодательной регламентации ответственности за экономические преступления в УК отдельных штатов Америки // Российский следователь. 2018. № 2. С. 35–42.

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Сравнительно-правовой анализ законодательства о мерах пресечения в уголовном процессе России и Китая

© К. Н. Антонов
студент 4-го курса
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
konstantin.antonov.1997@mail.ru

В данной статье рассмотрены проблемы мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве России и Китая. Проанализированы характерные особенности избрания мер пресечения в РФ и КНР. Выявлена и обоснована необходимость сравнительно-правового анализа законодательства двух государств. На основе проведенного исследования видно, что уголовно-процессуальное законодательство двух стран имеет сходства и различия, которые могут помочь странам в дальнейшем развитии и укреплении отношений в области права.

Ключевые слова: меры пресечения в УПК РФ, меры пресечения в УПК КНР, поручительство в КНР, поручительство в РФ, заключение под стражу в КНР, заключение под стражу в РФ.

This article discusses the problems of preventive measures in the criminal procedure legislation of Russia and China. The characteristic features of the selection of preventive measures in the Russian Federation and China are analyzed. The need for a comparative legal analysis of the legislation of the two states has been identified and justified. Based on the study, it is clear that the criminal procedural legislation of the two countries has similarities and differences that can help countries further develop and strengthen relations in the field of law.

Keywords: measures пресечения in UPK RF, measures пресечения in UPK KNR, guarantee in KNR, guarantee in RF, conclusion under guard in KNR, conclusion under guard in RF.

Россия и Китай занимают важное место на международной арене и имеют общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом. Сотрудничество двух стран имеет большое значение для дальнейшего развития и укрепления отношений в разных областях, в том числе и в области права. Мы уделили внимание законодательству о мерах пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве двух государств (нужно отметить что в КНР это закреплено в Главе VI. УПК КНР, а в РФ в главе 13 УПК РФ).

Понятие мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве России и Китая не предусмотрено. Однако, нужно отметить, что теорией уголовного процесса разработано несколько подходов к определению сущности и назначения института мер пресечения.

Анализируя УПК РФ, нужно знать, что на основании ст. 97 в которой закреплены основания для избрания меры пресечения указано, что дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В УПК РФ четко прослеживается регламентация, все действия четко определены, перечислены и нарушение какого-либо действия не допустимо, т.к. нарушает уголовно-процессуальное законодательство РФ.

В Китае в ст. 50 изложено, что Народные Суды, Народная Прокуратура и органы общественной безопасности, могут, в соответствии с обстоятельствами дела, выдать ордер, требующий явки подозреваемого или подсудимого, потребовать от него поручительство вплоть до окончания разбирательства или поставить его под надзор по месту жительства.

Следует отметить тот факт, что в УПК РФ в ст. 98 приведены меры пресечения, которые могут применяться в РФ, а в УПК КНР закреплены следующие меры пресечения:

- 1) явка подозреваемого или подсудимого (выдача ордера);
- 2) поручительство;
- 3) надзор по месту жительства;
- 4) заключение под стражу.

В соответствии с УПК КНР (ст. 51) Народные Суды, Народная Прокуратура и органы общественной безопасности могут позволить подозреваемому выйти под поручительство или поставить его под надзор по месту жительства при наличии любого из приведенных ниже условий:

- они могут быть приговорены к общественному надзору, заключению под стражу или просто к дополнительному наказанию;

- они могут быть приговорены к определенному сроку тюремного заключения и их выход под поручительство до окончания процесса или проживание под надзором по месту жительства не будут угрожать обществу.

Решение, позволяющее подозреваемым или подсудимым выйти под поручительство до окончания процесса, или помещение их под надзор по месту жительства принимается органами общественной безопасности. В Китае ст. 52 УПК даёт право находящемуся под стражей подозреваемому, или подсудимому и его законным представителям или ближайшим родственникам право обратиться с просьбой об освобождении под поручительство до окончания дела.

А в УПК РФ институт поручительства именуется личным поручительством. Ч.1 ст. 103 УПК РФ говорит о том, что личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса.

В ч.2 изложено о том, что избрание личного поручительства в качестве меры пресечения допускается по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей с согласия лица, в отношении которого дается поручительство.

А в ч. 3 поручителю разъясняются существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства.

В ч.4 в случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса.

В Китае (ст. 53), если Народные Суды, прокуратура и органы общественной безопасности решают позволить подозреваемому или подсудимому освобождение под поручительство до окончания слушаний они должны потребовать от подозреваемого или подсудимого предоставить поручителя или уплатить денежный залог.

Согласно ст. 54 УПК КНР поручитель должен отвечать следующим условиям:

- 1) не быть вовлеченным в рассматриваемое дело;
- 2) быть способным выполнять обязанности поручителя;
- 3) обладать всей полнотой политических прав, и свобод;
- 4) иметь постоянное место жительства и твердый источник доходов.

А в ст 55 УПК КНР перечислены следующие обязанности поручителя:

1) следить за тем, чтобы лицо, находящееся под его поручительством соблюдало положения статьи 56 данного Закона;

2) своевременно сообщать исполнительным органам, при обнаружении, что лицо, находящееся под его поручительством совершило действие, нарушающее положения статьи 56 данного закона;

3) в случае, если поручитель не сообщил своевременно о том, что лицо, находящееся под его поручительством совершило действие, нарушающее положения статьи 56 данного закона, то на него налагается штраф. Если в деле имеется состав преступления, то проводится предусмотренное законом уголовное расследование.

Исходя из вышесказанного можно увидеть сходство уголовно-процессуального законодательства России и Китая в том, что поручитель имеет обязанности и ответственность, связанные с выполнением своих обязательств.

Проводя сравнительно-правовой анализ законодательства двух стран видны различия между субъектами, которые избирают меры пресечения. В России (ст. 97) избирают меру пресечения дознаватель, следователь, суд в пределах предоставленных им полномочий, а в Китае Народные Суды, Народная Прокуратура и органы общественной безопасности.

При сравнении ст. 56 УПК КНР и ч.1 ст. 103 УПК РФ, которая отсылает к ст. 102 УПК РФ, мы можем наблюдать частичное совпадение норм процессуального законодательства. Подозреваемый, подсудимый, вышедший под поручительство до конца разбирательства должен соблюдать следующие положения (КНР):

- не покидать город или уезд, в котором он проживает, без разрешения на то исполнительных органов;
- своевременно приходить в суд по повестке;
- никаким образом не мешать свидетелю во время дачи показаний;
- не уничтожать и не фальсифицировать доказательства.

Согласно ст. 61 УПК КНР органы общественной безопасности могут предварительно задержать активного преступника или подозреваемого в деле о серьезном преступлении при наличии любого из следующих обстоятельств:

- 1) в случае, если он готовится совершить преступление, находится в процессе совершения преступления или обнаружен немедленно после совершения преступления;
- 2) если он опознан как лицо, совершившее преступление пострадавшим или очевидцем;
- 3) если свидетельство преступления найдено на его теле или в его доме;
- 4) если он пытается совершить самоубийство, или сбежать после совершения преступления или является лицом, укрывающимся от правосудия;
- 5) если имеется вероятность того, что он уничтожит или сфальсифицирует улики;
- 6) если он не называет свое подлинное имя и адрес и его личность не установлена;
- 7) если есть серьезные основания подозревать о совершении им преступлений в разных местах, неоднократно или в составе преступной группы.

В ч.1 ст. 108 УПК РФ мы видим, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 настоящего Кодекса. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Что касается отмены или изменения меры пресечения, то в УПК КНР в ст. 73 установлено, что в случае если Народный Суд, Народная Прокуратура или орган общественной безопасности считает, что меры принуждения, принятые в отношении подозреваемого или подсудимого являются неадекватными, такие меры должны быть незамедлительно отменены или изменены. В случае, если орган общественной безопасности освобождает арестованного или заменяет арест другой мерой, он должен уведомить об этом Народную прокуратуру, выдавшую разрешение на арест.

В России в ст. 110 УПК РФ говорится о том, что мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г., № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г., № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г., № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г., № 11-ФКЗ).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).

3. Конституция Китайской Народной Республики принята на 5-ой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря, 1982 г. с поправками, принятыми 12 апреля 1988 г., 29

марта 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://labatr.bsu.ru/index.php?mod=pages&page=zakonstvo>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики принят на II сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г. с изм. от 17 марта 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://labatr.bsu.ru/index.php?mod=pages&page=zakonstvo>.

Отдельные особенности уголовно-правовой характеристики убийств, совершаемых женщинами: сравнительно-правовой анализ

© В. В. Васильева,
магистрант 1-го года обучения
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
vasileva.vika.97@mail.ru

В статье анализируется уголовно-правовая характеристика убийств, совершаемых женщинами. Анализируется возможность реализации этих данных в методике расследования. Также акцентируется внимание на необходимости всестороннего исследования всей криминалистически значимой информации о таких женщинах.

Ключевые слова: женщины-убийцы, практика, убийство, причины, мотивы, расследование.

The article analyzes the criminal legal characteristics of murders committed by women. The possibility of applying these data in the research methodology is analyzed. Attention is also focused on the need for a comprehensive study of all forensic information about such women.

Keywords: women killers, practice, murder, reasons, motives, investigation.

Преступность подразделяется на отдельные типы со своими специфическими особенностями, которые отражаются как в криминологических характеристиках, в причинах, так и в способах предупреждения преступлений отдельного вида и борьбы с ними. К подобному типу преступности причисляется женская преступность.

Безусловно, распределение преступности по половому признаку имеет смысл, поскольку как количественное, так и качественное содержание женской преступности обладает отличительными чертами от преступности, совершаемой мужчинами. Относительно количественных особенностей и различий, на протяжении веков преступность среди женщин всегда была значительно меньше, чем преступность среди мужчин. Соотношение между количеством преступлений, совершенных женщинами, и количеством преступлений, совершенных мужчинами, составляет 1:7, и это при том, что число женщин в стране превышает число мужчин.

Женская преступность подвергается влиянию таких закономерностей, как неустойчивость социальных, экономических, политических и духовных процессов [4, с. 14]. Анализ практики свидетельствует, что зачастую механизмы по отдельным видам преступлений, совершаемых женщинами, существенно сложнее по сравнению с мужчинами из-за более подробного продумывания своих действий до мельчайших элементов. Трудность выявления подобных правонарушений сопряжена с женскими психологическими и физиологическими качествами, состояниями и процессами, складывающимися в процессе совершения преступлений, а также активного противодействия следствию. Также такие особенности женщин влияют на выбор характера, способа и мотива преступления или на тактические особенности проведения следственных действий.

Что касается определения понятия «убийство» в различных странах. Настоящий Уголовный кодекс Российской Федерации [1] не содержит понятия убийства, совершенного женщиной, но, стоит отметить, что имеется привилегированный состав преступления — убийство матерью новорожденного ребенка. Мотивы разнообразны и включают не только побуждения, основанные на негативном отношении к потерпевшему. Согласно нашему законодательству «убийство есть умышленное причинение смерти другому человеку». В УК Китайской Народной Республики и Японии отсутствует определение понятию «убийство». Но законодатель, комментируя ст. 232 УК КНР, указывает, что под умышленным убийством следует понимать действия, направленные на преднамеренное незаконное лишение жизни другого человека. Характерно, что в некоторых странах убийствами признаются только умышленные деяния (Болгария, КНР, Польша), в других — как умышленные, так и неосторожные (Грузия, Дания, Италия, Финляндия). По Модельному УК Соединенных Штатов Америки

лицо виновно в убийстве, если оно намеренно (с целью), заведомо (осознанно), по неосторожности или небрежности причиняет смерть другому человеческому существу.

Из числа лиц, выявленных за совершение убийств доля лиц женского и мужского пола, осужденных за покушение на убийство, особых различий не имеет, как в нашей стране, так и странах Китая и Японии. Гендерная специфика отражается в анализе ситуации и динамики совершенных убийств, когда они выходят за пределы необходимой защиты или превышают меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление. Процент девушек, осужденных по ст. 108 УК РФ в 2–3 раза превышает аналогичный показатель у лиц мужского пола. Темпы роста числа осужденных женщин по ст. 108 российского уголовного законодательства в 6,5 раз выше этих данных среди мужчин.

Данное соотношение можно объяснить тем, что женщины имеют повышенную уязвимость для насильственных преступлений, так называемой групповой виктимностью. Женщины зачастую являются «жертвами внутрисемейного террора» [3, с. 54], обычно существует длительный период конфликта с жертвами, сопровождающегося агрессивным поведением, которое для женщины становится привычной формой реагирования. В ходе личной защиты лица женского пола чаще представителей мужского пола превышают пределы необходимой обороны [2, с. 135].

Чаще всего женщины совершают простые убийства, имеющие семейно-бытовой характер, в большинстве случаев, жертвами являются сожители либо мужья. Квалифицированное убийство женщиной наблюдается не более чем в 10 процентах случаев. В зарубежной литературе по уголовному правосудию, при разграничении ответственности за убийство, авторы стремятся миновать некорректных определений, как «привилегированный состав убийства» или «убийство при смягчающих обстоятельствах». В таких случаях применяются другие термины, такие, как тяжкое и простое убийство (Англия, Австрия, ФРГ, Швеция) или убийство первой и второй степени (Канада). В уголовном законодательстве некоторых стран наравне с термином «простое убийство» можно встретить определение «умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах» (Италия, Колумбия).

Проанализировав использованные материалы судебной практики выявлено, что девушки в ходе совершения убийства выражают особую изошренность и безжалостность не только лишь в отношении взрослых, но и в отношении маленьких детей. Это типично как для преступлений, совершаемых как в группе, так и в одиночку. В то же время стремление потерпевшего оказать сопротивление может вызвать ярость и повлечь для жертвы тяжелые последствия, которых в случае убийства, совершенного мужчиной могло бы и не быть.

Рассматривая уголовно-правовые элементы убийств, совершенных женщинами, важно отметить, что чаще всего такие преступные деяния происходят в городах. Объясняется это тем, что сельская местность характеризуется более сильными социальными связями, чем городская, что само является элементом социального контроля.

Представительницы слабого пола чувствительно и остро реагируют на отрицательные стороны находящейся вокруг действительности. Травмы, сопряженные с производственными конфликтами, домашними неурядицами, неустроенностью личной жизни, носят у них более продолжительный и глубокий характер. Представительницы слабого пола чаще расценивают ситуацию как угрожающую, по этой причине их противоправное поведение ориентировано на то, чтобы защитить себя и свою семью от угрозы. Необходимо отметить, что регулярно растет число убийств, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (90%).

Ярким примером убийства, мотивом которого выступили семейные неурядицы является убийство, совершенное гражданкой Л. На бытовой почве произошла словесная ссора, в ходе которой З. оскорбил нецензурной бранью Л. и она нанесла З. ножом один удар в место расположения жизненно важных органов — грудную клетку, причинив последнему повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью человека, по признаку опасности для жизни в данном случае приведшие к смерти.

Также в общей массе в качестве мотивов совершения преступлений выступают ревность, месть и прочие аналогичные причины. Данные выводы находят свое подтверждение в утверждениях психологов, а также различных криминологов, поскольку, как указывалось выше, представительницы слабого пола являются более эмоциональными и чувствительными, чем представители мужского пола. Пример из судебной практики: был вынесен приговор 24-летней женщине и суд признал ее виновной в убийстве. Между женщиной и ее мужем произошла ссора из-за того, что она смотрела по телевизору концерт Стаса Михайлова. Приревновав, мужчина начал высказывать ей угрозы и хватать за руки. После этого она взяла нож и пригрозила, что если он не прекратит оскорбления, она его убьет, но муж продолжил высказывать претензии, и она нанесла ему еще пару ударов ножом. Девушка скорую помощь не вызвала, поскольку посчитала, что ранения несерьезные. Ночью потерпевший умер.

Что касается выяснения методов совершения преступления, это важно как для разработки эффективной методики и тактики выявления и расследования преступлений, но и в криминологическом плане. Особенно, это позволяет судить о чертах личности женщин, совершающих убийства, в том числе об уровне их профессионализма.

Исследование эмпирических данных выявил, что девушки чаще совершают убийства, нанося один удар ножом в левую область груди или множественные удары ножом в разные части тела. В последнем случае экспертами в ходе проведения судебно-медицинской экспертизы насчитывается от 2 до 103 ударов. Кроме того, часто совершаемые способы — это нанесение одного удара ножом в область живота, удушение, нанесение одного удара ножом в область шеи. Смерть жертв наступает и от выстрела из огнестрельного оружия, либо из-за того, что девушка выбрасывает жертву из окна квартиры, расположенной на 5–9 этажах или выталкивает на проезжую часть под колеса автомобиля.

Противозаконные действия женщин-убийц представляют собой обоснованный результат прожитой жизни и вытекают из индивидуальных отличительных черт преступницы. В сформировавшихся условиях женщина имеет возможность решить личные проблемы преступным способом, а не иначе.

Вышеуказанные характеристики убийств, совершаемых женщинами, помогают сделать вывод о том, что современные женщины-убийцы в большинстве случаев не причисляются к категории «высококвалифицированных специалистов». В какой-то степени это дает основание для положительных прогнозов касательно перспектив борьбы с данным видом преступления. В то же время, отсутствие у убийцы женского пола своего «почерка», неожиданно появившийся умысел усложняет организацию розыска преступницы. Поэтому наиболее актуальной становится проблема предупреждения убийств, совершаемых женщинами. Вместе с этим изучение уголовно-правовой характеристики убийств, совершенных женщинами позволяет юридически правильно квалифицировать совершенное деяние, что является важным условием соблюдения законности в работе правоохранительных органов.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Артеменко Н. В. Актуальные проблемы реализации права граждан на необходимую оборону в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4. С. 134–137.
3. Волошин И. А., Акмоллаева А. Д. Отдельные аспекты женской преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 3. С. 54–59.
4. Кирюшина Л. Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014.

Об эффективности современного российского досудебного производства: мнение ученого и практика

© Б. Я. Гаврилов
д-р юр. наук, проф.,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ
Академия управления МВД России,
Россия, г. Москва
profgavrilov@yandtx.ru

В статье анализируются причины низкой эффективности досудебного производства и конкретно таких его процессуальных институтов как возбуждение уголовного дела; разумный срок уголовного судопроизводства; предъявление обвинения; дознание в сокращенной форме; заключение под стражу обвиняемых, скрывшихся от органов предварительного расследования и объявленных в федеральный розыск.

Ключевые слова: прокурор, следователь, дознаватель, суд, предварительное расследование, процессуальные сроки, предъявление обвинения, заключение под стражу, протокольная форма расследования.

The article analyzes the reasons for the low efficiency of pre-trial proceedings and specifically such procedural institutions as the initiation of a criminal case; a reasonable period of criminal proceedings; the presentation of charges;

an abbreviated inquiry; the detention of accused who have disappeared from the preliminary investigation bodies and are declared on the Federal wanted list.

Keywords: prosecutor, investigator, inquirer, court, preliminary investigation, procedural terms, indictment, detention, Protocol form of investigation.

Причины низкой эффективности досудебного производства автором статьи рассматриваются в связи с необходимостью реформирования его основных институтов как с точки зрения практикующего юриста-следователя¹, так и представителя научного сообщества. При этом, учитывается, что в настоящее время определяющим в обеспечении прав и свобод участников уголовного судопроизводства является необходимость разработки концепции предварительного расследования, принципиально отличающейся от современной модели досудебного производства.

В этой связи, в качестве первоочередной задачи автор видит необходимость «слома» сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и перешедших в УПК РФ заформализованности и забюрократизированности российского уголовного судопроизводства и особенно его досудебной части. Прямым последствием этого является значительное сокращение за два последних десятилетия удельного веса (с 36% в 1999 г. до 23% в 2019 г.) направленных следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел от числа возбужденных.

Среди причин снижения эффективности досудебного производства автор выделяет и внесенные за последние 18 лет действия УПК РФ изменения, внесенные в него почти 260-ю федеральными законами. Однако, часть этих законодательных новаций носила несистемный характер. Но вместе с тем большинство из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики.

Негативное влияние на эти процессы оказали и компромиссные решения законодателя при подготовке УПК РФ ко второму чтению при одновременном отказе от предлагаемых автором мер по реформированию его отдельных процессуальных институтов, что законодателю пришлось восполнять в последующие годы [4, с. 74–82]. На эти процессы повлияли также имевшие место после принятия УПК контрреформы его отдельных норм [2, с. 9–11; 5, с. 37–41].

Непосредственно достаточно значительное количество внесенных в уголовно-процессуальный закон изменений обусловлено рядом следующих обстоятельств:

во-первых, многие из внесенных изменений — результат введения вновь или совершенствования ряда институтов действующего УПК РФ. В их числе:

- выведение Федеральным законом от 05.06.2007 г., № 87-ФЗ² из состава органов прокуратуры следователей с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации; передача руководителю следственного органа полномочий по процессуальному руководству следователями с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за их деятельностью; исключение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, как и его право принятия данного решения;
- введение в УПК РФ в качестве участника уголовного процесса начальника подразделения дознания³ и начальника органа дознания⁴;
- включение в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве⁵;
- значительное расширение в ходе проверки сообщения о преступлении перечня производимых органами предварительного расследования и органами дознания следственных и иных процессуальных действий, а также введение в досудебное производство сокращенной формы дознания⁶;

¹ До 2007 г. автор занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5.06.2007 г., № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 06.06.2007 г., № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30.12.2015 г., № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 60.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.06.2009 г., № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 г., № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

• введение в УПК РФ нормы-принципа — ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» и ряд других нововведений;

во-вторых, отдельные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации аналогичны по своему содержанию ряду положений УПК РСФСР 1922 и 1960 гг.;

в-третьих, ряд основополагающих норм УПК РФ, на что автором обращено внимание выше, явились результатом компромисса между представителями правоохранительных органов, с одной стороны, научного сообщества совместно с законодателем, с другой стороны. К ним следует отнести переходные положения¹, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также на продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей². Последнее послужило для Конституционного Суда Российской Федерации основанием для принятия Постановления от 14.03.2002 г., № 6-П³ о признании не соответствующим Конституции Российской Федерации положений уголовно-процессуального закона о санкционировании прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу. Во исполнение данного решения законодатель Федеральным законом от 29.05.2002 г., № 58-ФЗ⁴ внес в УПК РФ изменения, предусматривающие ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению.

Вместе с тем, по мнению автора не представляется возможным в современных условиях развития российского общества изменения уголовного судопроизводства, предусматривающие фактический отказ от предварительного расследования, что предлагают ряд ученых-процессуалистов [1, с. 304]. С учетом этого позиция автора заключается в предложениях по обсуждению в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением выработанных предложений до законодателя, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Эти изменения, по нашему мнению, должны быть направлены на:

• пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия, поскольку он вступил в прямое противоречие с введенной в УПК РФ нормой — принципом (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 г., № 11-П⁵ не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

• увеличение первоначального срока содержания обвиняемого под стражей (2 месяца), в который, исходя из содержания ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ;

• на исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. Следует также учитывать, что с принятием указанного выше Федерального закона от 04.03.2013 г., № 23-ФЗ участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении. УПК РФ также нивелировал различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Нашим аргументом за исключение данного института является и то, что в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания без «классического» предъявления обвинения. Не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г.;

¹ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г., № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4924.

² О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: федер. закон от 29.12.2001 г., № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

³ По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 г., № 6-П // Собрание законодательства РФ, 2002. №12. Ст. 1178.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.05.2002 г., № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

⁵ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление пленума Верховного суда РФ от 29.03.2016 г., № 11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- на введение взамен сокращенного дознания протокольной формы предварительного расследования в отношении конкретного лица в течение 48 часов при признании им факта совершения преступного деяния и при условии, что не требуется осуществление следователем, дознавателем всего комплекса следственных действий. Данная форма расследования не предусматривает процедуру возбуждения уголовного дела;

- на создание возможности «заочного» избрания судом по ходатайству следователя, дознавателя меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск, учитывая в том числе и такой фактор, как ежегодно их число составляет порядка 100 тыс. При его задержании вне места производства предварительного расследования оно в течение 48 час. должно быть доставлено в суд по месту задержания, где в судебном заседании устанавливается личность задержанного и проверяется не отменено ли решение суда о заключении его под стражу. При доставлении к месту расследования подозреваемый, обвиняемый доставляется в суд для решения вопроса об оставлении заключения под стражу или об изменении данной меры пресечения на более мягкую.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с реформированием досудебного производства, автору видится:

- с одной стороны, обоснованность реформирования досудебного производства [5, с. 37–41; 6, с. 18–25; 7, с. 19–26] путем реализации Федерального закона от 05.06.2007 г., № 87-ФЗ¹, о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие автору сделать вывод о более высоком в условиях изменившегося закона:

а) уровне процессуального контроля и прокурорского надзора за состоянием законности при расследовании уголовных дел:

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 (-0,7%)	142	629 (+21,9)	303

б) и, одновременно, о повышении надзорной деятельности прокурора к качеству их расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел возвращенных судом прокурору в порядке ст.237 УПК РФ:

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%

- с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн.) на протяжении последних 10-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообще-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 г., № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

ний о преступлениях, о чем автором подробно изложено в ранее опубликованных материалах [3, с. 74–78].

	2006	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3	9,8	9,9
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78	1,65	1,7
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,2	14,6	15,5	15,9	16,8	16,8	17,1
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3	6,0	6,0

Исключение ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации¹ и Верховного Суда Российской Федерации [8, с. 20–22] судебной-следственной практикой о необходимости возбуждения самостоятельного уголовного дела при выявлении нового преступления лицом, в отношении которого оно ранее было возбуждено, или при установлении нового лица, совершившего преступление, по факту которого уже возбуждено основное дело, что, по нашему мнению, противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении уголовного дела и ч. 1 ст. 448 действующего УПК РФ, не требующей вынесения самостоятельного постановления о возбуждении уголовного дела, если оно возбуждено в отношении другого лица.

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача перед законодателем состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Литература

1. Александров А. С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарий к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
2. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Избранное. М.: Юрайт, 2010. С. 9–11.
3. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 74–78.
4. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI в.: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38). С. 74–82.
5. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 37–41.
6. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18–25.
7. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.
8. Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–22.

¹Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г., № 343-О [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве в России и КНР

© Ж. Б. Дондупова,
студент 2-го курса магистратуры
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
dondupova97@mail.ru.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу процессуального статуса эксперта в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, выявлены их основные отличия. В статье рассмотрены общее положение эксперта и тактики его участия при проведении некоторых следственных действий в обоих государствах. Особое внимание уделяется устранению теоретических и законодательных пробелов в законодательстве России, что в наибольшей степени поспособствует совершенствованию отечественной судебной медицины.

Ключевые слова: эксперт, судебно-медицинская экспертиза, следователь, уголовно-процессуальный кодекс, специальные знания, уголовное судопроизводство.

This article is devoted to a comparative analysis of the procedural status of an expert in the Russian Federation and the People's Republic of China, their main differences are revealed. The article considers the general position of the expert and the tactics of his participation in conducting some investigative actions in both states. Particular attention is paid to addressing theoretical and legislative gaps in the legislation of Russia, which will contribute to the greatest degree to the improvement of domestic forensic medicine.

Keywords: expert, forensic medical examination, investigator, code of criminal procedure, special knowledge, criminal proceedings.

Эксперт является одним из участников уголовного судопроизводства, что определенно указывает на важность регламентации его процессуального статуса. Согласно уголовно-процессуальному закону, следователь либо дознаватель, имеет возможность привлечь эксперта за отсутствием у него углубленных знаний в различных областях познания. Так, в ст. 57 УПК РФ зафиксированы права и обязанности эксперта: «Эксперт — лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения» [1].

К примеру, такой укоренившийся и постоянно применяемый термин как «осмотр места происшествия» в действительности представляет собой тяжелейшую и многочасовую работу с ползанием на коленках в снегу, грязи, пыли, темноте и по поиску, выявлению, фиксации, изъятию, упаковке и маркировке обнаруженных объектов, которые могут иметь отношение к событию исследуемого преступления. Практический опыт свидетельствует о том, что даже незначительные упущения и недоработки на этой стадии могут явиться причиной трудностей в расследовании конкретного преступления. Необходимо отметить, что практически любое преступление может быть раскрыто путем полноценного и своевременного исследования собранных вещественных доказательств. Именно эксперт оказывает помощь следователю либо дознавателю, пытаясь «собрать» первоначальную доказательственную базу. Далее следователем назначается судебная экспертиза, способствующая установлению истины по уголовному делу или даже по материалам проверки. Именно заключение эксперта выступает как инструмент доказывания по уголовному делу. Таким образом, мы наблюдаем тесное взаимодействие следователя и эксперта.

В случае взаимодействия между экспертом и защитником, законодатель не предусмотрел такие условия, как у стороны обвинения. Защитник может взаимодействовать с экспертом только через следователя, подав ходатайство, которое может быть и отклонено самим следователем.

Далее мы обратимся к статусу эксперта в уголовном судопроизводстве КНР. Китайские источники утверждают, что именно в Китае был издан первый в мире капитальный труд по судебной медицине [2]. Однако не стоит забывать, что реформирование в КНР проводилось, основываясь на советской правовой системе.

Согласно УПК КНР, эксперт — это лицо, обладающее специальными познаниями, который может быть приглашен в целях выяснения обстоятельств дела и разрешения вопросов по делу, требующих специальных познаний (ст. 119 УПК КНР) [3]. В Китае носители специальных знаний как и в России дифференцируются на экспертов и специалистов.

Эксперт также отнесен к участникам уголовного процесса, как и законные представители, сторона в деле, защитники, представители в процессе, свидетели и переводчики. Народный суд, органы общественной безопасности КНР, народная прокуратура обязаны обеспечить участникам процесса осуществление ими своих процессуальных прав (ст. 14 УПК КНР). Стоит отметить, что в китайском уголовном судопроизводстве нет разграничений участников, тогда как в российском эксперт относится к иным участникам уголовного судопроизводства.

Основным отличием является принадлежность китайских экспертов к милиции общественной безопасности и Китайской ассоциации по науке и технике. Таким образом, эксперты в КНР являются государственными служащими и даже имеют право на получение квартир, в которой они могут жить со своей семьей, что несомненно исходит из традиций рассматриваемой страны.

В своей деятельности китайские эксперты руководствуются конституцией, УПК КНР, нормативными ведомственными актами и распоряжениями.

Согласно уголовно-процессуальному закону отвод эксперта может быть принят дознавателем, следователем, а также судом. Согласно ст. 31 УПК КНР на экспертов распространяются следующие статьи: 28, 29, 30 УПК КНР. Данные статьи УПК КНР определяют:

– стороны, участвующие в деле, и их законные представители имеют право просить требовать отстранения от дела судьи, прокурора и следователя при наличии конкретных обстоятельств (ст. 28 УПК);

– судья, прокурор и следователь не могут встречаться с участвующими в деле сторонами либо их доверенными, а также принимать от них приглашения и подарки (ч. 1 ст. 29 УПК);

– юридическую ответственность судьи, прокурора и следователя за нарушение требований, указанных в ч. 1 ст. 29 УПК КНР (ч. 2 ст. 29 УПК);

– порядок отвода, заявленный судье, прокурору и следователю (ст. 30 УПК).

Российскому законодателю, несомненно стоит обратить внимание на вышеуказанное как на инструмент борьбы против коррупции, поскольку в России действует лишь часть данных запретов.

В УПК КНР следственные органы обязаны доводить до сведения подозреваемого и потерпевшего заключение эксперта, а также право подозреваемого и потерпевшего ходатайствовать о проведении повторной или дополнительной экспертизы (ст. 121 УПК КНР). Тогда как в российском законодательстве следственным органам при назначении экспертиз приходится проводить ряд следственных действий, связанных с ознакомлением с постановлением о назначении экспертизы, предъявлением заключения эксперта и протокола допроса эксперта сторонам, что занимает определенное время и увеличивает документооборот.

В Китае эксперт выступает как любой другой свидетель, который имеет возможность высказать свое мнение по конкретному уголовному делу, опираясь на специальные знания и жизненный опыт.

Судебная медицина в Китае несомненно достойна внимания и достойна последующей интеграции опыта в практику отечественной судебной медицины, что безусловно поспособствовало бы совершенствованию нашей. Не стоит забывать, что Китай является одной из наиболее динамично развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 30.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 (дата обращения: 10.04.2020).

2. Моисеев С. О. Особенности организации судебно-медицинской службы в КНР [Электронный ресурс] // Судебная медицина. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-sudebno-meditsinskoy-sluzhby-v-knr> (дата обращения: 14.04.2020).

3. Уголовно-процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (дата обращения: 10.04.2020).

Право защитника собирать доказательства в уголовном судопроизводстве по законодательству некоторых стран АТР: сравнительно-правовой аспект

© Н. Р. Крысина,

доц. кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
НИ Мордовской государственной
университет им. Н. П. Огарева
Россия, г. Саранск
natalya.mukhudinova@yandex.ru

© В. Н. Нарядчиков

аспирант кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
НИ Мордовской государственной
университет им. Н. П. Огарева
Россия, г. Саранск
olodimer@mail.ru

В статье на основе сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в числе которых Китайская Народная Республика, Япония, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея и Социалистическая Республика Вьетнам, рассматривается нормативно-правовое регулирование права защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве. Исследуется закрепление соответствующего права, способы его реализации защитником самостоятельно, а также с помощью властно-публичных участников уголовного судопроизводства. Анализируется подход законодателей указанных стран, к статусу получаемых защитниками сведений в ходе производства по уголовным делам.

Ключевые слова: адвокат, защитник, право собирать и представлять доказательства, ходатайство, депонирование доказательств.

In the article on a comparative legal analysis of the criminal procedural legislation of some countries of the Asia-Pacific region, including the People's Republic of China, Japan, the Democratic People's Republic of Korea, the Republic of Korea and the Socialist Republic of Vietnam, the article examines the legal regulation of the right of a defender to collect and represent evidence in criminal proceedings. The author studies the consolidation of the corresponding right, the ways of its implementation by the defense lawyer independently, as well as with the help of publicly involved participants in criminal proceedings. The author analyzes the approach of the legislators of these countries to the status of information received by lawyers during criminal proceedings.

Keywords: lawyer, defender, the right to collect and present evidence, petition, deposit of evidence.

Реализация защитником права на соби́рание доказательств по уголовному делу имеет большое количество нерешенных вопросов в отечественном российском уголовном судопроизводстве. Идея так называемого адвокатского расследования, широко обсуждавшаяся в юридической литературе после принятия УПК РФ 2002 г., так и не получила должной регламентации в уголовно-процессуальном законе. К основным проблемам здесь можно отнести недоказательственное значение получаемых защитниками сведений, отсутствие полного указания на способы сбора защитниками сведений, а те, что названы в законе, не получили должной регламентации, поскольку не закреплены права участников, форма и порядок фиксации результатов данных действий. В силу этого представляет научный интерес в сравнительно-правовом анализе законодательного регулирования данного вопроса в зарубежных юрисдикциях. В настоящей статье будет рассмотрено законодательство некоторых стран АТР.

Согласно ст. 35 УПК КНР, «в обязанности защитника входит на основе фактов и в соответствии с законом предоставлять материалы и доводы, свидетельствующие о невиновности подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, смягчающие либо вовсе устраняющие уголовную ответственность за совершенное деяние...» [1]. Таким образом, право защитника собирать и представлять сведения в защиту обвиняемого органам, ответственным за производство по делу, закреплено в общем в виде, и более подробно не раскрывается. В вышерассмотренной норме интерес представляет указание на деятельность защитника по сбору материалов в защиту доверителя как его обязанность, что на наш взгляд является положительным, поскольку тем самым законодатель ориентирует защитников на активную, не безучастную деятельность по соби́ранию доказательств защиты.

Кроме того, в абз. 1 ст. 37 УПК КНР указывается, что защитник, являющийся адвокатом, «с разрешения свидетелей или других имеющих отношение к делу организаций и частных лиц, могут обращаться к ним за информацией, имеющей отношение к данному делу. Они также имеют право обращаться в народную прокуратуру и народный суд за сбором и получением улик, или просить народный суд известить свидетелей о необходимости появиться в суде и дать показания». А согласно абз. 2 указанной статьи, «адвокаты защиты могут, с разрешения народной прокуратуры или народного суда и согласия потерпевшего, его ближайших родственников, или свидетелей, представленных потерпевшим, собирать у них информацию, касающуюся данного дела». Вероятно, из указанных норм следует право, именно защитника, имеющего статус адвоката, получать сведения от свидетелей, потерпевших, иных лиц и организаций при условии их согласия на это. Можно предположить, что под таковым предполагается получение от указанных лиц при их согласии каких-либо предметов, документов, сведений, также путем их устного или письменного опроса. Если же самостоятельно адвокат-защитник получить те или иные сведения не в силах, он может ходатайствовать органам расследования или суду об их истребовании.

В остальном уголовно-процессуальный закон никак не раскрывает деятельность защитника по собиранию доказательств. В ст. 38 УПК КНР указываются лишь ограничения деятельности защитника в сфере доказывания. Запрещается оказывать помощь подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления в укрывательстве, уничтожении, фальсификации доказательств, оказывать давление на свидетелей и др. Однако данные положения являются логичным барьером в деятельности не только защитника, но и иных участников уголовного судопроизводства и носят на наш взгляд материальный характер. Данные деяния должны влечь уголовную ответственность и регламентироваться соответствующей отраслью права.

В ст. 159 УПК КР закреплено, что «в ходе судебного разбирательства стороны в деле и защитник, представитель в процессе вправе ходатайствовать о вызове в суд новых свидетелей, о получении новых вещественных доказательств, о проведении новых экспертиз либо осмотров». Таким образом, защитник может опосредованно, косвенно, путем подачи соответствующих ходатайств, принимать участие в формировании доказательств по делу.

Учитывая, что исходя из статей 32 и 34 УПК КНР, защитниками по уголовным делам в подавляющей мере выступают адвокаты, значение имеет регламентация их статусных прав, которые закреплены в Законе КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» [2]. Однако нормы, указывающие на право защитника собирать сведения в интересах доверителя по содержанию дублируют вышерассмотренные нормы УПК КНР и более детально данный вопрос не раскрывают. Исключением является указание в ст. 31 данного закона на возможность направления адвокатом запроса различным учреждениям и физическим лицам при вступлении в дело.

Уголовно-процессуальный закон Японии не содержит указания на способы собирания защитником доказательств по уголовному делу. Глава IV УПК Японии [3], именуемая «Адвокат и помощник», не раскрывает право защитника на сбор доказательств. Однако оно предполагается, поскольку закреплено положение, согласно которому, если обвиняемый или его защитник получают сведения, являющиеся доказательствами обстоятельств, которые необходимо установить по уголовному делу, и изучили содержание этих доказательств, они обязаны раскрыть и представить их другим участникам уголовного судопроизводства [7, с. 167]. Таким образом, полученные стороной защиты доказательства, которые она намерена использовать в доказывании по делу, должны представляться не в любой момент производства по усмотрению стороны защиты, а заблаговременно.

В вопросе обеспечения стороны защиты в возможности отыскания оправдывающих или смягчающих ответственность обстоятельств, соответствующие обязанности возлагаются на суд. Так, если обвиняемый или его защитник не имеют в распоряжении доказательств, они вправе обратиться с ходатайством рассмотреть вопрос о предоставлении им доказательств для их дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу. Способы же самостоятельного расследования защитником по уголовному делу не регламентированы.

Закон «Об уголовном процессе» КНДР [4] в ст. 71 закрепляет положение, в соответствии с которым, с момента вступления в уголовный процесс, защитник вправе собирать и проверять доказательства, однако, как отмечают Сумин А. А. и Химичева О. В., способы собирания и проверки защитником доказательств нормами Закона об уголовном судопроизводстве не урегулированы [9, с. 40].

Закон «Об уголовном процессе» Республики Корея [5] не закрепляет возможность защитника осуществлять отыскание и сбор доказательств какими-либо определенными законом способами, однако ст. 36 Закона об адвокатуре прямо запрещает адвокату вовлечение в такую деятельность сотрудников детективных агентств и государственных органов. Но оговоркой является не распростра-

нение данного запрета на возможность ходатайствовать защитнику «о допросе указанных сотрудников в качестве свидетелей, если они не занимались самостоятельным собиранием доказательств по соглашению (просьбе) с адвокатом (данное условие распространяется и на случаи, когда сотрудники детективных агентств или государственных органов занимались собиранием доказательственно значимой информации по просьбе лиц, аффилированных с защитником)» [9, с. 144].

Кроме того, закреплено право защитника в числе других участников заявлять в досудебном производстве ходатайство судье о депонировании доказательств в порядке ст. 184 Закона об уголовном процессе. Таким образом, южнокорейский уголовный процесс имеет институт депонирования доказательств с наличием фигуры, схожей со следственным судьей. При этом данный судья, к которому обратились с ходатайством о депонировании доказательств, имеет те же полномочия, что и суд (председательствующий), рассматривающий дело по существу. В случае отказа в удовлетворении подобного ходатайства, возможно его обжаловать в течение трех дней. Полученные доказательства в ходе их депонирования доступны для ознакомления защитнику и с разрешения судьи им может производиться копирование документов, составляющих полученные доказательства.

По УПК Социалистической Республики Вьетнам [6] защитник признается субъектом доказывания. Исходя из положений ч. 2 ст. 36 ч. 2 ст. 49 УПК Вьетнама защитник вправе самостоятельно собирать и предоставлять доказательства документы, предметы и предъявлять требования. С другой стороны, вправе проверять, оценивать и высказывать объяснения о доказательствах, документах, связанных с уголовным делом и требовать у лиц, имеющих полномочия проведения уголовно-процессуальной деятельности, проведения проверок и оценки доказательств.

В то же время, защитник обязан своевременно передавать собранные доказательства органам, обладающим полномочиями проведения уголовно-процессуальной деятельности, для сохранения их в материалах уголовного дела и составления протокола. Также защитник имеет право «заявлять ходатайства о производстве следственных и процессуальных действий органам и лицам, имеющим полномочия проведения уголовно-процессуальной деятельности» [8, с. 126–127].

В заключение настоящей статьи следует обобщить, что ни в одной юрисдикции рассмотренных нами стран в уголовно-процессуальном законодательстве глубоко не регламентирован институт защитительного расследования. В уголовно-процессуальном законодательстве каждой выше рассмотренной страны закреплено право защитника собирать доказательства, что является положительным, поскольку соответственно данная деятельность защитника не воспринимается законодателем как противодействие органам расследования и суда, которые в силу принципа состязательности не только учитывать это право, но и обеспечивать условия для его реализации. Более того, УПК КНР даже устанавливает обязанность защитника отыскивать и представлять доказательства, благоприятствующие подзащитному. Прогрессивным считаем функционирование института депонирования доказательств по уголовно-процессуальному закону Южной Кореи.

Однако ни в одной из юрисдикций конкретно не указываются способы собирания защитником доказательств, соответственно и отсутствует их регламентация, не регламентирован порядок представления и приобщения к уголовному делу материалов, собранных защитником и трансформации их в доказательства. Законодатели данных стран, по всей видимости, расценивают основными субъектами доказывания властных участников процесса, а роль стороны защиты в доказывании предполагается в деятельности вокруг опровержения доказательств обвинения. Однако, ведь опровержение доводов и доказательств обвинения возможно также и путем представления стороной защиты «своих» доказательств. Возможность ходатайствовать у суда в получении, истребовании необходимых для защиты доказательств не всегда в полной мере может отвечать интересам защиты. Защитник, собирающий доказательства самостоятельно, может их единолично проверить и оценить, убедившись, что они действительно полезны для позиции защиты может представить их суду, либо наоборот отказаться от них, предвидя, что они могут обернуться против интересов подзащитного. Когда при истребовании доказательств судом защитник уже «связан» полученными доказательствами.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 1 июля 1979 г., с учетом поправок, внесенных 17 марта 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure
2. Об адвокатах и юридическом представительстве: закон КНР (обнародован на 19 съезде Постоянного Комитета Всекитайского собрания Народных Представителей 8-го созыва 15 мая, вступил в силу 7 января 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://law.ucl.ac.uk/lawyer.htm>

3. Уголовно-процессуальный кодекс Японии (Закон № 131 от 10.07.1948 г. с последними изменениями, внесенными законом № 26 от 27.04.2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/7006>

4. 북한형사소송법주석(1) - 증거·수사·예심·기소편 (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Северной Кореи (I) – Доказательства, расследование, судебное разбирательство, судебное преследование. Сеул, 2015) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.data.go.kr/dataset/15032262/fileData.do>

5. Об уголовном процессе: закон Республики Корея (Закон № 341 от 23.09.1954 г. с последними изменениями, внесенными законом № 9765 от 06.06.2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/497898>

6. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 28 июня 1988 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://thukyluat.vn/vb/7-lct-hdnn8-bo-luat-to-tung-hinh-su-1988-9262.html>

7. Волосова Н. Ю., Волосова М. В. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование: монография / под общ. ред. Н. Ю. Волосовой. М. 240 с.

8. Нгуен Тхи Нгок Иен. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. М., 2018. 228 с.

9. Сумин А. А., Химичева О. В. Введение в уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея: монография. М. 272 с.

Применение правил исключения доказательств в уголовно-процессуальном праве Китая

© О. Д. Нечаева

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
olga-nechaeva2001@yandex.ru

Предметом исследования статьи является применение правил исключения доказательств в уголовно-процессуальном праве Китая. Институт исключения доказательств является новым для Китайской Народной Республики, он был закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе в 2012 г. На данный момент правила исключения доказательств в Китае применяются редко, и проведенное исследование позволит выявить основные причины этого явления.

Ключевые слова: исключение доказательств, права участников уголовного процесса, бремя доказывания, презумпция, правовая культура.

The subject of the article is the application of the rules of evidence exclusion in the criminal procedure law of China. The institution of excluding evidence is new to the People's Republic of China, it was established in the Criminal Procedure Code in 2012. At the moment, the rules for excluding evidence are rarely applied in China, and the study will reveal the main causes of this phenomenon.

Keywords: exclusion of evidence, rights of participants of criminal proceedings, burden of proof, presumption, legal culture.

В 2012 г. в Китае был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, впервые закрепивший возможность исключения незаконно полученных доказательств. Исключение доказательств означает, что доказательство, полученное с нарушением закона, теряет юридическую силу и не может использоваться для доказывания фактов по делу. Институт исключения доказательств является важной гарантией прав участников уголовного процесса, он стимулирует субъектов доказывания действовать в соответствии с законом. Для Китая, в котором, как отмечают правозащитные организации, права участников уголовного процесса по-прежнему существенно нарушаются [6], имплементация правил исключения доказательств особенно значима.

Институт исключения доказательств связан с определенной системой ценностей, традицией уважительного отношения к закону и правам человека, презумпцией невиновности. Для правовой системы Китая характерна собственная система ценностей, в которой могут отсутствовать те стимулы, которые побуждают правоприменителя в других странах исключать доказательства. Данное исследование призвано выявить, применяются ли правила исключения доказательств в современном Китае и каковы характерные черты китайской правовой системы, которые могут помешать имплементации

правил исключения. Учитывая новизну института исключения доказательств в Китайской Народной Республике и острую необходимость защиты прав участников уголовного процесса, тема данного исследования представляется актуальной.

Правила исключения доказательств были закреплены в Китае в 2010 г. на уровне подзаконного акта. В 2012 г. в УПК КНР появились положения о том, что устные доказательства, полученные с нарушением закона, должны исключаться, вещественные и документальные доказательства, полученные с нарушением законной процедуры, также могут быть исключены [2]. Однако провозглашение правил в законе отнюдь не всегда означает их успешное применение. Чтобы понять, применяют ли китайские суды правила исключения доказательств, обратимся к судебной практике.

Впервые незаконно полученные доказательства были исключены в Китае в апреле 2011 г. Суд г. Нинбо счел, что признание вины чиновника Чжана Госи, обвинявшегося во взяточничестве, получено незаконным способом, и исключил это доказательство. Исключение повлекло за собой оправдательный приговор в отношении Чжана. Это решение стало эпохальным для Китая: сторона обвинения в данном деле была настолько уверена в своей безнаказанности, что даже не попыталась подтвердить законность допроса, но суд проявил принципиальность. Однако через год суд второй инстанции отменил это решение. Таким образом, самое громкое решение об исключении доказательств в Китае вряд ли окажет какое-то влияние на дальнейшую судебную практику. Суд второй инстанции показал, что правила исключения доказательств ничего не изменили в стремлении правоприменителя спасти обвинительный приговор любой ценой [7].

Стали ли затем правила исключения доказательств применяться чаще? Верховный Народный Суд КНР признал, что с 2014 по 2016 гг. доказательства были исключены в 2756 делах (всего за эти годы было рассмотрено 3,238,000 дел) [8, р. 315]. Таким образом, исключение доказательств применялось менее чем в 1% дел. Почему же не действуют правила исключения доказательств, которые могли бы предотвратить нарушения участников уголовного процесса и помочь избежать осуждения невиновных?

Первой причиной их редкого применения является несправедливое распределение бремени доказывания. Бремя доказывания — это обязанность доказать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания. В соответствии с презумпцией невиновности, бремя доказывания по уголовному делу лежит на стороне обвинения. Этому правилу верен и китайский законодатель. Согласно ст. 57–59 УПК КНР, если встает вопрос о законности способа получения доказательств, то доказывать законность всегда должна прокуратура [2]. Обвиняемый должен лишь сослаться на обстоятельство, которое побудило его заявить ходатайство (если, например, это была пытка, то обвиняемый может показать раны).

На практике китайские суды зачастую перекладывают бремя доказывания недопустимости доказательств на обвиняемых. То есть, заявив ходатайство, обвиняемый должен предоставить надежные и достаточные доказательства того, что полицейские нарушили его права. Обычно такое бремя оказывается для него непосильным.

Профессор Цзяхун Хэ (Jiahong He) предлагает решить эту проблему с помощью установления новой презумпции. Презумпция в самом общем виде — это признание некоего факта существующим, при том что фактически его существование еще не доказано. Профессор Хэ полагает, что в УПК КНР можно ввести правило, в соответствии с которым, если, например, подозреваемый умер или получил травму во время расследования, то применение пытки презюмируется. Сторона обвинения должна будет доказать отсутствие факта пытки [3, р. 180].

На наш взгляд, это правило вряд ли сильно изменит ситуацию. Презумпция означает, в первую очередь, перераспределение бремени доказывания (например, презумпция невиновности означает, что бремя доказывания виновности ложится на сторону обвинения). Но бремя доказывания допустимости доказательств в любом случае лежит на стороне обвинения. Помочь имплементации правил исключения доказательств может Верховный народный суд КНР. Если он начнет чаще применять правила, то подаст таким образом пример нижестоящим судам, так как Китай — страна, в которой реформы начинаются «сверху».

Вторая причина редкого исключения доказательств в Китае — презумпция виновности обвиняемого. На первый взгляд может показаться, что УПК КНР провозглашает презумпцию невиновности. Ст. 12 устанавливает: лицо не может быть признано виновным, если его виновность не была установлена приговором народного суда в соответствии с законом. Ст. 52 закрепляет: строго запрещено принуждать кого-либо свидетельствовать против себя [2].

При этом китайские авторы утврждают, что важной проблемой китайского уголовного процесса является неофициально существующая презумпция виновности обвиняемого. Причины существо-

вания этой презумпции кроются в том числе в тексте закона: ст. 120 обязывает обвиняемого правдиво отвечать на вопросы следователя. [2] Провозглашение этой обязанности в законе лишает презумпцию невиновности одного из ее компонентов: права обвиняемого не свидетельствовать против себя во время допроса. Таким образом, значение презумпции невиновности сужается и обедняется, что представляет опасность для соблюдения прав обвиняемого.

Можно говорить также о том, что в китайском языке понятие «презумпция» имеет несколько иное значение, нежели в европейских языках. Слово «презумпция» происходит от лат. «предположение, ожидание». Китайское же слово *dui ting* (презумпция) означает, скорее, «вывод». Возможно, так как в Китае даже на семантическом уровне к презумпции предъявляются более строгие требования, чем в Европе (к выводу мы, безусловно, предъявляем больше требований, чем к предположению), презумпция невиновности не выполняет в китайском уголовном процессе свою функцию. Она толкуется как нечто, что должно быть выведено из безупречных логических предпосылок, доказано, проверено. А виновность — наоборот, презюмируется, если лицо оказалось вовлеченным в уголовный процесс (нет дыма без огня). Применение незаконных методов получения доказательств в отношении лица, которое презюмируется виновным, не кажется постыдным, а значит, и исключать такие доказательства нет необходимости. Таким образом, трудности с принятием презумпции невиновности в китайском уголовном процессе могут напрямую влиять на применение правил исключения доказательств.

Очередная причина редкого исключения доказательств в Китае заключается в том, что исключение доказательств в принципе является экстренной мерой реагирования на правонарушения субъектов доказывания, иначе обвинительные приговоры перестали бы выноситься.

Для стран англосаксонской правовой семьи правила исключения доказательств обладают особым значением. В США правила допустимости доказательств закреплены в Конституции, а установленные судом правила законного получения доказательств представляют собой очень жесткие требования к субъектам доказывания. Тем не менее, в ряде решений Верховный суд США все более смягчает правила допустимости доказательств. В деле *Hudson v. Michigan* (2006) Верховный суд заявил, что исключение доказательств является не требованием Конституции, а правилом, установленным судом. В этом же деле суд разъяснил, что в некоторых случаях доказательства можно не исключать, достаточно применить дисциплинарную санкцию в отношении полицейского [4].

Во многих государствах правила исключения доказательств применяются все реже. Немецкая исследовательница Сюзанна Кникмайер (*Susanne Knickmeier*) в 2015–2017 гг. опрашивала экспертов из Германии, Швейцарии, Таиланда и Сингапура. По их сведениям, доказательства в этих странах исключаются менее чем в 10% случаев [5, р. 332].

Можно назвать несколько причин описанного явления. Во-первых, в большинстве государств 90–95% уголовных дел рассматриваются в порядке сокращенного судопроизводства — эта процедура применяется, когда обвиняемый признал свою вину и согласился с обвинением. При ее применении исследованию доказательств обычно не уделяется особенное внимание. Во-вторых, можно предположить, что во многих современных государствах полицейские обладают развитым правосознанием и случаи нарушения закона (в особенности применения пытки) при получении доказательств относительно редки. Наконец, как уже упоминалось, исключение доказательств не является нормальным явлением. Применение правил исключения часто влечет за собой отрицательные последствия для интересов общественной безопасности и осуществления правосудия, поэтому исключение не должно применяться повсеместно.

Таким образом, в Европе и США правила исключения доказательств являются, скорее, чем-то экстраординарным. Неудивительно, что они медленно приживаются в Китае, который недавно их имплементировал.

Причиной медленной имплементации правил исключения доказательств являются также особенности традиционной правовой культуры Китая. Две основополагающие для Китая философские школы — конфуцианство и легизм — ассоциируют писанный закон с жестокими наказаниями. В конфуцианстве закон воспринимается негативно: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда» [1, с. 60]. Легизм оправдывает жестокость закона: «нет лучшего средства пресечь зло и преступления, нежели суровые наказания» [1, с. 120]. Так или иначе, закон и добродетель для традиционной китайской культуры являются антонимами, и на человека, попавшего в сферу действия закона, не распространяются нравственные нормы, а значит, его права могут нарушаться.

Итак, в 2012 г. в УПК КНР появился новый для Китая институт исключения доказательств. С точки зрения закона в Китае есть предпосылки для успешного применения правил исключения доказа-

тельств, но на практике суды почти не исключают доказательства. Причинами редкого исключения доказательств являются особенности китайского правосознания, такие как презумпция виновности обвиняемого, перераспределение бремени доказывания не в пользу обвиняемого, традиционно негативное отношение к закону и к тем, кто попал в сферу его влияния. Причиной может быть и то, что правила исключения не рассчитаны на повсеместное применение — иное угрожало бы интересам общественной безопасности. Отметим, однако, что такая причина имеет более существенно значение для тех стран, где правила исключения доказательств давно успешно применяются — в Китае пока нет предпосылок для того чтобы правила угрожали общественной безопасности.

Таким образом, успешная имплементация правил исключения доказательств в Китае осложнена особенностями правовой системы и культуры. Правила несут с собой определенный идеологический заряд (безусловное уважение к закону и правам человека, нравственная максима «цель не может оправдывать средства»), который не всегда совместим с правовой культурой Китая. Можно надеяться, что со временем трудности будут преодолены и правила исключения станут полноценной частью правовой системы Китая.

Литература

1. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 340 с.
2. Criminal Procedure Law of the People's Republic of China [electronic resource] / amended on 14th of March, 2012. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china>
3. He, Jiahong *Methology of judicial proof and presumption*. Singapore: Springer, 2018. 296 p.
4. Hudson v. Michigan [04-1360] [electronic resource]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/547/586.html>
5. Knickmeier S. *Securing a Fair Trial Through Exclusionary Rules: Do Theory and Practice Form a Well-Balanced Whole? // Do Exclusionary Rules Ensure a Fair Trial? A Comparative Perspective*. Basel, 2018. P. 329–349.
6. *No end in sight torture and forced confessions in China*. London: Amnesty International, 2015. 56 p.
7. *Second court accepts disputed confession* [electronic resource]. URL: http://www.china.org.cn/china/2012-07/19/content_25952526.htm
8. Weimin Z., Rongjie L. *Exclusionary Rule of Illegal Evidence in China: Observation from Historical and Empirical Perspectives // Do Exclusionary Rules Ensure a Fair Trial? A Comparative Perspective*. Basel, 2018. P. 307–329.

Институт задержания в России и Китае: сравнительно-правовой аспект

© К. В. Площук,

магистрант
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
Россия, г. Улан-Удэ
ploshhuk1993@mail.ru

© Е. В. Гулина,

канд. юр. наук, науч. сотрудник,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
gulinaalyona@mail.ru

В статье авторы рассматривают некоторые различия института задержания в уголовном процессе России и Китая. Авторы анализируют иностранный опыт и делают предположения о перспективах дальнейшего развития указанного правового института, рассматривают основания задержания подозреваемых в обеих странах.

Ключевые слова: задержание, подозреваемый, правоохранительные органы, следователь, дознаватель, орган дознания, Россия, Китай, сравнительное правоведение.

In the article, the authors consider some differences in the institution of detention in the criminal process of Russia and China. The authors analyze foreign experience and make assumptions about the prospects for the further development of this legal institution, consider the reasons for the detention of suspects in both countries.

Keywords: detention, suspect, law enforcement agencies, investigator, interrogator, inquiry agency, Russia, China, comparative law.

Уголовно-процессуальный институт задержания по подозрению в совершении преступления давно привлекает к себе внимание как практических работников, так и ученых [2, с. 61–66]. Рассматривая указанную меру процессуального принуждения, можно отметить, что в целом она требует законодательной доработки как в России, так и в Китае. До сих пор являются дискуссионными вопросы о начале срока задержания, о разграничении момента фактического и собственно процессуального задержания [3, с. 16–24; 5], регламентированного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), и другие.

Российское законодательство не дает доктринального определения задержания подозреваемого. По мнению С. Б. Россинского, задержание подозреваемого следует рассматривать как многогранную, многоуровневую доктринальную и правовую категорию, являющуюся предметом различных наук юридического цикла и элементом различных сфер правового регулирования [4, с. 179]. Сущность задержания подозреваемого выражена, по мнению С. Б. Россинского, как минимум, в четырех различных ипостасях:

- как мера процессуального принуждения;
- как процессуальная комбинация;
- как тактическая операция;
- как совокупность режимных мероприятий, связанных с помещением лица в изолятор временно-го содержания и его нахождением под стражей в условиях изоляции об общества [4].

В уголовном процессе КНР задержание представляет собой процессуальную деятельность двух видов: 1) задержание, производимое компетентными должностными лицами, именуемое «цзюйлю», и 2) задержание правонарушителя, производимое любым гражданином, именуемое «нюсун». Рассмотрим эти виды задержания подробно [1, с. 208].

В соответствии со ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса КНР (далее — УПК КНР), «цзюйлю» производится в следующих случаях:

- 1) когда лицо застигнуто на стадии приготовления, совершения преступления либо непосредственно после его обнаружения;
- 2) когда потерпевшие либо присутствующие на месте преступления очевидцы прямо укажут на лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на теле лица либо в жилище лица обнаружены доказательства совершенного преступления;
- 4) когда лицо после совершения преступления предприняло попытку покончить жизнь самоубийством, скрыться либо совершить побег;
- 5) когда существует вероятность уничтожения, фальсификации доказательств лицом либо сговор в даче показаний;
- 6) когда лицо не сообщает своего настоящего имени, адреса и его личность не установлена;
- 7) когда в отношении лица существуют серьезные подозрения в совершении им преступления при побеге неоднократно либо в составе группы [6].

По сравнению с основаниями задержания подозреваемого, регламентированными ст. 91 УПК РФ, китайский законодатель существенно расширил полномочия органов общественной безопасности [1, с. 208] (орган исполнительной власти КНР, в чьи обязанности входит выполнение полицейских функций, охрана общественного порядка, защита политического и государственного строя, высшего руководства государства и важных государственных объектов, антитеррористическая борьба против экстремизма и сепаратизма на территории Китая), в реализации данной меры государственного принуждения. Во-первых, задержание в КНР применимо к широкому кругу лиц, совершивших преступление. Во-вторых, китайский законодатель предусмотрел более широкий круг основания для задержания и возможность задержания лица на стадии приготовления к преступлению.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ, задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из указанных в данной статье оснований, имеют право орган дознания, дознаватель, следователь. При этом ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 г., № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» детально регламентирует, каких лиц имеет право задерживать полиция. Соответственно данной мерой государственного принуждения пользуются и иные подразделения правоохранительных органов (по сравне-

нию с указанными в ч. 1 ст. 91 УПК РФ), такие как патрульно-постовая служба (ППС), дорожно-патрульная служба (ДПС), участковые уполномоченные полиции (УУП) и т. д.

В соответствии со ст. 61 УПК КНР, право осуществлять задержание имеют органы общественной безопасности, сюда входит более широкий круг лиц, выполняющих полицейские функции — охрана общественного порядка, защита политического и государственного строя, высшего руководства государства и важных государственных объектов, антитеррористическая борьба и противодействие экстремизму и сепаратизму на территории Китая.

Полагаем, что перечень лиц, которые имеют право производить задержание, указанных в ст. 91 УПК РФ, необходимо расширить и привести в соответствие с Федеральным законом «О полиции».

В настоящее время институт задержания правонарушителя гражданином Китая «Нюсун» регламентирован ст. 63 УПК КНР. Данная норма предусматривает в качестве лиц, подлежащих задержанию:

1) лиц, совершивших преступление либо обнаруженных непосредственно после совершения преступления;

2) лиц, в отношении которых вынесено постановление об их заключения под стражу;

3) лиц, совершивших побег из тюрьмы;

4) лиц, преследуемых в целях задержания [1, с. 209].

Китайские процессуалисты рассматривают институт задержания гражданином в качестве меры процессуального принуждения в том смысле, что он накладывает ограничения на подозреваемого (обвиняемого), его личную свободу и имеет цель предупреждения совершения лицом противоправных действий, побега, фальсификации и уничтожения доказательств и т.д.

В Китае до настоящего времени не решены вопросы о возможном объеме применения физической силы гражданином к задерживаемому лицу. В российском законодательстве данные правоотношения регламентированы главой 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление). При этом в УПК РФ отсутствует институт задержания подозреваемого гражданином (не сотрудником правоохранительных органов).

В соответствии со ст. 64 УПК КНР, органы общественной безопасности при задержании лица обязаны предъявить постановление о задержании. По УПК РФ (ч.1 ст. 92) после задержания подозреваемого и доставления его в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 указанного кодекса. Отличие в данном случае заключается в виде процессуального документа — в Китае предъявляют постановление, а в России составляется протокол.

Кроме того, в соответствии со ст. 64 УПК КНР, в течении 24-х часов с момента задержания правоохранительные органы обязаны уведомить членов семьи задержанного либо организацию, в которой задержанный работает, о причинах задержания и месте его содержания. В соответствии с ч. 1 ст. 95 УПК РФ, подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания. Стоит обратить внимание, что это именно право задержанного гражданина РФ, в КНР же должностные лица обязательно уведомляют членов семьи и работодателя задерживаемого, т.е. должностные лица правоохранительных органов берут на себя ответственность за задержанное лицо, хоть оно и задержано за определенные подозрения в совершении преступления.

В соответствии с ч. 3 ст. 92 УПК РФ о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого. Подобное уведомление народного прокурора о задержании в УПК КНР отсутствует.

На основании ст. 65 УПК КНР, задержанного должны допросить в течение 24-х часов с момента задержания, в РФ же перед тем, как начать допрос, дают право на свидание с адвокатом (защитником) в течении 2-х часов, и только после этого начинают допрос.

Согласно ст. 66 УПК КНР, органы общественной безопасности требуют заключить под стражу задержанного с разрешения народной прокуратуры, по российскому же законодательству решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу принимается судом (ст. 108 УПК РФ). Если говорить об участии защитника (адвоката), то в соответствии с ч.1 ст.92 УПК РФ если защитник участвует с момента фактического задержания, его участие в составлении протокола обязательно, участие же защитника (адвоката) при задержании подозреваемого по УПК КНР отсутствует.

В соответствии со ст. 69 УПК КНР органы общественной безопасности в отношении задержанного в течении 3-дневного срока должны ходатайствовать перед народной прокуратурой о заключении

его под стражу. В исключительных случаях срок ходатайства о заключении под стражу может быть продлен от одного до четырех дней. В соответствии с п. 3 ч.7 ст. 108 УПК РФ, продление срока задержания допускается не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения. В китайском законодательстве наблюдаем в той же ст. 69 УПК КНР, что по делам о лицах, в отношении которых существует серьезные подозрения в совершении ими преступлений при побеге, неоднократно либо в составе группы, срок ходатайства о рассмотрении материалов для утверждения заключения под стражу может быть продлен до 30-ти суток.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать выводы о том, что задержание подозреваемого является сложной правовой категорией, детально регламентированной в законодательстве России и Китая.

Литература

1. Захарова В. К. Институт задержания в уголовном процессе Китая и России: сравнительно-правовая характеристика // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического МВД России (Хабаровск, 22–23 сентября 2016 г.). Хабаровск, 2016. С. 207–210.
2. Маркелов А. Г., Кошкин В. Н. О необходимости совершенствования оснований уголовно-процессуального задержания подозреваемого в совершении преступлений // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 1. С. 61–66.
3. Победкин А. В., Яшин В. Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2018. № 1–2. С. 16–24.
4. Россинский С. Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 1(74). С. 174–185.
5. Россинский С. Б. Протокол - лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 12(97). С. 150–165.
6. УПК КНР. URL: <http://www.bsu.ru/content/page/13369/upk-knr.docx> (дата обращения: 10.03.2020).

Особенности участия защитника в уголовном судопроизводстве России и Китая

© А. В. Савченко,
магистрант
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
Россия, г. Улан-Удэ
savchenko_29m@mail.ru

© Е. В. Гулина,
канд. юр. наук, науч. сотрудник,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»,
Россия, г. Улан-Удэ
gulinaalyona@mail.ru

В статье проводится сравнение некоторых особенностей участия защитника в уголовном судопроизводстве России и Китая. Рассмотрены объемы прав, которыми располагают защитники, основные отличия при регулировании адвокатской деятельности, а также особенности обязательного участия защитника в уголовном деле.

Ключевые слова: защитник, адвокат, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, уголовный процесс, юридическая помощь, близкие родственники, опекуны.

The article compares some features of the participation of counsel in the criminal proceedings of Russia and China. The scope of rights held by lawyers, the main differences in the regulation of advocacy, as well as the features of the mandatory participation of a defense lawyer in a criminal case are examined.

Keywords: defense counsel, lawyer, suspect, accused, defendant, criminal procedure, legal assistance, close relatives, guardians.

Понятие защитника в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) дается в ч.1 ст.49, которая расположена в главе 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты». Согласно данной норме, защитник — это лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Следовательно, защитник признается одним из участников уголовного судопроизводства. В отличие от указанного понятия защитника в российском законодательстве, Уголовно-процессуальный кодекс КНР (далее — УПК КНР) в ст. 82 в качестве участников уголовного процесса рассматриваются сторона в деле, законный представитель, представитель в процессе, защитник, свидетель, эксперт и переводчик. При этом сторона в деле — это потерпевший, лицо, подавшее частную жалобу, подозреваемый и обвиняемый в совершении преступления, истец и ответчик по дополнительному гражданскому иску.

Поэтому основным отличием уголовно-процессуального статуса защитника по китайскому законодательству является то, что он не признается участником процесса. По нашему мнению, как будет видно далее, это концептуально объясняет существенное отличие объема прав, которыми располагают защитники в уголовном судопроизводстве России и Китая.

Рассмотрим вопрос, кто может быть защитником согласно УПК РФ и УПК КНР. В соответствии с ч.2 ст.49 УПК РФ в качестве защитников допускаются адвокаты. Также по определению или постановлению суда защитником может быть один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого он ходатайствует. При этом на основании ч. 1 ст. 16 УПК РФ право на защитника имеется не только обвиняемого, но и подозреваемого. Следовательно, с учетом п.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г., № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» необходимо различать защитника подозреваемого и защитника обвиняемого:

- защитником подозреваемого в совершении преступления может быть только адвокат;
- защитниками обвиняемого могут быть одновременно адвокат и иные лица, указанные в ч.2 ст.49 УПК РФ, которые допускаются в дело в качестве защитников по определению или постановлению суда. Исключение из этого правила составляют дела, рассматриваемые мировыми судьями. В данном случае адвоката могут заменить вышеуказанные лица.

В ст. 32 УПК КНР [5] предусмотрено, что подозреваемый или подсудимый может поручить свою защиту одному или двум лицам:

- адвокатам;
- лицам, рекомендованным общественными организациями или организацией, к которой принадлежит подозреваемый или подсудимый;
- опекунам либо родственникам и друзьям.

При этом защитником не может быть лицо, отбывающее уголовное наказание, либо находящееся под стражей или те, чья свобода ограничена законом.

Таким образом, с одной стороны УПК КНР предусматривает более широкие возможности привлечения в качестве защитников лиц, не обладающих статусом адвоката. Так, в Китае такие лица могут быть защитниками не только обвиняемых, но и подозреваемых. Более того, право и подозреваемого, и обвиняемого при выборе защитника не ставится в зависимость от усмотрения суда или иного органа. В России ведущая роль при осуществлении защиты подозреваемых и обвиняемых отводится адвокатам. С другой стороны, в России круг лиц, которые могут быть защитниками обвиняемого и не обладают статусом адвоката, более широкий [1], по сравнению с УПК КНР. Возможно, это связано с тем, что российское законодательство преследует цель обеспечения профессиональной защиты прав с более ранней стадии, чем это предусмотрено в Китае. Поэтому рассмотрим регулирование статуса адвокатов в России и в Китае.

В Российской Федерации статус адвоката может быть присвоен при выполнении следующих условий: наличие юридического образования или ученой степени по юридической специальности, стаж работы по юридической специальности не менее 2 лет или стажировки в адвокатском образовании, успешное прохождение квалификационного экзамена в адвокатской палате субъекта РФ (ч. 1 ст. 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6]). Адвокаты в КНР вправе практиковать при условии наличия адвокатского удостоверения (выдается юридическим отделом Госсовета КНР при наличии соответствующего уровня подготовки и успешного прохождения экзамена) и лицензии (выдается при наличии вышеуказанного удостоверения, прохождения годичной стажировки в адвокатской конторе и при хорошем поведении).

В России статус адвоката не может быть присвоен недееспособным или ограниченно дееспособным лицам и лицам, имеющим непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного

преступления. В Китае лицензия на занятие адвокатской деятельностью не может быть предоставлена: недееспособным или ограниченно дееспособным лицам; лицам, подвергшимся уголовному наказанию за совершение умышленных преступлений; уволенным с государственной службы; лицам, у которых данная лицензия была отозвана ранее [2].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что основное отличие при регулировании адвокатской деятельности в России и Китае заключается в следующем: 1) для получения удостоверения адвоката в КНР не требуется наличие юридического образования; 2) возможно поэтому, в Китае двухступенчатая система подтверждения статуса адвоката — необходимо получить удостоверение и лицензию; 3) в КНР больше оснований, по которым лицу может быть отказано в допуске к адвокатской деятельности. В остальном требования примерно схожи. Однако вышеуказанные различия, как представляется, свидетельствуют о большей зависимости китайских адвокатов от государства, чем в России.

Анализ ст.33 УПК КНР свидетельствует о том, что в Китае право на защиту существенно ограничивается. Так, подозреваемый имеет право на защитника со дня передачи дела для предъявления обвинения. В этой связи отмечается, что ранее действовавший УПК КНР 1979 г. вообще предусматривал возможность участия адвоката только со дня начала судебного разбирательства. Однако в настоящее время юридическая помощь подозреваемому все еще остается неполной, т.к. адвокат в течение довольно продолжительного времени (с момента возбуждения дела, в течение предварительного следствия до предъявления обвинения) лишь оказывает юридическую помощь (консультацию). Это позволяет прийти к выводу, что такое правило не соответствует международно-правовым стандартам защиты прав лиц, подвергаемых уголовному преследованию [7, с. 13–14]. В России, согласно ст.49 УПК РФ, право на защитника появляется у подозреваемого на значительно более ранней стадии — с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении либо с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Если же дело было возбуждено в отношении неустановленных лиц, то возникновение права на защитника появляется с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого [3].

В соответствии со ст. 34 УПК КНР государство гарантирует предоставление в качестве защитника адвоката только в случае, если обвиняемый слепой, глухой, немой либо несовершеннолетний или обвиняемый может быть приговорен к смертной казни. По делам, возбужденным государственным обвинением, у суда есть право, но не обязанность, назначить обвиняемому адвоката для защиты его прав, если у него нет защитника, и он не может себе его обеспечить в связи с материальными трудностями или по иным причинам.

Ст. 51 УПК РФ предписывает обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе за счет государства, если подозреваемый (обвиняемый): 1) не отказался от защитника; 2) является несовершеннолетним; 3) в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; 4) не владеет языком производства по уголовному делу; 5) обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь; 6) дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей; 7) обвиняемый заявил ходатайство о принятии судебного решения в особом порядке; 8) высказал намерение заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; 9) если судебное разбирательство проводится в отсутствие подсудимого, находящегося за границей и (или) уклоняется от явки в суд. Таким образом, право на защиту более обеспечено по УПК РФ.

Как уже было отмечено выше, защитник по уголовному делу в России признается участником процесса. Поэтому в УПК РФ подробно регламентированы права защитника, которые, например, А.П. Рыжаковым подразделяются на: 1) права, одинаковые с правами большинства других участников уголовного процесса; 2) права как участника следственного действия; 3) права, одинаковые с правами подзащитного; 4) специфические права защитника [4, с. 61–65].

Согласно ст.37 УПК КНР адвокаты защиты имеют право обращаться в прокуратуру или в суд за сбором и получением улик, просить суд известить свидетелей для явки и дачи показаний. С разрешения прокуратуры или суда и согласия потерпевшей стороны или свидетелей, собирать у них информацию по делу.

Таким образом, права защитника по УПК КНР ограничены и во много поставлены в зависимость от стороны обвинения.

Подводя итог сравнительному исследованию участия защитника в уголовном судопроизводстве России и Китая, можно прийти к выводу, что защитник в РФ имеет больше прав и возможностей для

активного участия в уголовном процессе. В отличие от России, в Китае защитник во много поставлен в зависимость от государства, что, по нашему мнению, не способствует эффективной защите прав подозреваемых и обвиняемых.

Литература

1. Заборовский В. В. Структура правового статуса адвоката // Евразийская адвокатура. 2016. № 3(22). С. 15–21.
2. Об адвокатах и юридическом представительстве: закон КНР (обнародован на 19 съезде Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 8 созыва 15 мая 1996 г., вступил в силу 7 января 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsru.ru>. (дата обращения: 27.03.2020).
3. Пьянкова Д. Д., Медведкова С. А. Проблемы обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 2(17). С. 74–78.
4. Рыжаков А. П. Субъекты (участники) уголовного процесса. М.: Дело и Сервис, 2013. С. 61–65.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://www.bsru.ru/content/page/13369/upk-knr.docx> (дата обращения: 30.03.2020).
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г., № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 26.03.2020).
7. Чжан Ин. Сравнительное исследование права подозреваемого на адвокатскую помощь в уголовном судопроизводстве КНР И РФ: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2010. С. 13–14.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере государственного оборонного заказа на примере России и Китая

© А. В. Чумаков,
канд. юр. наук, доц. кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского Томского
государственного университета
Россия, г. Новосибирск
chumakov-alexey-nsk@yandex.ru

В работе проанализирован отечественный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым в рамках государственного оборонного заказа. Автором дана характеристика института государственного оборонного заказа в России. В работе также учтены особенности действующего уголовного законодательства Китая и дана оценка необходимости внедрения законодательных новелл, связанных с государственным оборонным заказом.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, обеспечение обороноспособности, злоупотребление полномочиями, мошенничество, уголовное законодательство.

In work is analysed domestic experience criminal-legal reluctance to crimes, made within the framework of state defense order. The Author is given feature of the institute of the state defense order in Russia. In work is also taken into account particularities acting criminal legislation Kitaya and is given estimation to need of the introducing the legislative short stories, in accordance with state defense order.

Keywords: state defense order, provision обороноспособности, abuse authority, fraud, criminal legislation.

Эффективное функционирование системы государственных закупок является крайне важным для обеспечения всех сфер жизни современного общества и государства. В данном отношении хотелось бы особое внимание уделить закупкам, направленным на обеспечение обороноспособности страны — государственному оборонному заказу. Именно тщательное и беспрекословное соблюдение действующего законодательства в данной сфере позволит избежать рисков наступления угроз национальной безопасности. Анализ актуальной судебной практики и мониторинг состояния преступности в мире позволяют заключить следующее: в последние годы учащение случаев совершения преступлений, связанных с исполнением заданий государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ) стало крайне

актуальным для некоторых стран АТР. Обусловлено это значительной уязвимостью данной сферы для криминальных посягательств, наличием сложностей в нормативно-правовом регулировании отдельных этапов реализации закупок на нужды обеспечения обороноспособности и другими факторами. В контексте исследования представляется возможным рассмотреть особенности уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере ГОЗ на примере России и Китая. Данное решение обусловлено следующим:

1. В ежегодном отчёте Министерства обороны Китая[1] за 2019 г. сказано, что фактические военные расходы страны оцениваются в более чем 200 миллиардов долларов (по итогам 2018 г.). По предварительным оценкам специалистов Министерства обороны Китая, в течение следующих нескольких лет ожидается увеличение расходной части годового бюджета на развитие обороноспособности страны примерно до 260 миллиардов долларов. Сопоставим указанные сведения о расходной части бюджета КНР с плановыми показателями бюджета РФ. Так, в РФ на период с 2019 по 2021 г. расходы на оборону, безопасность, а также правоохранительную деятельность составят около 30% от бюджета. В своём интервью глава департамента бюджетной политики Министерства финансов РФ Анатолий Попов сообщил о том, что «проект открытой части федерального бюджета предусматривает расходы в 2019 г. на национальную безопасность, оборону и правоохранительную деятельность в размере 1,382 триллиона рублей, в 2020 г. на эти цели направят 2,456 триллиона рублей, а в 2021 г. — 2,523 триллиона рублей» [6]. Иными словами, как в РФ, так и в КНР, наблюдается тенденция к значительному увеличению финансирования данной сферы, что способствует появлению рисков совершения экономических, должностных, коррупционных и иных преступлений.

2. В Китае по состоянию на конец 2019 г. было зарегистрировано около 7 миллионов преступлений [7], значительное количество которых направлены против собственности, совершены в сфере экономических отношений, в то время как на территории РФ аналогичный показатель составляет около 2 миллионов преступлений (из них более 40% — совершены в сфере экономической деятельности и более 35% — против собственности). Таким образом, чрезвычайная распространённость экономических преступлений и преступлений против собственности, а также очевидная криминализация контрактных отношений в целом (в том числе и при исполнении государственного оборонного заказа) обуславливает необходимость их акцентированной уголовно-правовой охраны[2].

Прежде чем проводить сравнительный анализ особенностей уголовно-правового законодательства РФ и КНР в части составов преступлений, совершаемых при исполнении заданий ГОЗ, представляется необходимым определить понятие государственного оборонного заказа. Так, Федеральный закон № 275-ФЗ от 29.12.2012 «О государственном оборонном заказе» трактует его следующим образом: государственный оборонный заказ — это «установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации.»[4; с. 7600]. Характеризуя институт государственного оборонного заказа хотелось бы отметить ряд особенностей, касающихся квалифицированной формы сделки по ГОЗ, внутренней структуры договорных связей, специального статуса субъектов, источников финансирования, механизмов, обеспечивающих государственный контроль (надзор) за своевременным и надлежащим исполнением обязательств по ГОЗ, в том числе финансовых механизмов, формирования единой федеральной информационной системы ГОЗ и т.д. Установление всех указанных обстоятельств имеет крайне важное значение в процессе квалификации и расследования преступлений, совершаемых при выполнении заданий ГОЗ.

Анализ следственной и судебной практики по делам данной категории позволил сделать вывод о том, что «центральными» составами преступлений, совершаемых при выполнении государственного оборонного заказа, выступают: 159 УК РФ (Мошенничество); 160 УК РФ (Присвоение и растрата); 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями); 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий); 290 УК РФ (Получение взятки); 291 УК РФ (Дача взятки). Менее часто преступные деяния, совершаемые в этой сфере, квалифицируются по статьям: 201.1 УК РФ (Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа); 285.4 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа); 204 УК РФ (Коммерческий подкуп); 199.2 УК РФ (Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счёт которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов); 199.1 УК РФ (Неисполнение обязанностей налогового агента). Особенности уголовно-правовой квалификации деяний в сфере ГОЗ более подробно рассмотрены в работах

В. Н. Боркова, А. Н. Савенкова [8], И. В. Разумовой [5], А. В. Куракина, А. Н. Сухаренко и других учёных.

Рассмотрим один из наиболее показательных примеров совершения преступления при выполнении заданий ГОЗ. Приговором Гарнизонного военного суда Новосибирска от 14.02.2019 начальника 628-го военного представительства Министерства обороны РФ в АО «Катод» (г. Новосибирск) в соответствии со ст. 286 УК РФ гражданина М. приговорили к 4,5 годам колонии за совершение преступления при следующих обстоятельствах: М., являясь ответственным за работу военного представительства и курирующим ход выполнения работ по ГОЗ, подписывал сметы расходов с завышенной стоимостью за производство оборудования и оказание услуг. Согласно условиям контракта, предприятие поставляло в организации Министерства обороны РФ приборы ночного видения, стоимость каждого из которых была значительно завышена, превышая при этом установленные контрактом нормы. Кроме того, в смету расходов были включены затраты на услуги управляющей компании, рекламные услуги, юридическую помощь и другие услуги, не имеющие прямого отношения к производству оборудования. Ущерб, причинённый преступлением, составил 162 миллиона рублей. В данном примере обозначен наиболее распространённый способ совершения преступления: завышение стоимости оказания услуг или производства товаров при исполнении государственного оборонного заказа. При этом, разрешая вопрос о том, были ли совершены преступные действия в рамках ГОЗ, следует также обратиться к Федеральному закону «О государственном оборонном заказе», закрепляющем на законодательном уровне категории услуг и продукции, включаемых в ГОЗ: НИР, НИОКР по созданию, модернизации вооружения, военной и специальной техники; поставки вооружения, военной и специальной техники, а также сырья, материалов и комплектующих изделий; поставки военного имущества, продовольственных и непродовольственных товаров; ремонт, модернизация вооружения, военной и специальной техники, их сервисное обслуживание, а также утилизация выводимых из эксплуатации вооружения, военной и специальной техники; работы по строительству, реконструкции, техническому перевооружению объектов, предназначенных для нужд обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации и т.д.

Обратимся к уголовному законодательству КНР. Анализ положений УК КНР позволил сделать вывод о том, что к числу преступлений связанных с выполнением заданий ГОЗ при различных условиях могут относиться:

1. Статья 427 УК КНР предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, дачу подчинённым указаний о выполнении действий, связанных с нарушением служебного долга, приведших к серьёзным последствиям (наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом);

2. Статья 395 УК КНР. Государственные служащие, стоимость имущества которых или расходы которых значительно превышают величину законных доходов, обязаны объяснить источник доходов. При невозможности подтверждения законности доходов, сумма, составляющая разницу, считается полученной в нарушение требований закона. В этом случае следует наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет или арест, а излишки имущества подлежат взысканию;

3. Статья 280 УК КНР. Фальсификация, купля-продажа или хищение, уничтожение официальных документов, удостоверений, печатей государственных органов (наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав);

4. Статья 370 УК КНР. Поставка войскам заведомо некачественных средств вооружения и военного снаряжения (наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом);

5. Статья 127 УК КНР. Кража, хищение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет);

6. Статья 264 УК КНР. Хищение государственного или частного имущества, совершенное в сравнительно крупном размере или совершенное многократно (наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания — штрафом);

7. Статья 438 УК КНР. Хищение, кража оружия и вооружения или материальных ценностей военного назначения (наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом);

8. Статья 282 УК КНР. Незаконное завладение государственной тайной путём хищения, шпионажа или покупки (наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав);

9. Статья 375 УК КНР. Фальсификация, подделка, купля-продажа или хищение, завладение путём грабежа официальными документами, печатями вооружённых сил (наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав);

10. Статья 431 УК КНР. Незаконное завладение военной тайной посредством хищения, шпионажа или подкупа (наказывается лишением свободы на срок до 5 лет).

Подводя итоги хотелось бы отметить, что уголовное законодательство КНР не содержит отдельной статьи, регламентирующей наступление уголовной ответственности за совершение преступлений при выполнении заданий государственного оборонного заказа, в отличие от Уголовного кодекса РФ, где этим общественным отношениям посвящены две самостоятельные статьи (ст. 201.1, 285.4. УК РФ). По нашему мнению, УК КНР не требует значительных дополнений и корректировок в части противодействия преступлениям в сфере ГОЗ, однако если вдруг появится такая необходимость — крайне эффективным, по нашему мнению, было бы использование Российского опыта нормативного регулирования общественных отношений, возникающих в системе государственных закупок для обеспечения обороноспособности, а также исследование сложившейся практики выявления, расследования и предупреждения таких преступлений.

Литература

1. Annual Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (дата обращения: 17.04.2020).

2. Борков В. Н. Применение уголовного закона при посягательствах на контрактную систему и государственный оборонный заказ [Электронный ресурс] // Правоприменение. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-ugolovnogo-zakona-pri-posyagatelstvakh-na-kontraktnuyu-sistemu-i-gosudarstvennyy-oboronnyy-zakaz> (дата обращения: 19.04.2020).

3. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О государственном оборонном заказе: федер. закон от 29.12.2012 г., № 275-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.

5. Разумова И. В. Государственный оборонный заказ: анализ правовых норм и проблемы их реализации в территориальных органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-oboronnyy-zakaz-analiz-pravovykh-norm-i-problemy-ih-realizatsii-v-territorialnykh-organakh-i-uchrezhdeniyah-ugolovno> (дата обращения: 01.04.2020).

6. Расходы на оборону и безопасность составят 30% от бюджета России на 2019-2021 гг. [Электронный ресурс] // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/raskhody-na-oboronu-i-bezopasnost-sostavyat-30-ot-byudzheta-rossii-na-2019-2021-gody.html> (дата обращения: 17.04.2020)

7. Россия, Китай и США в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <http://chius.ru> (дата обращения: 17.04.2020)

8. Савенков А. Н. Уголовная политика государства в сфере борьбы с преступлениями при реализации государственного оборонного заказа [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-gosudarstva-v-sfere-borby-s-prestupleniyami-pri-realizatsii-gosudarstvennogo-oboronno-go-zakaza> (дата обращения: 01.04.2020).

Сравнительно-правовой анализ института судебной баллистики в России и США

© **И. В. Шишмарёв**,
магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
i.shishmarev@mail.ru

Статья посвящена вопросам экспертного баллистического исследования оружия и боеприпасов, проводимого криминалистами в современных условиях. Кратко исследована история возникновения и развития этого вида экспертного исследования в США и России. Рассмотрены организации, специализирующиеся на производстве баллистических экспертиз.

Ключевые слова: баллистическая экспертиза; виды экспертного анализа; организации, осуществляющие производство баллистической экспертизы.

The article is devoted to the issues of expert ballistic research of weapons and ammunition conducted by criminologists in modern conditions. The history of the origin and development of this type of expert research in the United States and Russia is briefly studied. Organizations specializing in the production of ballistic examinations are considered.

Keywords: ballistic examination; types of expert analysis; organizations that carry out the production of ballistic examination.

На протяжении длительного времени американское общество борется с таким явлением, как насилие, зачастую связанное с применением огнестрельного оружия. В период с 1968 г. по настоящее время экспертами было зафиксировано наибольшее количество смертей, причинённых огнестрельными ранениями — 40 754.

Баллистическая экспертиза в США берёт начало в первой половине XX в., произошедшей 14 февраля 1929 г. в Чикаго, в результате столкновения двух криминальных группировок, лидерами данных группировок были Аль Капоне и его конкурент, Багс Моран, 7 человек из банды последнего были расстреляны. Несмотря на то, что причастность итальянского мафиози была очевидна, следовали не смогли доказать его вину. В расследовании участвовал учёный-баллист Кэльвин Годдард, он провёл экспертизу оружия и пуль с помощью специального микроскопа и заявил, что сотрудники чикагской полиции, обвиняемые в совершении убийства, не имели никакого отношения к делу, а настоящий убийца скрывается. Позже одного из членов группировки Капоне были найдены автоматы, и Годдардом было установлено полное соответствие пуль с места преступления с обнаруженным оружием. Также именно этим учёным была создана первая криминалистическая лаборатория [1].

В России эти исследования совпадают по времени с участием врачей в осмотрах трупов и относятся к середине XVII в. В начальный период развитие научных средств и методов расследования преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, происходило медленно. Еще медленнее они внедрялись в практику. Со второй половины XIX в. привлекать специалистов следователи и судьи стали прибегать чаще. В сложных ситуациях они стали привлекать крупных ученых. В России одним из первых ученых, которые привлекались в качестве специалистов, был профессор медико-хирургической академии Н. И. Пирогов [2, с. 140].

В 1879 г. опубликована работа, которая посвящена судебно-медицинскому исследованию огнестрельных повреждений, она была составлена медиком Щегловым. В ней рассмотрены все виды огнестрельного оружия, которые существовали в то время, типы снарядов и сущность процессов, происходящих при выстреле из огнестрельного оружия. При этом внимание он уделял выявлению таких признаков, которые можно было взять за основу экспертного исследования оружия и снарядов.

Щеглов описал след, возникающий от полей нарезов в канале ствола. Появление подобных следов описывается в книге следующим образом: «Пуля, встречая со своей стороны значительное препятствие движению, изменяет свою форму, слегка сплющивается, но, уступая давлению газов, вступает в нарезы. Тут часть свинца, составляющего пулю, соскабливается вышестоящими нарезами, вследствие чего на ней образуются желобки соответственно выпуклым частям нарезов» [3, с. 27].

В современное время в США при проведении баллистических экспертиз специализируются несколько организаций. Первой из них является Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF), основанное в 1972 г. в соответствии с Разделом XI Акта национальной безопасности от 2002 г. и Государственным законом 107–296 от 17 января 2003 г. Бюро выполняет

такие задачи, как защита граждан от особо опасных преступников, криминальных группировок, нелегального использования огнестрельного оружия (и его оборота), взрывчатых веществ. Также Бюро осуществляет отслеживание огнестрельного оружия, публикует отчёты по каждому из штатов. К примеру, в штате Флорида за 2017 г. было обнаружено и отслежено 21 088 единиц: 13950 пистолетов, 3130 револьверов, 2 436 винтовок, 1 328 дробовиков, 141 дерринджер, 35 ствольных коробок и 68 др. В отчётах информация ранжируется также по таким аналитическим критериям, как возраст обладателей, калибр оружия, количество единиц по штатам и городам.

Второй организацией является Национальная сеть объединённой баллистической информации, программа, созданная в 1999 г. Она осуществляет автоматизацию баллистических оценок, обеспечивает оперативное расследование преступлений. Во-первых, это единственная в Америке разработанная программа, которая дает возможность скомпилировать баллистические улики и применимо к раскрытию преступлений их сравнить. Во-вторых, с момента её создания сотрудники собрали примерно 3.3 млн. баллистических улик и доказательств. В-третьих, она располагает только уликами, оставленными огнестрельным оружием и боеприпасами и их элементами. Для контроля за последними в качестве технической поддержки ATF используется The Fire arms and Ammunition Technology Division — это программа, напрямую связанная с оружейной индустрией. С помощью данной программы осуществляется определение видов оружия и боеприпасов, как разрешённых к обороту в США, так и нет.

Помимо прочего, по ним собираются справочные материалы с техническими характеристиками и заносятся в единый реестр оружейной базы данных. В современное время технологическими разработками, находящим применение в криминалистике и судебно-баллистической экспертизе, занимается американский Национальный Институт Стандартов и Технологий (NIST). В криминалистических лабораториях эксперты проводят оценку и осуществляют сопоставление доказательств, используют микроскопы, благодаря чему устанавливается причастность лица к совершению преступления, виновно или невиновно [4].

В России на производстве баллистических экспертиз специализируются следующие организации. Первое — федеральное государственное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». Федеральное государственное бюджетное учреждение «ЭКЦ МВД России» является государственным судебно-экспертным учреждением, непосредственно подчинённым Министерству внутренних дел Российской Федерации.

ФГКУ «судебно-экспертный центр МВД России» — начальник экспертного отдела Министерства внутренних дел Российской Федерации по обеспечению функций Министерства организации судебно-экспертной деятельности. Есть и коммерческие организации. Такие как «Honest» и «Avant-Expert».

Компания «Honest» предоставляет услуги диагностических и идентификационных экспертиз оружия. Эксперты проводят экспертизы с профильным высшим образованием и опытом работы в экспертных центрах при УВД. Все сотрудники имеют представление о специфике проведения экспертизы для суда и её дальнейшего представления в судебном заседании. По этой причине заключения «Honest» принимают суды всех уровней. Кроме того, специалисты компании участвуют в судебных заседаниях в качестве судебных экспертов и имеют хорошую репутацию среди судей. В случае проигрыша в суде клиенту возвращается 80% от потраченной суммы. За последние 10 лет компания проиграла суд только один раз.

«Avant-express» — это универсальная компания, которая занимается всеми видами независимой экспертизы. Эксперты являются членами СРО (саморегулируемых организаций экспертных организаций), имеют профильное образование и опыт работы. Профессиональная деятельность специалистов застрахована. Стоимость баллистической экспертизы зависит от перечня вопросов, на которые должен ответить эксперт [5, с. 197].

Что же представляет собой стандартная судебно-баллистическая экспертиза в США? Прежде всего, экспертами под этой деятельностью понимается технический анализ оружия, схемы его действия с применением физико-математического расчёта, а также изучение боеприпасов для установления данных, способствующих раскрытию преступления. Помимо исследования оружия и боеприпасов в экспертизу входит работа с материалами, потенциально используемыми для производства конкретных частей оружия, подвергаются анализу следы, ставшие результатом его применения, проводятся эксперименты и изучается место совершения преступления. В англо-американской теории экспертных исследований баллистическая экспертиза подразделяется на три вида: внутреннюю, внешнюю и заключительную. Внутренняя направлена на изучение процессов, происходящих внутри оружия при

воспроизведении выстрела, а именно механической цепи, начинающейся с запуска при оказании давления на спусковой крючок до выпуска пули из ствольного канала.

В России «судебная баллистика» это раздел криминалистического оружиеведения, изучающей конструкцию и изготовление огнестрельного, газового, пневматического оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, устройств оповещения и конструктивно сходных с оружием изделий, их частей и частей, а также патронов к ним; закономерности явлений внутренней и внешней баллистики выстрела; закономерности механизма образования следов частей и компонентов оружия на гильзе и пуле, остатков огнестрельного оружия на преграде; разработка приемов, методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, оценки этих предметов и следов в целях раскрытия и расследования преступлений [6, с. 12].

В настоящее время судебно-медицинские эксперты в США используют новейшие технологии, которые значительно облегчают экспертам раскрытие преступлений, связанных с вооруженным насилием. Контроль за незаконным оборотом оружия и способы защиты населения от вооруженных преступников в США постоянно совершенствуются благодаря разработке новых методов и устройств организациями, занимающимися производством баллистической экспертизы.

Литература

1. America's unique gun violence problem, explained in 16 maps and charts // Vox [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2017/10/2/16399418/us-gun-violence-statistics-maps-chart> (дата обращения: 10.09.2019).
2. Пирогов Н. И. Очерки судебной баллистики: пособие для следователей. М., 1954. С. 140.
3. Щеглов Н. И. Материал к судебно-баллистическому исследованию. 1879. С. 27.
4. Catching Killers with Better Ballistic Tech // Discover Magazine. January 03, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://discovermagazine.com/2018/oct/going-ballistic> (дата обращения: 10.09.2019);
5. Федоренко В. А. Актуальные проблемы судебной баллистики. М.: Юрлнтинформ, 2017. С. 197.
6. Беляков А. А., Матюшенков А. Н., Попова Т. В. Оружиеведение: учеб. пособие. Ч. 3. Судебная баллистика. Челябинск, 2004. С. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Линхоева Е. М. Сравнительно-правовой анализ систем налогового регулирования России, Японии и Сингапура.....	6
Рахманова Д. С. Проблемы правового регулирования ведения интернет-блога: в России и США.....	9
Сергеева Н. С. Историко-правовое сравнение конституций Якутии.....	12
Халтанов М. С. Конституционное регулирование экономической деятельности в России и в зарубежных странах: Россия, Индия, Вьетнам.....	14
Шевченко В. Е. Особенности волеизъявления граждан посредством референдума: компаративный анализ российского законодательства и законодательства стран АТР.....	17
Цуй Мань. К вопросу о законности «домашнего обучения» в Китае.....	21
Enkhjargal Damdinsuren. Studying Mongolian Herders through Oral History.....	24
II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Богодухов Н. А. Проблемы института трансграничного банкротства по законодательству Китая и России.....	27
Дульский А. Д., Калашникова В. И. Дипломатия Чингисхана и ее значение в современном мире.....	30
Калашникова В. И., Пэн Да. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере защиты личной информации: сравнительный анализ законодательства России, США и Китая.....	33
Мадаев Е. О. Экзаменационная власть Тайваня как форма реализации доктрины.....	37
Норбоева Д. Ц. Сравнительно-правовой анализ законодательства о чрезвычайных ситуациях России и Китая.....	40
Хосрави Шозаб. Международная налоговая система и налоговое законодательство Ирана.....	43
III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
Гармаев А. О. Права на землю в Российской Федерации и Индонезии.....	46
Гармаева Ц. Б. Применение договора эскроу в России и в США.....	48
Дабаев Б. А. Сравнительно-правовой анализ использования результатов судебных экспертиз в цивилистическом процессе России и Китая.....	50
Мяо Ицзя. О гражданской дееспособности физических лиц по законодательству Китая... ..	53
Норбоева Д. Ц. Сравнительно-правовой анализ института медиации в России и Китае	55
Очирова А. Д, Пластинина Ю. А. Сравнительное правоведение: Россия и Гонконг.....	57
Рахманкулов И. Р., Горян Э. В. Подходы к определению статуса продуктов нейронных сетей авторского права в государствах АТР.....	61
Савельева Т. А. Эффективность законодательства о защите требований работников при банкротстве работодателя: сравнительный анализ.....	65
Санжиева Е. Б. Особенности государственного планирования и контроля использования земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности.....	67
Слепнева Е. С. Спор или конфликт.....	70
Хангаев Л. А. Сравнительный анализ положений о финансовых деривативах в странах Японии, США и России.....	74

Цыденова Б. Б. Сравнительно-правовой анализ алиментных обязательств родителей по законодательству России и Китая	76
Шушакова К. А. Сравнительный анализ развития правового обеспечения микрофинансовой деятельности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике	80

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Ван Ли. Ответственность за нарушение закона о профилактике и лечении инфекционных заболеваний по уголовному праву КНР.....	83
Доброхотова А. А. Торговля людьми: сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм в законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан.....	86
Дорж Энхтур. Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за отмывание денежных средств по законодательству Монголии и России	88
Дууза С. Ш. Сравнительный анализ взяточничества в странах АТР.....	91
Кравченко К. М. Противодействие нацизму и расовой дискриминации в Австралии	93
Линхоева Е. М. Борьба с коррупцией в Российской Федерации и Сингапуре: сравнительно-правовой анализ.....	97
Луценко Н. С. Уголовно-правовые меры, не связанные с наказанием, по уголовному законодательству Китайской Народной Республики.....	100
Люттов В. А. Особенности уголовной ответственности за хищение банковских и иных платежных карт по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики	103
Пастушенко А. А. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств в Монголии и Российской Федерации.....	105
Пахоруков А. А., Мяханова А. Н. Сравнительно-правовой анализ досрочного освобождения от отбывания наказания в КНДР и РФ.....	108
Рослова В. С. Особенности имплементации института наказания России и Китая.....	110
Салишев С. Н., Чумаков А. В. Мошенничество при получении материнского (семейного) капитала: проблемы уголовно-правового противодействия в России и Китае.....	111
Сизова В. Н. О возвращении в российское законодательство уголовного проступка: pro и contra.....	114
Соколов А. А. Сравнительно-правовой анализ оснований освобождения от наказания или его отбывания в некоторых странах АТР.....	117
Скурлатов В. С., Трудников А. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за террористические преступления по законодательству России и Китая	120
Хетхенов С. Л. Сравнительно-правовой анализ института уголовной ответственности за хулиганство по законодательству зарубежных стран.....	123
Шагжаева Д. А. Уголовная ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним по законодательству РФ и США.....	125

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Антонов К. Н. Сравнительно-правовой анализ законодательства о мерах пресечения в уголовном процессе России и Китая.....	129
Васильева В. В. Отдельные особенности уголовно-правовой характеристики убийств, совершаемых женщинами: сравнительно-правовой анализ.....	132
Гаврилов Б. Я. Об эффективности современного российского досудебного производства: мнение ученого и практика.....	134
Дондупова Ж. Б. Сравнительно-правовой анализ организационно-правового статуса эксперта в уголовном судопроизводстве в России и КНР.....	139
Крысина Н. Р., Нарядчиков В. Н. Право защитника собирать доказательства в уголовном судопроизводстве по законодательству некоторых стран АТР: сравнительно-правовой аспект.....	141

Нечаева О. Д. Применение правил исключения доказательств в уголовно-процессуальном праве Китая.....	144
Площук К. В., Гулина Е. В. Институт задержания в России и Китае: сравнительно-правовой аспект	147
Савченко А. В., Гулина Е. В. Особенности участия защитника в уголовном судопроизводстве России и Китая.....	150
Чумаков А. В. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере государственного оборонного заказа на примере России и Китая.....	153
Шишмарёв И. В. Сравнительно-правовой анализ института судебной баллистики в России и США.....	157

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – XI

*Материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции
(заочный формат)*

(Улан-Удэ, 17 апреля 2020 г.)

Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 28.09.20. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 16,80. Усл. печ. л. 19,07. Тираж 100. Заказ 115.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Улан-Удэ
2020